

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт философии и права

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ И ОТДЕЛЕНИЙ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Материалы XIV межрегиональной научной конференции
молодых ученых*

Новосибирск
2016

УДК 303.01

ББК 87

А437

Сборник издан по решению Ученого совета Института философии и права
НГУ и Ученого совета Института философии и права СО РАН

Рецензент

доктор филос. наук, профессор *В.В. Целищев*

Отв. редакторы

канд. юрид. наук *А.Б. Дидикин*,

канд. филос. наук *В.В. Петров*

А437 Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: Материалы XIV Межрегиональной научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос.ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2016. – 276 с.

ISBN 978-5-4437-0573-6

В сборнике публикуются доклады участников XIV Межрегиональной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Книга рассчитана на специалистов в области философии, социальных исследований и права, а также всех интересующихся проблемами и перспективами социальных и гуманитарных исследований. Труды изданы при участии Совета научной молодежи НИЦ СО РАН. Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 303.01

ББК 87

ISBN 978-5-4437-0573-6

© Институт философии и права
СО РАН, 2016

© Новосибирский государственный
университет, 2016

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ТРАНСИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ УЗЕЛ ИНОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

А.А. Гордиенко

Новосибирск, Институт философии и права СО РАН
gordienko.22@mail.ru

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 15-03-00437
«Реформируемая наука. Институциональные и социальные последствия
реформы академической науки в России»*

Стратегический акцент российской экономики связан с развитием традиционных для России отраслей высоких и средневысоких технологий, в том числе, ядерных, аэрокосмических, военных. Однако вероятность того, что эти отрасли станут фактором выхода на инновационную траекторию не слишком велика. «Определенный прорыв за счет традиционных отраслей «хай-тек», – как отмечают специалисты, – возможен, но для этого следует акцентировать так называемые эффекты «перелива» (spillover effects) – прежде всего, разные формы трансфера технологий и компетенций в пользу смежных отраслей и новых инновационных направлений». Между тем, политика, направленная на поощрение «переливов из традиционного российского «хай-тек», не разработана ни на идеином, ни на инструментальном уровне» [1, с. 166]. При этом проблема «перелива» имеет принципиальное значение не только для перехода от традиционных отраслей высокотехнологического развития к современным, но и для перспективных.

Достижение эффектов «перелива» в значительной мере связано с моделью сетевых взаимодействий между участниками инновационного развития, в частности, с интерактивной сетевой кооперацией (понятие коллаborации) представителей трех институциональных секторов – бизнеса, науки/университетов и государства (модель тройной спирали). Коллaborации предполагает специфическую социокультурную и институциональную среду, в которой коммуникативная рациональность и определенный баланс горизонтальных и вертикальных взаимодействий являются решающими факторами развития. Развитие этих процессов предполагают переход от консервативных модернизаций к институционально-личностной модернизации, в рамках которой осуществляется непосредственное участия человека в преобразовании, возможность вырабатывать,

применять свои знания и принимать решения на личностном уровне. Тем самым «институционально-личностная модернизация не просто вписывается в жизненные планы людей – она метафизически обосновывает биографические смыслы граждан» [2, с. 274-275]. Такие преобразования проявили себя, начиная с «бурных 60-х» годов XX века, когда наиболее развитые общества начали перестраиваться в более гибкую систему с элементами постиндустриальных отношений. Они захватили и СССР, где в индустриально продвинутых регионах развернулась спонтанная институционально-личностная модернизация. Она осуществлялась, как это бывает в России инициативно «снизу», (так сказать, самим народом) вдали от центра на периферии. Наиболее полноценно спонтанные институционально-личностные преобразования реализовалась при создании научных центров в восточных районах страны, и прежде всего, в Новосибирске [3, с.187-273]. Здесь возникли очаги постиндустриального развития.

В этой связи можно говорить о том, что «России-СССР на пороге 90-х годов был предоставлен шанс, войти в мир, где сложно организованы личность и общество становятся ведущими факторами развития». Однако, «дефицит самостоятельных, морально мотивированных субъектов оказался слишком велик, а качество правящего класса – низким» [4, с. 5]. Как представляется, и указанный дефицит, и низкое качество правящего класса сложились потому, что, будучи носителем консервативной модернизации, правящий класс, по сути дела блокировал спонтанно возникшую институционально-личностную модернизацию, деморализовав ее носителей. В результате в стране к власти пришла не «эклектическая генерация людей – прообраз постиндустриального класса» [4, с. 5], возникшая на закате существования СССР, а пассионарная группа, ориентированная на «бытовое благоденствие», «основой деятельности, которой стала «трофейная экономика» (salvageeconomy) и распределение/перераспределение природной ренты. Свойственная данной группе «моральная коррупция и короткий горизонт планирования предопределили постиндустриальную контрреволюцию и социальную деградацию» [4, с. 5]. Та часть общества, которая могла образовать постиндустриальный класс, располагая соответствующим интеллектуально-нравственным потенциалом и образуя, критическую массу социальной базы реформ, осталась невостребованной реформаторами [5, с. 23].

И до сих пор российское государство не воспринимает модернаторов «снизу» с их спонтанной инициативой и потенциалом самоорганизации на основе горизонтальных взаимодействий. В этой связи следует подчеркнуть, что центрированные процессы существуют и мыслимы лишь до тех пор, пока стороны взаимодействия выстроены иерархически. Для таких процессов характерно присутствие носителя доминирующей логики и субалтерна (как подчиненного, молчащего и слушающего – лишенного

субъектности). Однако и понимание инновационного процесса как такового и выявление логики его развития в конкретных условиях предполагают по самой природе этого процесса диалог его субъектов. А это означает, что само по себе инновационное развитие с его диалогами направлено на преодоление конкретных форм общественных взаимодействий, характерных для индустриального общества, где доминируют центрированные процессы, в рамках которых, вообще говоря, и носитель доминирующей логики и субалтерн есть объекты субалтернизации.

Можно предположить, что в современной России существует и воспроизводится, так сказать, скрытый человеческий потенциал, ориентированный на инновационное (постиндустриальное развитие), носители которого, при отсутствии горизонтальных взаимодействий, оказывается объектами субалтернизации. Это относится не только к модернизаторам «снизу», но и к тем, кто пытается запустить инновационное развитие исключительно «сверху». Задача в том, как мобилизовать потенциал обеих сторон, дело в том, что и носитель доминирующей логики и субалтерн (как лишенный субъектности) не столько, так сказать, не могут быть релевантными задачам инновационного развития вне диалога, сколько находится в состоянии эпистемологической и онтологической несвободы. К фундаментальным основаниям такой несвободы нельзя не отнести и реформы в образовании и науке, «которые серьезно снижают творческую и гражданскую самостоятельность, как интеллигенции, так и более широких слоев населения, но продолжаются, несмотря на критическое восприятие специалистов и общественности» [6, с. 22].

В этой связи развертывание инновационных преобразований связанных с решением двух взаимосвязанных задач – проведением ремодернизации, и создание очагов институционально-личностной модернизации в современной России возможно, скорее, в конкретных регионах. По крайней мере, в тех регионах, которые в советское время были анклавами постиндустриального развития. На самом деле, отсутствие такой стратегии и таких приоритетов в современной России в сравнении с СССР, означает, что спустя 25 лет, страна в качественном отношении так и не поднялась до уровня СССР. Это означает также, что проблема «перелива», эффекты «перелива» так и останутся недоступными для реальной практики инновационного развития России. При этом мы исходим из того, что «даже в условиях сохранившихся старых общественных отношений и дефицита средств можно и нужно приступать к очаговой модернизации на постиндустриальной основе»[7, с. 336].

Речь идет как раз о регионах бывших анклавах постиндустриального развития и не об абстрактных директивах и программах развития этих регионов, а о реальных процессах и процедурах запуска и реализации конкретных проектов инновационного развития. Как известно первич-

ные предпосылки институционализация инновационного развития складываются в процессе коммуникативной рационализации, коллективного мышления, в рамках тройной спирали в процессе развертывания трансинституционального сообщества, создаваемого субъектами развития (государством, бизнесом и наукой), в котором происходит превращение вырабатываемых регулятивных идей в конститутивные (порождающие) [8, с. 114-126]. Задача состоит в том, чтобы в конкретные проекты с самого начала встраивались социокультурные трансинституциональные сообщества, задавая соответствующий масштаб, мерность, дух общения, стиль коммуникации для устроителей проекта, то имманентное инновационному проекту качество, которое делает его инновационным.

Такие возможности заключаются в самом трансинституциональном сообществе. Дело в том, что, двигаясь к консенсусу посредством создания смысловых каркасов, и налаживанию на этой основе дискурса, участники трансинституциональной коммуникации создают здесь и сейчас некое конкретное виртуальное сообщество и оказываются в той сфере, в которой минимизируется влияние общества, и возникают возможности для выработывания новый смыслов. Сам по себе процесс выработывания смыслов ставит участников перед проблемой, суть которой, в том, что новые смыслы не конструируются и не творятся человеком просто так, они провоцируются ситуациями, в которые он попадает. Иначе говоря, человеку нужен вызов, он должен совместно с партнерами обнаружить себя в условиях антиутопии, чтобы начать действовать. Нужно зайти в тупик, чтобы активно искать выход за пределы наличного опыта, зачастую в агрессивной окружающей среде.

Трансцендируя за пределы наличного опыта в чувственно-рациональном резонансе друг с другом, субъекты трансинституциональной коммуникации погружаются в экзистенциальный опыт, где доминирует аскеза. Здесь каждый соединяется не только с другим, но и с собой через другого. При этом трансцендирование, разделяя однородное (выявляя в каждом другого и себя), соединяет разнородное – субалтерна с человеком доминирующими, и оба они на этой основе обретают чувство человеческого достоинства. Так «принцип человеческого достоинства или безусловное значение каждого лица» естественным образом становится принципом организации трансинституционального сообщества, в силу чего оно может быть определено как внутреннее, свободное согласие всех – эта та единственная нравственная норма, которая определяет само качество такого сообщества, его самоценность и сущность. На этой основе происходит утверждение эпистемологической и онтологической свободы.

Таким образом, именно в социокультурном трансинституциональном сообществе основными проблемами становятся вопросы персональной идентичности, онтологической и эпистемологической свободы.

Коммуникативная рационализация в таком социокультурном узле обусловлена не только общезначимыми правилами выработанными «здесь и сейчас», но и субъективными смыслами его участников. Именно в таких узлах зарождается институционально-личностная модернизация. Здесь происходит обоснование биографических смыслов коммуникантов и готовится переустройство социума, запускающее инновационный процесс.

Такие переустройства начинаются с социокультурных узлов в которых, утверждается некий понятный ценностный стержень, придающий стихии социальной жизни инновационный приоритет на основе соответствующего смыслового вектора. Очевидно, что такая система деятельности в регионах-анклавах находится в глубоком резонансе с позицией тех представителей российского народа, которые выживая в условиях кризиса национального духа, опираются на интуиции новых форм жизни.

Литература

- 1.Данилин И. От импортозамещения к инновациям: российская промышленно-технологическая политика в глобальном контексте // Год планеты: ежегодник / Ин-т мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. М., 1992. Вып. 2015 г.: экономика, политика, безопасность / [гл. ред. В.Г. Барановский]. М. : Идея-Пресс, 2015. – С. 163-170.
- 2.Согомонов А. Этика догоняющей модернизации // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 6. – С. 269-276.
3. Гордиенко А.А. Новосибирский Академгородок реликт «утраченного мира» или «Силиконовая тайга». Книга первая: Социально-исторические и генетические предпосылки трансформации науки XXI века. – Новосибирск, 2014. – 386 с.
- 4.Неклесса А. Культиваторы будущего // Независимая газета. 2015. – 23 октября. – С. 5.
- 5.Тульчинский Г.Л. Российский потенциал свободы // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 16-30.
- 6.Лапин Н.И. Симптомы социогуманитарной рецессии и способы укрепления социального государства // Общественные науки и современность. – 2016. № 5. – С. 19-29.
- 7.Шубин А. Модернизация и постиндустриальный барьер, или почему у Медведева ничего не получается // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 6. – С. 321-337.
- 8.Киященко Л.П. Синергетика сложности и трансинституциональная матрица инноватики // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». М.: Прогресс - Традиция, 2011. – С. 114-126.

РЕФОРМА АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЮДЕЙ НАУКИ: АНАЛИЗ ОДНОГО ИНТЕРВЬЮ

А.М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН

ablazhey@philosophy.nsc.ru

*Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00437
«Реформируемая наука. Институциональные и социальные последствия
реформы академической науки в России».*

В основу данного текста положено интервью, взятое автором летом 2015 г. Наш респондент – заведующий лабораторией, т.е. так фигура академического мира, которая была назначена статья, по сути, эпицентром всех изменений, происходящих сегодня в академическом секторе отечественной науки. Не секрет, что немалое число тех, кого можно назвать авторами и движущей силой реформ в сфере организационного устройства фундаментальных исследований в нашей стране, стремились и стремятся сделать именно небольшие успешные научные коллективы главным субъектом научной политики, в противовес советской традиции, где наука делалась, как правило, в больших по численности институтах. По сути, налицо стремление реформировать науку по западным лекалам, где получателем средств на исследования является не учреждение, а конкретный ученый и созданный им под конкретный проект коллектив [Мирская, 2005]. В условиях текущей реформы именно завлабы стали, по сути, своеобразными посредниками между дирекцией и рядовыми сотрудниками. Именно они облекают в форму заявок и программ те не очень понятные распоряжения и циркуляры, которые попадают в институты из ФАНО. Именно завлабы несут основную тяжесть планирования, поиска финансирования, организации и отчетности по исследовательским проектам. От того, насколько успешно завлабы сумели адаптироваться к нынешней ситуации, зачастую зависит судьба не только лаборатории и работающих в ней людей, но и всего института.

Завлаб, об интервью с которым идет речь, работает в одном из институтов естественно-научного профиля Иркутского научного центра. Это не только успешный ученый (а успех ученого сегодня определяется, вне всяких сомнений, не только наличием статей в «правильных» журналах, но и той совершенно невероятной нагрузкой, которая падает на его плечи), но и успешный менеджер, сумевший не только собрать, но сохранить и расширить свой исследовательский коллектив. Очень и очень важное обстоятельство заключается также в том, что такие люди, как правило, имеют

свою собственную точку зрения на то, что происходит с наукой, трезво оценивают свое место и место своей лаборатории в современной науке. Этого респондента с полным правом можно отнести к активно работающим ученым. В очень большой степени именно эта группа научных сотрудников – заведующие секторами или лабораториями, в возрасте около 55-60 лет, как правило, работающие в институтах естественно-научного профиля – являются сегодня тем фундаментом, на котором держится российская фундаментальная наука. Именно эти люди не ушли из науки в тяжелые для нее 1990-е гг., будучи совсем молодыми людьми; они сочетают в себе ответственное, доходящее до самопожертвования, отношение к науке не просто как к профессии, но как к делу всей жизни, с вполне адекватно усвоенными правилами, способами и механизмами адаптации к новой реальности, в условиях которой им приходится организовывать исследовательский процесс – от поиска денег на новый проект до подготовки отчета и коммуникации с заказчиком. Они прекрасно отдают себе отчет, с одной стороны, в том, что реформа назрела, с другой – что делается она из рук вон плохо, поскольку изначально заложенные принципы и цели реформы зачастую собственно к науке прямого отношения не имеют. (*«Первое, и это, я думаю, вообще никем и никогда не отрицалось и не отрицается, и это совершенно насущная проблема – реформа [была] абсолютно необходима. Второе – в том виде, в каком реформа была предложена и реализована, ну, начинает реализовываться: в том виде, в каком она была предложена, она вообще была недопустима совершенно, в том виде, в каком она реализуется, она вызывает очень большие опасения»*). При всем при этом наука никуда не делась, обязательства по грантам и заказам тоже, и их надо исполнять. Ситуация конкретно в этом институте носит специфический характер, она не вполне типична для современной российской науки: институт получил огромный грант в несколько миллиардов рублей, на реализацию проекта «Национальный геофизический центр», что, с одной стороны, добавило уверенности в будущем, с другой – увеличилась и так непомерная нагрузка на сотрудников, прежде всего – среднего административного звена.

Будучи, в большинстве своем, плоть от плоти порождением советской модели науки, люди этого типа на дух не принимают идею введения в институтах стандартного стиля управления, когда нанятый кем-то профессиональный управлеңец руководит научным учреждением, не особо вдаваясь в специфику его деятельности. Все-таки идея того, что директор должен быть прежде всего профессиональным ученым, но умеющим еще и руководить, сомнению почти не подвергается. В этой связи отметим, что один из наиболее часто звучащих упреков в адрес Федерального агентства научных организаций как раз и заключается в том, что оно пытаются руководить наукой, не понимая ее специфики: «не в меру ретивыми “эффект-

тивными менеджерами” выдвинуты и реализуются совершенно нелепые проекты укрупнения институтов путем их интеграции на “междисциплинарной” основе».

Как «абсолютно недопустимая» квалифицируется идея того, что деятельность научного учреждения (в данном случае – института), равно как и отдельного ученого, должна оцениваться на основе формальных научометрических показателей: числа опубликованных в «нужных» журналах статей, индекса цитирования и пр. Идея сделать индекс Хорша мерилом всех вещей научное сообщество, несмотря на очень серьезные усилия профильных ведомств, упорно не принимает. Одновременно абсолютно отрицается идея сделать центром реформы фигуру отдельного, пусть и успешного, ученого, или в крайнем случае – отдельно взятой успешной лаборатории. Несмотря на то, что в данном случае ее неприятие обусловлено в первую очередь опять же спецификой института – у него «гигантская экспериментальная база», на содержание которой нужны гигантские же деньги, эта мысль явно является общей для подавляющего большинства наших респондентов, относящихся к самым разным возрастным, гендерным, административным группам ученых.

Возникает очень любопытная ситуация: привычный спор двух логик управления и финансирования науки: условно «советской» – его единицей является учреждение в целом, и «постсоветской» («западной») – единицей является отдельный успешный ученый или небольшая группа, лидером которой является опять же этот самый ученый, осложняется наличием еще одной логики – единицей становится (или должен стать) условный «ускоритель» или «телескоп». Понятно, что условно «советская» логика отражает менталитет советского же ученого, для которого наука – не просто профессия, но образ жизни, миссия, институт – второй дом, коллектив, в котором нередко проходит вся жизнь – вторая семья. и пр. Условно «постсоветская» логика отражает настроения прежде всего молодой научной поросли, которые увидели в реформе шанс быстрой академической (в том числе управленческой) карьеры. А вот условно «третья» логика – это отражение взглядов той части сообщества, которая нацелена на результат, но не ценой жесткой отбраковки людей, с которыми так привычно и комфортно работать, даже если формальные показатели у них слабые. Плюс – на первом плане для этих людей находится логика научного поиска, обеспечения самой возможности работы, борьба с имитацией науки.

Литература

1. Мирская Е.З. Научные школы: история, проблемы и перспективы // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семеновой, А.В. Юревича. М.: Логос, 2005. С. 13-25.

2. Письмо ученых – академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН – президенту РФ от 24 июля 2016 г. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3046956>. доступ 15 октября 2016 г.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ФОРМАТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: В СЕТИХ КОНЦЕПЦИЙ И КРИТЕРИЕВ

В.В. Петров

Новосибирский государственный университет

Институт философии и Права СО РАН

v.v.p@ngs.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 15-03-00437 «Реформируемая наука. Институциональные
и социальные последствия реформы академической науки в России»)*

В условиях системных реформ в России произошли значительные изменения в структуре научно-образовательного сектора (статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект № 15-03-00437 «Реформируемая наука. Институциональные и социальные последствия реформы академической науки в России»). В частности, пытаясь адекватно ответить на вызов современности, с целью перевода академической науки в университетский формат созданы федеральные и национальные исследовательские университеты. При этом отечественная концепция данных университетов, несмотря на то, что она прошла многочисленные согласования, корректировки и доработки, по-прежнему далека от идеальной, хотя в основу ее создания положен положительный опыт развития ведущих западных университетов и научно-образовательных центров. С одной стороны, проведение конкурса и официальное номинирование его победителей в качестве национальных исследовательских университетов в определенном смысле стало практическим воплощением тех идей, которые в том или ином виде дискутировались в академическом сообществе на протяжении длительного времени. Но с другой стороны, до сих пор остается неясным, в какой степени начавшаяся программа реорганизации университетов соответствует мировой практике и предлагавшимся концептам.

Как правило, в качестве образца выбирается система организации науки и высшего образования в США, поскольку в международных университетских рейтингах больше половины первой сотни университетов оказываются американскими [Академический рейтинг] Конечно, в основе американской модели успешного исследовательского университета, который занимается фундаментальными исследованиями, лежит еще более старая модель средневековых университетов Европы, но, тем не менее,

сегодня именно США обладают лидирующим потенциалом в области инноваций. Несмотря на многочисленные различия в подходах к сравнению университетов, можно выделить общую часть для всех используемых в США формальных и неформальных классификаций исследовательских университетов, где в качестве основных параметров выступают, во-первых, высокая доля расходов на научные исследования в бюджете университетов; во-вторых – подготовка в университете специалистов высшей научной квалификации.

Изначально подобные критерии определялись в качестве основных и при разработке российских концепций исследовательских университетов еще в 1990-е гг. Так, в 1996 году появилась концепция «Федерального исследовательского университета», идеологом которой выступил ректор МГТУ им. Н.Э. Баумана И.Б. Федоров. Несколько позже, в рамках программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.» была разработана концепция российского исследовательского университета и обоснована целесообразность создания в системе ВПО сети исследовательских технических университетов, которая стала наиболее популярна в экспертном сообществе. В образовательном аспекте исследовательский университет ориентируется на передачу новой генерации специалистов новейших достижений науки, техники и технологий и создается для подготовки специалистов всех уровней на основе единства учебного процесса и научных исследований. В концепции особо подчеркивалось, что в исследовательском университете должна быть сильная гуманитарная составляющая – широко представлены юридические, экономические и гуманитарные науки [Федоров, 2002].

Не менее популярным проектом развития исследовательских университетов в России стала концепция, представленная президентом Томского государственного университета проф. Г.В. Майером [Майер, 2003]. Данные концепции во многом схожи между собой, но «томская концепция» является более развернутой, кроме того, в ней появляется возможность верификации обозначенных критериев. Университет может быть исследовательским если он обладает следующими признаками: во-первых, присутствует тесная интеграция обучения и исследования на всех ступенях образовательного процесса; во-вторых, доля обучающихся по программам магистров, кандидатов и докторов наук выше, чем доля студентов первой ступени обучения; в-третьих, присутствуют мультидисциплинарные программы послевузовской подготовки; в-четвертых, снижена учебная нагрузка на преподавателя, что позволяет ему заниматься научными исследованиями; в-пятых, необходимо проведение крупных фундаментальных исследований, финансируемых не только из бюджета, но и других источников, в том числе и на некоммерческой основе; в-шестых, присутствует тесная связь с бизнесом, что позволяет осуществлять коммерциализа-

цию результатов научных исследований; в-седьмых, университет интегрирован в глобальное образовательное пространство и взаимодействует с мировыми научно-исследовательскими центрами; и, наконец, университет оказывает определяющее воздействие на научно-техническое и социально-экономическое развитие региона.

К сожалению, данная концепция, которая позднее легла в основу создания и дальнейшего развития не только национальных исследовательских, но и федеральных, ведущих и опорных университетов, как показала практика, не привела к желаемым результатам. Как же так? Казалось бы: взяли за основу модель, структуру и организацию лучших мировых университетов, «переложили» на российские реалии – а результат отнюдь не блестящий. Нам представляется, что в процессе адаптации данная концепция утеряла (сознательно или случайно) один из основных принципов развития успешного университета, а именно – автономное управление. Нигде ни в одной российской концепции такое понятие не присутствует, хотя, как показывает мировой опыт, оно является неотъемлемым условием любой концепции успешного университета мирового класса [Петров, 2015]. Мне могут возразить, что, возможно, российская специфика в этом и заключается, но отечественная история знает положительные примеры эффективного взаимодействия науки, образования и производства (бизнеса), где одним из ключевых факторов успешного развития выступало автономное управление – это и Московский физико-технический институт, и Новосибирский академгородок и ряд других. Конечно, в условиях идеологизированной социалистической экономики общества при наличии командной системы управления говорить о полной автономии не приходится, но, тем не менее, «закрытость» от внешних управляемых воздействий, которая была санкционирована со стороны правительства, оказала положительное влияние на развитие данных моделей. Более того, опыт организации научных исследований на базе Новосибирского академгородка был скопирован и успешно реализован в современных условиях западных и восточных обществ: по этим принципам работают Korea Atomic Energy Research Institute (KAERI, г. Тэджон, Южная Корея), технологический парк София-Антиполис (Франция), научный городок Цукуба (Япония) и др.

Как показывает мировая практика, успех реализации какой-либо модели возможен только при полном соблюдении всех организационных принципов «плюс» учет национальной и региональной специфики. Отдельно взятые принципы организации, вырванные из социокультурного контекста, не смогут привести к воссозданию первичной модели. Почему же мы не берем все? Наверное, потому что это чрезвычайно сложно реализовать на практике, но зато можно объяснить отсутствие некоторых принципов «российской спецификой». И как результат – успешная модель

«минус» труднореализуемые принципы «равно» российской специфике, то есть тому, что мы и имеем на настоящий момент. При таком подходе к реорганизации отечественных науки и образования очень сложно ожидать какого-либо качественного прорыва в ближайшем будущем.

Литература

Академический рейтинг университетов мира 2013 (Шанхайский рейтинг) [Электронный ресурс] // URL: http://www.educationindex.ru/article_ranking-shanghai-2013.aspx, (дата обращения 09.01.2014).]

Майер Г.В. О критериях Исследовательского университета // Университетское управление. 2003. № 3(26). С. 6–9.

Петров В.В. «Треугольник Лаврентьева» в концепции «стройной спирали» инновационного развития // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 3. С. 56–62.

Федоров И.Б. Подготовка инженерных и научных кадров в исследовательских и научных университетах // Инновации в высшей технической школе России. М., 2002.

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРОБЛЕМА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.А. Кребель

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Научно-исследовательский центр «С.К.И.Ф.»

krebel@rambler.ru

Если оставить в стороне обсуждение требований, предъявляемых со стороны министерства образования и науки РФ к формам преподавания философии как учебной дисциплины, если обратить внимание непосредственно на те структуры, которые отвечают за актуальность философских практик, а также выяснить условия, вызывающие радикальную смену культурных кодов, формирующих коммуникативный ритм жизненной среды, ответственность за понятность, определенность и концептуальное сопровождение смысловых приоритетов которой философия изначально возлагала на себя (выступая и в статусе частной мыслительной практики, и в статусе учебно-образовательной дисциплины), то становится очевидным, что частота смены смысловых приоритетов делает философию самой для себя сложно разрешимой проблемой; вместе с нею проблемой становится и система российского образования в целом.

Мыслительные предпосылки темы. Следует согласиться, что мышление (как феномен и как процесс творения смыслов), а также производное от него явление, которое принято именовать «сознанием» являются

моделью логико-смысловых приоритетов, закрепленных законодательной базой конкретной знаковой системы, в том числе и системой национального языка. Здесь тождество мышления и логики следует понимать в широком значении «логического» – в значении причинно-следственной связи, закрепленной законами и принципами национального языка, включающего в себя как интралингвистические (семантику, синтаксис, прагматику), так и экстралингвистические условия его существования. К экстралингвистическим условиям следует отнести те, которые не всегда поддаются линейной кодификации, не всегда могут быть однозначно распознаны и поименованы, напротив – достаточно часто ускользают от рационального распознания, осуществляемого инструментальным арсеналом признанных и знакомых мыслительных моделей (слов, синтаксических связок, идиоматики уже существующей онтологии). Это так называемые допредикативные структуры мысли, ускользающие от конверсии в линейные формы мышления. Однако именно они влияют на формирование смыслового кода, извлекаемого на гладь зеркала мышления посредством фиксации визуальных образов, обонятельных и тактильных нюансов, закрепленных «логикой тела» и приобретающих актуальность благодаря телесной встроенности.

В этом ключе следует зафиксировать тезис: мысль и мышление не всегда тождественные явления, мышление выступает формой мысли, которая, в свою очередь, формирует глубинный логико-смысловой код, тесно встроенный, вбирающий в себя нюансировку жизненной среды, и оказывающий сопротивление языку линейного формализованного мышления.

Данная установка позволяет сделать вывод, что человек и среда суть явления взаимозависимые, притом, что, опираясь только на логические оставы своего мышления, человек отстает от импульсов среды. Особенно это становится заметным и притягивает к себе большее исследовательское внимание в эпоху медиа. Техническое оснащение среды, прошитой виртуальными смыслами с помощью медиасредств, сообщает ей сквозной режим в набирающей обороты динамике изменений; жизненная среда, укорененная в режимах повседневности, становится объемной, многомерной, векторы ее изменений становятся менее предсказуемы. Обращу внимание, что в этом смысле жизненная среда и культура, формирующая символический капитал, необходимый для осмыслиения динамических процессов живой среды, теряют свою согласованность, обеспеченную единым ритмом: культура, настроенная на линейное описание процессов и феноменов, оказывается несостоятельной, а ее продукты не привлекательны. В этом порядке, полагаю, именно философия, активирующая навыки формировать и описывать всевозможные логики, занимающая при этом отстраненную метапозицию инструменталиста, способна творить актуаль-

ные и равноценные жизненным процессам ментальные модели. Насегодня же стало очевидным: смысловые приоритеты, предъявляемые жизненной средой оставленной без мыслительных инструментов культуре, не поддаются опознанию и диагностике с помощью старых рациональных форм. Очевидно, медиапроцессы, сопротивляющиеся линейным логикам описания, формируют иную ментальность, следовательно – иную аудиторию восприятия. Остается вполне закономерным вопрос: как может быть выстроена модель обучения, если становится все более очевидным факт рас согласования аудитории и обучающих форм, принципов, навыков специалистов, осуществляющих образовательный процесс? Следует согласиться: молодежь эпохи медиа, смысловое пространство которой пробито медиакодами, другая, отличная от той модели потребителя образовательных услуг, на которую изначально были ориентированы образовательные стандарты; это специфическая ментальность, которая не верифицируется линейной логикой восприятия и специфика которой не принимается во внимание поставщиком образовательных услуг. Очевидно, медиаментальность моделируется стихийно по аналогии пластиша, мозаики, культуры же с набором монументальных принципов и методов распознания динамики жизненного процесса, остается не вполне состоятельной. Под культурой в данном случае предлагаю понимать набор конвенциально признанных техник моделирования образа и смысла жизненно значимых и жизненно важных граней. Правомерно утверждать, что культура творит и утверждает модели восприятия, выступая своеобразной семантической призмой события. Однако линейные модели уже не работают, а технологии, формирующие угол зрения и способ восприятия, напрямую отсылают нас к технологиям, формирующими логику, т.е. – к мышлению, т.е. – к философии.

Девальвация привычных смыслов в ситуации медиа. Доступность технологий творения многомерных смыслов получает реализацию посредством гаджитов, планшетов, форм IP-телефонии, PR-технологий, сообщающих скорость изменению смысловых приоритетов, динамику – восприятию, мобильность – в переключении внимания. Налицо очередной антропологический поворот (согласно В.В. Савчуку – медиаповорот), обусловленный иной онтологией, экспликация которой упраздняет авторитет монументальной линейной логики и делает поиск дополнительных способов, участвующих в организации ментальности и, как следствие, мышления, фронтальным. В свою очередь, персонаж, погруженный в это многомерное семантическое пространство, но ограничивающий себя привычными моделями распознания смысловых граней мира (включающими в себя установки, принципы, язык, потому – законодательствующими), крепко закрепленных в нейронных цепях головного мозга, оказывается несостоятельным. Подобный персонаж может вполне выступить метафорой и со-

временного образования. Образование, ориентированное на формирование профессиональных компетенций, на первый план выдвигает стратегии линейного освоения аудиторией больших массивов информации, оставляя в стороне разработку технологий, допускающих телесную включенность в процесс освоения конкретной компетенции, а также технологий, позволяющий аудитории самостоятельно делать выбор – для чего конкретная компетенция осваивается, какую выполняет функциональную нагрузку, какую инструментальную базу формирует. Особенно это касается философии как учебной дисциплины.

Актуальность «смыслового кода» в аналитике медиасреды. Ноевые условия вызывают потребность мыслить иначе – потребность в иных моделях, в свежих метафорах, позволяющих выяснить условия формирования конкретной модели и, тем самым, диагностировать ее функциональность. Соответственно, техническое оснащение жизненной медиасреды позволяет в новых условиях задать основной для философии вопрос – что значит мыслить? Позволяет также восстановить в правах телесный опыт, инициирующий мысль, заново загрузить язык мысли, вести речь о функциональности языка аналогий, а также в новых условиях выяснить функциональную роль мышления. Логика тела, ощущения, динамика восприятия – феномены, наполняющие идиому «смысловой код», который, в свою очередь, открывает доступ к операциональной базе любой мыслительной модели, поскольку включает в себя и условия ее формирования, и ее телеологию. Идиома «смысловой код» открывает возможность представить процесс мышления и вызванное им восприятие не только в статусе линейки, сколько в образе мозаики-калейдоскопа, в котором при разном раскладе меняется рисунок, меняются и контуры события. Смыловые коды многомерной медиасреды предопределяют модели мышления, которое, в силу собственной специфики, не всегда способно вместить в себя настройки, программы, его формирующие и, как правило, загруженные посредством бокового зрения, тактильных ощущений в зону ментальности в обход рационального фильтра. Следует заметить, что жизненное пространство медиасреды пробито смысловыми кодами. Смыловой код вбирает в себя допредикативные формы взаимодействия человека и среды, в том числе и нюансы реагирования на вызовы техники: нюансы ощущения, боковое зрение, клиппирование смысловых схем и кадров, контуры ландшафта, динамику пространства и пр. Слова, логические схемы, мыслительные модели суть структуры смысловых кодов, равно как и визуальные образы, и тактильные формы. Добавлю, тело медиасреды пробито кодами, осознание этого явления позволяет сделать вывод: культура погружается в новый виток архаических смыслов, нуждается в реанимации глубинной космогонической логики, способной восстановить исконное значение эти-

ческого, в новой мифологии, а также – в свежих инструментах, формирующих мыслительные модели.

Инновационные технологии формирования культуры мышления в галактике «после Гутенберга». Следует признать, что мышление по природе своей инструментально и выступает операциональной системой, нацеленной на распознание и извлечение скрытых кодов. Философия, обладая мыслительным потенциалом, способна не столько обучать навыкам освоения правил и законов формализованного мышления, не столько излагать коллизии своей истории, расширяя культурный диапазон слушателя, сколько формировать технологии, обеспечивающие навык мыслить – навык прояснить условия, сформировавшие конкретную ментальную модель и, как следствие, определившие логику конкретной ситуации и конкретного события. В данном случае концепт «смыслового кода», по аналогии с мозаикой, сложенной из визуальных, тактильных кодов, вбирающих в себя нюансы ощущений, намеков, глубинных структур памяти, состояний реагирования на пространство и восприятие ландшафта, климата, времени, в целом – жизненной среды, становится значимым и, тем самым, расширяет концептуальный арсенал философских практик (по аналогии с концептом «культурного кода» в проекте структурной антропологии К. Леви-Строса). Технологии выявления условий формирования смыслового кода, практики осмыслиения его внутренней логики в современной науке и образовании отсутствуют.

Возвращаясь к вопросу преподавания философии как дисциплины в системе высшего образования, необходимо отметить следующее: каждая аудитория ориентирована на освоение конкретных профессиональных навыков, укорененных в конкретной форме ментальности, поэтому сегодня, в сложно организованной жизненной среде, именно философия, опирающаяся на собственную историю и владея только ей присущим интеллектуальным арсеналом, способна сформировать навыки инструментального мышления, востребованные в конкретной профессиональной среде. Отсюда – актуальность и правомерность предъявляемых к философии как учебной дисциплине требований: уметь сформировать компетенции. В число актуальных компетенций могут быть включены следующие: уметь распознавать скрытые смысловые коды, выявлять их семантические грани, владеть навыками прояснения условий, активизирующих ту или иную смысловую модель, владеть навыками формулировки проблемных вопросов, целей, задач, выходить на уровень сверхзадач и самостоятельно формировать инструментальную базу и операциональную систему для проведения мыслительных экспериментов, значимых для формулировки и доказательства гипотез, владеть навыками распознания специфики аудитории, разработать и внедрить технологии для обучения аудитории конструктивному мышления, позволяющему гибко переключать модели. Замечу, что для

формирования подобных компетенций необходимо знание основ логики, риторики – дисциплин, практически исключенных из базовой системы современного российского образования. В итоге – вопрос о проблематичности преподавания философии в вузе остается открытым.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В.В. Эмих

Институт философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург
emikh.valentina@gmail.com

Концепция конституционализма изначально складывалась в Западной Европе как идеологическое представление о должном устройстве государства, предполагающее ограничение его власти над человеком путем гарантий прав и свобод и недопущение концентрации власти в рамках какой-либо из ее ветвей благодаря применению принципа разделения властей. Данная концепция, как отмечается многими авторами, содержит в себе внутренний конфликт: конституционализм создан для баланса и стабильности политической системы и общества в целом, но он находится в условиях постоянного противоречия между свободой и властью. Он должен обеспечить свободу общества и вместе с тем установить пределы свободы, чтобы не дать ей перерасти в анархию, чтобы исключить насилие [1, С. 43–44]. Указанный внутренний конфликт теории конституционализма и внешние вызовы современности (глобализация в праве, создание транснациональных сетей, появление новых акторов на международной арене, международный терроризм и др.) породили неоднозначные тенденции. Отметим некоторые из них.

1. Государства деконституционализируются в результате передачи функций на транснациональный уровень. Государства не могут гарантировать на национальном уровне защиту против частных транснациональных акторов, которые не контролируются публичной властью. Трансправительственные сети, объединяющие руководителей государственных структур и взаимодействующие напрямую и часто неформально, вытесняют национальные государственные органы в ходе принятия решений. И эти сети часто выводят свое регулирование за пределы конституционного права и конституционализма, им чужды ценности права человека как таковые [2, С. 123–132; 3, Р. 5, 12].

2. Государства оказались неспособны гарантировать безопасность своих граждан перед угрозой терроризма и при этом оказались связаны правом на неприкосновенность частной жизни.

3. Модель глобального распределения ресурсов оказалась несовместимой с концепцией устойчивого развития общества, которая предполагает защиту окружающей среды и ответственность перед грядущими поколениями.

4. Не решен вопрос о защите прав человека в негосударственных сферах на наднациональном уровне [3, Р. 5].

5. На национальном уровне стало возможным неисполнение при определенных условиях решений международных органов по разрешению споров в сфере защиты прав человека, несмотря на принятие их юрисдикции.

6. Политический конституционализм сужается при более или менее стабильном юридическом, то есть имеются правовые нормы, гарантирующие защиту прав человека, но в реальности политический конституционализм, предполагающий, что публичная власть действует в интересах всего общества и что общество не воздействует на нее, не реализуется [2, С. 44].

7. Государства не всегда могут обеспечить легитимность принимаемых ими решений и все чаще обращаются к институтам партиципации, в частности к институту референдума, но зачастую это лишь имитация конституционализма.

Обозначенные тенденции свидетельствуют о том, что теория конституционализма на национальном уровне оказалась под угрозой, значимость категории права человека как универсальной категории теперь не столь очевидна даже в западном мире. Требуется кардинальный пересмотр этой теории, ее приспособление к новым вызовам современности.

Литература

1. Страшун Б. В фокусе: размышления о конституционализме // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5. С.43–47.
2. Шайо А. Транснациональные сути и конституционализм // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 5. С.123–132.
3. Teubner C. Constitutional Fragments: Societal Constitutionalism and Globalization. Oxford: University Press, 2012. 213 p.

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КОМПОНЕНТЫ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ

Е.А. Безлепкин

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск

Evgenny-bezlepkin@mail.ru

Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ № 16-23-01012

Теория всего, или единая теория – это название гипотетической концепции физики, которая опишет все известные взаимодействия. Говоря о фундаментальных взаимодействиях, нельзя не вспомнить тезис о неисчерпаемости вселенной, т.е. о неизбежности неожиданных открытий, поскольку сегодня к четырем известным взаимодействиям (гравитационному, электромагнитному, сильному, слабому), мы скорее всего можем добавить пятое, а именно поле Хиггса. Единая теория физики, если таковая будет возможна, философски основана на подходе онтологического редукционизма. Мне хотелось бы описать не только онтологический редукционизм, но и несколько альтернативных подходов, но не как подходы к физике, а как подходы к описанию мира в целом.

Подход редукционизма находит поддержку и защиту в области физики элементарных частиц (например, модель суперструны, которая объединяет все элементарные частицы). В связи с этим возникает вопрос об истинно фундаментальном уровне материи. Альтернативные варианты: материя бесконечно делима (кварки, преоны и др.); конечно делима (струны и т.д.); неделима (геометрические модели, например, геометродинамика).

Подход слабого редукционизма связан с наукой в целом. Здесь мы можем признать, что физика, биология и науки об обществе – это три несводимых уровня описания реальности. Если мы рассматриваем только один уровень, например, физику, то можно констатировать его единую природу. Вероятно, поэтому существуют интертеоретические отношения между физическими теориями, например, асимптотические отношения (пределный переход) между квантовой механикой, классической механикой и теорией относительности.

Подход антиредукционизма поддерживается некоторыми тезисами: существует множество классификаций реальности; нет единой методологии, которая поддерживает единый критерий научности, нет универсальной области применимости какой-либо теории. Законы не могут быть универсальным: существуют «мозайка» законов, поскольку каждый закон имеет ограниченную область применимости. На данный момент развития

науки неизвестно существует ли универсальная предметная область, представленная теорией всего или набором метафизических принципов.

С философской точки зрения идея онтологических уровней, или слоев хорошо выражена К. Лоренцом: «При всем разнообразии и всей неоднородности мира он вовсе не лишен единства. Он обладает единством некоторой системы, но это система, состоящая из слоев. Реальный мир имеет слоистое строение. Дело здесь не в том, что разделительные границы непреодолимы — потому что они, может быть, непреодолимы только "для нас", — а в появлении новых закономерностей, новых способов образования категорий, хотя и зависящих от низшего слоя, но своеобразных и самостоятельных по отношению к нему» [2, С. 277 – 278].

Мой тезис заключается в том, что понятие «единая теория» следует применять не для одного раздела науки, а именно физики, а для всех разделов науки в целом. Понятие «теория всего», таким образом, должно описывать не объединение всех взаимодействий, а объединение фундаментальных теорий таких наук как физика, биология, социология и т.д.

Об этом начал говорить Дэвид Дойч, который в книге «Структура реальности» представил свою единую теорию как соединение нескольких фундаментальных теорий из разных областей наук: его компоненты – «ники» – единой теории – это:

- 1) многомировая интерпретация квантовой механики Эверетта;
- 2) эпистемология Поппера (антииндуктивизм и требование реалистической интерпретации научных теорий);
- 3) теория вычислений Тьюринга (развитие Дойчем принципа Тьюринга и универсальной машины Тьюринга);
- 4) эволюционной теории в интерпретации Докинза (идеи репликатора и мемов).

Я хочу сформулировать свои компоненты теории всего, сопоставляя их с взглядами Д. Дойча. Рассмотрим подробнее идеи таких областей науки как эпистемология, физика и биология. При этом я хочу показать, что существует объединяющее понятие для этих областей науки, а именно понятие знания.

Эпистемология Поппера – это эпистемология, которая с помощью эволюционной метафоры описывает развитие знания (на примере физических теорий). Не умоляя значение идей Поппера, я бы хотел обратиться к идеям Лоренца, который также метафорически описывает процесс жизни как процесс накопления знания.

Лоренц подчеркивает, что сущностный признак жизни – способность приобретать и накапливать знание. Под знанием можно понимать ценную информацию, необходимую для выживания. «Поскольку геном приобретает знание посредством испытания и сохранения наиболее подходящего, в живой системе возникает отображение реального внешнего

мира» [3, С. 264]. Поэтому мы можем сказать, что накопление такой информации можно назвать адаптацией. «Уже в развитии строения тела, в морфогенезе возникают образы внешнего мира: плавники рыбы и ее способ движения отражают гидродинамические свойства воды, которыми вода обладает независимо от того, загребают ли ее плавники» [3, С. 248]. Каким образом накапливается знание у организма. Так же, как и в науке, как и везде в мире, – методом проб и ошибок. Лоренц приходит к идею о связи между жизнью, познавательным процессом и материальными структурами, способными накапливать информацию. «Жизнь в некотором определяющем аспекте своей сущности есть познавательный процесс и ее... возникновение означает возникновение структуры, способной получать и хранить информацию и в то же время устроенной таким образом, что она может захватывать из потока рассеивающейся мировой энергии достаточное количество горячего, чтобы питать им пламя познания» [3, С. 395].

Перейдем к физике. Здесь я бы хотел поговорить об основных категориях физики и о единой теории взаимодействий. Описание Вселенной на языке науки модельно, т.е. познание происходит через математические и концептуальные конструкции, которые в своей основе имеют набор аксиом, опосредующих то или иное миропонимание. Таким образом, при констатации существования единого мира, необходима констатация и разных типов миропонимания, в зависимости от лежащих в основе положений. Выделим категории, которые занимают важное место в физике. Ю. С. Владимиров выделяет три основных категории физики: пространство-время, частицы и поля переносчики взаимодействий. Исходным у Владимира можно считать понятие «миропонимание», которое он связывает с попытками попарного объединения двух из трех категорий в истории физики. Так возникают три типа миропониманий.

1) Теоретико-полевое – объединение категорий частиц и полей. Теоретико-полевое миропонимание опирается на обобщенную категорию поля амплитуды вероятности. Это такие теории как квантовая механика, теория суперструн, калибровочные теории взаимодействий.

2) Геометрическое – объединение категорий пространства-времени и полей. Геометрическое миропонимание опирается на «обобщенную категорию искривленного пространства-времени, включающую в себя прежние категории пространства-времени и полей переносчиков взаимодействий, и на отдельную категорию частиц, которая вкладывается в искривленное пространство-время» [1, С. 232]. Это такие теории как теория относительности, теория петлевой квантовой гравитации и т.д.

3) Реляционное – объединение категорий пространства-времени и частиц. Это миропонимание в рамках концепции дальнодействия, которая критиковалась еще Ньютоном. Однако существуют современные теории, основанные на дальнодействии, например теория Фоккера-Фейнмана.

Об объединенной теории надо говорить, не забывая вышесказанное. Теория, которая объединить все взаимодействия, может остаться в рамках одного из миропониманий, в то время, как для бора глубокого познания мира, нам необходимо каким-то образом объединить или сопоставить все три типа. Кроме того, единая теория может пониматься двояко: во-первых, как теория, объединяющая все известные на данный момент физические теории, т. е. имеющая их своим предельным случаем; во-вторых, как теория, не имеющая границ применимости. Единая теория первого типа возможна, в то время как о единой теории второго типа вряд ли можно сказать что-то определенное. Границы применимости всегда оказываются маркером предельного перехода от общей теории к частной. Это означает, что объединенная теория возможна как исторический этап в процессе развития физического познания.

Обратимся к биологии, а именно к теории эволюции. Главное понятие здесь – репликатор, под которым понимается «любой объект, который побуждает определенные среды его копировать» [2, С. 173]. Гены – это репликаторы, но кроме того гены также «компьютерные программы, выраженные в виде последовательности символов А, Ц, Г и Т на стандартном языке, называемом генетическим кодом, который одинаков, с небольшими изменениями, для всей жизни на Земле» [2, С. 174]. Ген функционирует как репликатор в определенной среде и, соответственно, ген характеризуется степенью адаптации к этой среде. Два других важнейших понятия биологии – это адаптация и гомеостаз. Именно с помощью адаптации организм реализует полученное в процессе взаимодействия со средой знание, о чём мы уже писали. Этот пункт оказывается связующим биологию и теория познания. Под гомеостазом понимают способность открытой системы сохранять свою упорядоченную структуру, поддерживать постоянство параметров системы посредством обмена веществ, если мы говорим о живых существах. Гомеостаз коррелирует с тремя состояниями живого организма: стремление к равновесию, нестабильность, непредсказуемость.

В процессе эволюции важен не организм, как среда, передающая гены, и даже не репликаторы, непосредственные агенты эволюции, а знание, которое передается с помощью обоих вышеназванных структур. «Общим фактором между репликантными и нерепликантными генами является выживание знания, а не обязательно гена или любого другого физического объекта. Поэтому, строго говоря, к нише адаптируется или не адаптируется какая-то часть знания, а не физический объект. Если адаптация происходит, то у этого знания появляется свойство: однажды реализовавшись в этой нише, знание будет стремиться оставаться там» [2, С. 183].

Таким образом, во всех трех описанных областях фундаментальным понятием оказалось понятие знания. Это понятие естественным обра-

зом объединяет все ветви науки и оказывается базовой «нитью» описания вселенной.

Литература

1. Владимиров Ю. С. Метафизика. / Ю. С. Владимиров. – М.: БИ-НОМ. Лаборатория знаний, 2002. – 550 с.
2. Дойч Д. Структура реальности. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 400 с.
3. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998. – 393 с.

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Ю.В. Бодрова

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск
czezar2010@yandex.ru

В предисловии к докладу «Насилие и его влияние на здоровье», изданному Всемирной организацией здравоохранения, Нельсон Мандела писал: «Насилие пышно расцветает там, где отсутствуют демократия, уважение к правам человека и справедливое управление. К такому выводу приходим мы, когда рассуждаем о том, каким образом «культуре насилия» удается пустить корни». [1] Тема насилия в современное время выходит за рамки философии, психологии и законотворчества, что связано с изменением системы моральных установок, во многом благодаря наступлению эры новейших технических средств.

Насилие как вид интеракции людей на протяжении истории носило выраженный отрицательный характер и являлось одной из самых серьезных проблем человечества. Человеком были созданы политические институты и правовая система как сдерживающие механизмы в распространении насильственных действий и легитимные методы борьбы с ними. Отношение к насилию варьировалось от негативного у таких мыслителей как Сократ, Л.Н. Толстой или М. Ганди, до частичного принятия ради оправданной цели в легитимной форме у И. Канта, Г. Гегеля и др., до утверждения пользы насилия (Ницше). По мнению Жана Бодрийяра, насилие в современном мире носит совершенно иные мотивы. Зреющая драматизация призвана разрешить противоречие между пуританской традиционной моралью и моралью новой – гедонистической. Насилие современности есть обоснование ценности душевного покоя, а истоками насилия являются изобилие и сама безопасность. Отличие современного насилия, по мнению философа, в отсутствии объекта и цели. [2]

Но какие явления на протяжении истории было принято называть термином «насилие»? Насильственный акт – это, прежде всего, воздействие, скрытое в виде манипуляции или явное в виде принуждения, применяемое субъектом по отношению к объекту (жертве), результатом которого являются очевидные негативные последствия для объекта этого воздействия. Придерживаясь точки зрения философов, выступающих за легитимное насилие, в отдельную категорию следует внести такое воздействие, которое имеет своей целью наказание (пытки, казнь). Такие санкции применимы по отношению к преступнику со стороны государства или группы лиц, в зависимости от формы правления.

Субъект-объектная классификация насилия выявляет следующие формы насилия: первая форма – гипернасилие в виде войны (субъект = объект = государство); вторая форма – это или манипуляция государства по отношению к человеку через средства массовой информации с помощью идеологии, или правовые санкции (субъект = государство, объект = человек, гражданин); третья форма – воздействие общества (человека или группы лиц) на государство с целью переворота и захвата власти (субъект = общество, человек, объект – государство); четвертая форма содержит в себе высшее проявление насилия человека по отношению к самому себе, приобретаемая форму суицида.

Существование двух форм насилия в современном обществе усложняет процесс формирования новых сдерживающих механизмов, в связи с чем происходит рост общественного напряжения. Экспериментирование с искусственной реальностью повлекли за собой изменения в характере восприятия самой действительности. [3, С. 169] Мишель Фуко в своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» рассматривал насилие как власть государства над телом человека, что раньше в полной мере обосновывало мощь властных структур и их авторитет. [4] Появлением демократических тенденций в данной проблеме для Фуко стало рождение тюрьмы, когда воздействие на разум стало заменять демонстративное воздействие на тело преступника. Демократия пришла на смену авторитарному мировоззрению, диапазон насилия был сокращен за счет гуманизации правовой системы. В настоящую переходную эпоху, в период нарастания конфликта между правом и моралью, важной проблемой должен стать анализ новых форм насилия во всем его многообразии для создания более эффективных сдерживающих средств.

Литература

1. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Всемирная организация здравоохранения. М.: Издательство «Весь мир», 2003.

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006.
3. Там же.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999.

БОЛЬНАЯ РОССИЯ: ДИАГНОЗ Н.А. БЕРДЯЕВА

В.А. Бойко

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
vboyko100@gmail.com

*Ut jam nunc dicat jam nunc debentia dici,
Pleraque differat et praesens in tempus omittat^{*}.*
Гораций. Послание к Пизонам.

Размышления о России красной нитью проходят через всё творчество Н.А. Бердяева. Философ убеждён в том, что Россия — это страна «великих возможностей»; он разделяет веру славянофилов «в великую миссию России и в особую её душу, враждебную западному мещанству» [11, с. 129]. Согласно Бердяеву, историческая миссия России состоит в том, чтобы стать соединяющим звеном между Востоком и Западом, объединить в единое целое два потока мировой истории. С этой общественной и вселенской миссией несовместимы черты современной ему России — отсутствие в русском обществе «элементарного чувства ответственности личности за свою судьбу и судьбу своей родины» [7, с. 113], общественная дикость и некультурность, самолюбие русского человека и его склонность к произволу, неспособность к творчеству и внутреннее рабство. «Русский дух, — подчеркивает мыслитель, — несёт в себе семя новой и великой жизни, но, предоставленный себе, взятый отвлечённо, оторванный от культуры вселенской, он фатально превращается в дух самосожигания и самоистребления» [3, с. 17].

Начиная с первых своих статей, посвящённых России, Бердяев не уставал подчеркивать позитивную роль процесса ее европеизации. «Во имя нашей национальной культуры, во имя самобытного творчества нашего мы прежде всего нуждаемся в европеизации всего нашего общественного строя, в осуществлении и гарантировании некоторых абсолютных правовых постулатов; только это освободит наш скованный и гонимый национальный дух от цепей, сделанных из металла не национального и не

* Надо сегодня сказать лишь то, что уместно сегодня,
Прочее все отложить и сказать в подходящее время (*лат.*).

самобытно-индивидуального, а из самого грубого вещества, общего нам со всеми царствами насилия» [9, с. 188], — писал он в 1904 г. Индивидуальное, самобытное в человеке и в нации русский мыслитель связывает исключительно со свободой, с творчеством: «Если каждый народ имеет свое призвание в мире, то путь его осуществления лежит через свободу, свободное творчество, созидание, не знающее цепей, не скованное никакими насильственными застывшими формами» [9, с. 189]. Приобщение России к мировой цивилизации, её подъем на высшую ступень мировой культуры предполагает освобождение человека от рабства, и западноевропейская культура служит ориентиром её поступательного движения. «Для исполнения своей миссии Россия должна стать страной культурной и свободной, по-западному цивилизованной, человеческая стихия должна в ней освободиться и определить себя к самостоятельной жизни» [11, с. 131].

Именно Запад освободил человека в героическом усилии поднять свою личность к Богу. «Историческая выработка человеческой личности совершилась настоящим образом лишь в христианский период истории. Я думаю, что выковывание и укрепление человеческой личности совершилось... в период Средневековья. <...> Там личность была закована в латы, как физически, так и духовно, и достигла независимости от действия внешних стихийных сил, которые разрывали ее в клочья» [14, с. 123-124]. Процесс оформления личностного начала, полагает Бердяев, практически не затронул Россию, в русской культуре не получили развития тенденции, определившие культурную динамику народов Запада. У русского человека слабо выражено личностное начало, он живет коллективной жизнью, погружен и размыт коллективом. Главную беду России философ видит «в недостатке настоящих людей, которых история могла бы признать для реального, подлинно радикального преобразования России, в слабости русской воли, в недостатке общественного самовоспитания и самодисциплины. Русскому обществу недостает характера, способности определяться изнутри» [13, с. 460]. Поэтому мы, говорит Бердяев от имени русских людей, стремящихся к возрождению России, «любим культурную и освобождающуюся Европу, мы патриоты Западной Европы, как верно говорил Достоевский, мы западники, а не восточники» [6, с. 324]. Он подчёркивает, что «Россия бесконечно дорожит Западной Европой, страной “святых чудес”, её культурой и её ценностями», но в силу того, что в русской душе встречаются и взаимодействуют Запад и Восток, России даровано предельное знание этих противоположных начал, «она может лучше и острее самой Западной Европы сознать ограниченность и односторонность западноевропейской культуры и почувствовать неизбежность ее кризиса. Русский дух всегда видит пределы и концы, он не остается в середине, как дух западноевропейский, и это есть признак того, что Россия представляет и другой мир, а не замкнута в одном мире. Но это не значит, конечно,

что Россия не должна учиться у более старой европейской культуры и не должна европеизироваться во внешних формах своей жизни» [12, с. 541]. Ради выполнения своей исторической миссии русский народ, «как и всякий народ, должен пройти через религиозную и культурную дисциплину личности», «выполнение этой миссии лежит через культуру, через долг послушания бремени цивилизации. *Мы приняли свою отсталость за своё преимущество, за знак нашего высшего призыва и нашего величия. Но тот страшный факт, что личность человеческая тонет у нас в первобытном колективизме, не есть ни наше преимущество, ни знак нашего величия*» [4, с. 751, 750].

Бердяев всесторонне рассматривает причины, вызвавшие «главную беду России». Одна из них — православное воспитание, которое «не давало того закала личности, той самодисциплины души и культуры души, которые давало на Западе католическое религиозное воспитание, а по-своему и протестантское. Католичество бронировало душу, давало душе твёрдые очертания и ясные, кристальные критерии добра и зла» [16, с. 493]. Православие не воспитало русского человека для исторической жизни, для создания культуры. Как результат — апокалиптичность русской души, отсутствие сопротивления тёмным стихиям. «Западное религиозное воспитание и после отпадения от веры оставляло крепкий осадок в форме норм культуры, добродетелей цивилизации. Душа русского человека после отпадения от веры попадает во власть нигилизма» [16, с. 493].

Другая причина духовной пассивности русского человека, его рабского состояния — колосс российской государственности, не оставляющий у русского народа сил для творческой жизни. «Русский народ создал... небывало огромное государство и истратил на это дело так много сил, что изнемог. Русские обессилены огромностью своего государства, оборонительным своим положением в мире. Подавляющие размеры русской государственности, имевшей свою сторожевую миссию в истории, порождали своеобразный государственный паразитизм и вампиризм, диктовавший разные обманные идеологии» [10, с. 36]. Об «ушибленности» русской души государственным масштабом, о «географии русской души» Бердяев подробно пишет в статье «О власти пространств над русской душой», вошедшей в сборник «Судьба России» (1918): «Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности»; «Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлению свободных личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и неразвита была самодеятельность классов и групп»; «Формы русского государства делали русского человека бесформенным. Смирение русского человека стало его самосохранением.

Отказ от исторического и культурного творчества требовался русским государством, его сторожами и хранителями»; «Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть» [8, с. 326]. Огромные русские пространства не способствовали «выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, он расплывался в пространстве. И это было не внешней, а внутренней судьбой русского народа, ибо всё внешнее есть лишь символ внутреннего» [8, с. 327]. Приращение, сохранение и упорядочивание русских пространств веками служило оправданием государственного порабощения русского народа. Неразвитость в России общественных классов и сословий компенсировалась развитием бюрократии «до размеров чудовищных». «Власть бюрократии в русской жизни была внутренним нашествием неметчины. Неметчина как-то органически вошла в русскую государственность и владела женственной и пассивной русской стихией. Земля русская не того приняла за своего суженого, ошиблась в женихе. Великие жертвы понес русский народ для создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве» [5, с. 277].

Русский мыслитель подчёркивает, что абсолютизация государства и тесно связанный с нею национализм разрушительны для национальной культуры: «Государственная мощь есть объективация национализма. <...> Нельзя сознательно начать творить национальное искусство и национальную философию, нужно любить истину, любить правду и красоту» [15, с. 211]. Национализм предполагает этатизм, обладание орудием государственной моши, он «вдохновляется не волей к истине, а волей к могуществу»; русский национализм, как старый, так и новый, «никогда не дорожил русской культурой», он полностью подчинял культуру политической власти и государству [15, с. 211]. Национализм и культ государства разрушительны для личности, антиперсоналистичны. В торжестве идеологии этатизма Бердяев видит труднопреодолимое препятствие для формирования творческой индивидуальности, для высвобождения духовных сил народа: «Покорность масс всякой государственной власти есть всегда безумие, есть состояние гипноза, есть трепетание народа перед реальностями, превышающими эмпирическую жизнь людей» [16, с. 528].

И, наконец, третья причина отсталости России, неразвитости у нас личностного начала, пассивности и лени как черт русского национального характера — восточные основы русской культуры, её причастность азиатчине. Восток в целом, христианский и нехристианский, Бердяев интерпретирует как пассивность, лень, созерцательность. Чертам этим противоположны человеческая активность, действенность, творчество, ответственность. Обывательский Восток — это дремота человека, «такое пассивноленивое, коллективно-органическое существование есть в сущности ещё

существование полудремотное, полусонное, это — состояние невыявленности человеческой силы и человеческого призыва, лишь потенция жизни, а не сама жизнь» [2, с. 97]. В книге, посвященной А. С. Хомякову (1912), Бердяев разделяет и противопоставляет два Востока, говорит о различных стратегических установках относительно этих двух восточных миров: «Только Россия может разрешить для европейской культуры вопрос о Востоке. Но существует два Востока — Восток христианский и Восток нехристианский. Сама Россия есть христианский Востоко-Запад, и правда её есть прежде всего правда православия. Но в плоть и кровь России, в быт её вошли элементы нехристианского Востока и отравили её. Свое христианское мировое призвание Россия может выполнить, лишь победив в себе крайний, нехристианский Восток, лишь очистившись от него, то есть сознав себя окончательно христианским Востоко-Западом, а не антихристианским Востоком. Крайний, нехристианский Восток это — панисламизм и панмонголизм, которые вечно грозят нам извне и изнутри, это также хаос и инерция» [1, с. 444-445]. Именно крайний, нехристианский Восток чужд мировой миссии России, соединению Востока и Запада в единое христианское человечество. «Русский народ должен окончательно преодолеть в себе тьму крайнего Востока, выйти из состояния замкнутости, должен перестать бояться европеизации внешних форм жизни, должен обратить лик свой к Западной Европе, но не для того, чтобы обезличиться и обесцветиться, а для того, чтобы явить миру свой собственный лик и нести в мир свою правду и красоту, доныне столь искажённую и затемнённую» [12, с. 543]. Конечно, подчеркивает Бердяев, «Россия должна остаться и Востоком, если она не хочет окончательно утратить свою самобытность и оригинальность; и она же должна победить в себе крайний и исключительный Восток, вечно притягивающий её вниз, в тёмную стихию, если она не желает окончательно утратить мирового значения и выпасть из мировой культуры» [12, с. 540].

Культура и свобода, утверждает русский мыслитель, являются неотъемлемой составной частью христианской цивилизации Запада, дикость и отсталость — наследие Востока. Универсальные основы культуры он связывает с античностью: «Вся европейская культура большого стиля связана с преданиями античности. Настоящая культура и есть античная греко-римская культура, и никакой другой культуры в Европе не существует. <...> Античная культура вошла в христианскую церковь, и церковь была хранительницей преданий культуры в эпоху варварства и тьмы» [16, с. 705]. Именно благодаря восприятию этого наследия, согласно Бердяеву, Россия принадлежит и Западу и Востоку. Для того, чтобы русский человек смог свободно определить себя в мире, Россия должна стать по-западному цивилизованной страной, а человек — по-западному ответственным и самостоятельным, «культурная западная плоть необходима для всех русских

людей... без минимума западной культуры Россия погибнет» [7, с. 113]. Бердяев постоянно говорит о необходимости завершить начатый Петром Великим процесс европеизации страны и бесповоротно приобщиться к мировой культуре, под которой понимает культуру Запада. Он убеждён, что только в качестве европейской державы Россия станет оплотом борьбы с мировым мещанством и исполнит свою историческую миссию. В России как «европейской культурной стране», полагает Н.А. Бердяев, восторжествует устремлённость её народа-нации к трансцендентному, будет актуализирована мистическая, религиозная связи человечества с высшими «всемиленскими реальностями», начнётся процесс богочеловеческий, процесс воссоединения человечества в божественном.

Литература

1. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н. А. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ, 2007. С. 226-445.
2. Бердяев Н. А. Апофеоз русской лени // Бердяев Н. А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М.: Канон+, 2004. С. 94-101.
3. Бердяев Н. А. Введение // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон+, 1998. С. 9-20.
4. Бердяев Н. А. Гибель русских иллюзий // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914 — 1922. М.: Астрель, 2007. С. 745-751.
5. Бердяев Н. А. Душа России // Бердяев Н. А. Философия неравенства. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2004. С. 271-297.
6. Бердяев Н. А. Культура и политика (К философии новой русской истории) // Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906 гг.). М.: Канон+, 2002. С. 310-325.
7. Бердяев Н. А. Мережковский о революции // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. С. 107-123.
8. Бердяев Н. А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н. А. Философия неравенства. С. 325-330.
9. Бердяев Н. А. О новом русском идеализме // Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis*. С. 173-216.
10. Бердяев Н. А. Религия воскрешения («Философия общего дела» Н. Ф. Федорова) // Бердяев Н. А. Мутные лики. С. 5-63.
11. Бердяев Н. А. Россия и Запад. Размышление, вызванное статьей П. Б. Струве «Великая Россия» // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. С. 124-132.
12. Бердяев Н. А. Россия и Западная Европа // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства. С. 538-543.

13. Бердяев Н. А. Слова и реальности в общественной жизни // Бердяев Н. А. Философия неравенства. С. 457-463.
14. Бердяев Н. А. Смысл истории // Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 7-218.
15. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире: К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н. А. Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. С. 159-226.
16. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Бердяев Н. А. Философия неравенства. С. 479-730.

НЕЙТРАЛЬНОСТЬ В ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Е.В. Винчковский

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
vinchkovkiy@gmail.com

Обострение фактора различий во взаимоотношениях между людьми требует философского, социологического и юридического анализа, построения стратегий взаимного сосуществования групп, учета их интересов и разрешения конфликтов. При этом основным «стратегом» остается государство как лицо не только конституирующее социальные нормы групп, но и формирующее повестку дня по данным вопросам. Этническая политика государства может быть реализована в различных формах от восторженной к культурным различиям и защищающей права представителей до ассимиляционной и склонной к подавлению. Нейтральность представляет одну из форм, выбранную политическим сообществом для решения этнических вопросов. Нейтральное отношение государства к этносу может быть выражено двояко, с одной стороны, это терпимость к культурным различиям, отсутствие дискриминации представителей. В известной книге «Справедливость. Как поступать правильно?» М. Сэндела, автор задается вопросом: «Даже если, как я утверждаю, государство не может быть нейтральным в этих разногласиях, может ли оно проводить политику, основанную на взаимном уважении?» [2, С. 313]. Именно взаимное уважение государства и групп образует основу данного вида нейтральности. С другой стороны, нейтральность может означать отстраненность государства от проблем этноса, и в настоящем докладе мы хотели бы уделять внимание именно данному виду нейтрального отношения.

Позиция нейтральности была описана М. Уолцером на примере первых иммиграントских сообществ (по типу Соединённых Штатов): «По отношению ко всем этим процессам государство сохраняет отстраненную позицию, стремясь находиться «над схваткой». Оно не заинтересовано в том, чтобы тем или иным образом влиять на ход происходящих преобразо-

ваний. Государство ведет диалог не с группами, а исключительно с индивидами, и, хотя нельзя сказать, что оно непосредственно создает открытое общество (в котором, как я уже показал, проведение политики толерантности является делом каждого), тенденцию к установлению такого общества в перспективе оно несомненно порождает» [3, С. 70 – 71].

Как видно из рассуждения М. Уолцера, политика нейтральности предполагает диалог государства с гражданином как представителем нации, а не этноса. Подобный подход строится, как правило, на юридическом принципе равенства граждан, в тоже время, отказ государства от фиксации различий может означать отказ от признания социальных фактов их наличия. Подобные тезисы закономерно вызывают ряд вопросов: разве невмешательство государства в отношения этнических групп автоматически предполагает непринятие и непонимание их различий? Есть ли возможность урегулирования этнических разногласий обращаясь к представителю нации? Государство, безусловно, интуитивно осознает различия между членами этнических групп, но политика нейтральности не предполагает фиксации различий при проведении государственной политики. Отсутствие фиксации предполагает отказ от институциональных механизмов решения этнических разногласий в вопросах миграции, традиционного природопользования, свободы совести, образования и других. Тем самым, позиция избежания ведет не только к непониманию всей сложности отношений между группами, но к более глубоким политическим и экономическим последствиям.

Ответ на вопрос о стороне диалога (представитель нации или этноса) преимущественно зависит от позиции приоритета индивидуальных и коллективных прав. Политика нейтральности предполагает, что разрешение вопросов, касающихся этнического фактора, может разрешено путем отсылки к основным правам и свободам человека и гражданина. Такое предположение дает «однозначные» варианты решений споров по типу: бракоразводные споры с внутренними ограничениями группы в отношении женщин – решаются ссылкой на право свободно заключать брак; трудовые споры о приеме на работу представителей этнических групп – решаются ссылкой на право каждого на труд и т.д.

Практика показывает, что подобные ответы, как правило, строятся на простом юридическом закреплении отсутствия любых форм дискриминаций и декларировании широкого круга индивидуальных прав. Социальная действительность, в свою очередь, показывает затруднительность (если не невозможность) исполнения подобных правовых решений. Хрестоматийным примером неэффективности политики нейтральности является режим апартеида в Южной Африке, во всяком случае до 1911 года (сменившийся на политику подавления). М. Олсон (со ссылками на работу В. Х. Хатта «Экономика «цветного барьера») при описании расовой сегрега-

ции и дискриминации в горнодобывающей промышленности Южной Африки указывает: «Конкуренция более дешевого труда африканских и азиатских рабочих не нравилась высокооплачиваемым рабочим европейского происхождения и их недавно образованным профсоюзам. Происходили забастовки. Частично из-за этих забастовок произошли изменения в политике занятости в Южно-Африканском Союзе. В 1911 году был принят Закон о шахтах и заводах, называемый также «Законом о «цветном барьере» [1, С. 206]. Данный пример не только показывает, что нейтральность государства порождает внеинституциональные формы решения, например, в виде забастовок против рабочих африканского происхождения и работодателей их нанимающих, но и демонстрирует смену политику нейтральности на политику подавления.

В заключение настоящего доклада еще раз отметим, что в среде, где терпимость в политике государства «оставлена в стороне», подобная позиция избежания может способствовать фиктивному, поддельному уважению [2, С. 313]. Стремление государства предоставить «покой» этническим группам и подобная дистанцированность может привести как к дискредитации всей национальной политики, так и к проявлениям нетерпимости на уровне самих групп и их представителей.

Литература

1. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. – М.: Новое издательство, 2013.
2. Сэндел М. Справедливость. Как поступать правильно? / Майкл Сэндел; пер. с англ. Александра Калинина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
3. Уолцер М. О терпимости. Перевод с англ. Яз. И. Мюрнберг. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ РОСТА И РАСПАДА ГОСУДАРСТВА Р.КОЛЛИНЗА

P.A. Голиков

Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковleva
войск национальной гвардии Российской Федерации
г. Новосибирск
guard1802@mail.ru

В 1979 году Рэндалл Коллинз, исходя из принципа чрезмерного расширения созданной им теории geopolитической динамики, предсказал распад Советского Союза. В последнее время Российской Федерации начинает расши-

рять территорию влияния и увеличивать затраты на военные нужды. Именно поэтому теория Р. Коллинза сегодня кажется особенно актуальной, необходимо провести сравнительное исследование ситуации приведшей к распаду СССР и геополитическим состоянием современной России.

Прогноз Р. Коллинза состоял в том, что взаимодействие неблагоприятного центрального геопозиционного положения с чрезмерным расширением и преимуществом противников в ресурсах повлечет за собой ряд неудач в обширных, контролируемых СССР регионах, и в конечном итоге приведет к расколу элит и распаду страны. Рассмотрим эти основные положения, позволившие Р. Коллинзу сделать успешное предсказание [1].

Геопозиционное положение. Р. Коллинз характеризует геопозиционное положение СССР как центральное. Он утверждает, что такое положение будет вести государство к территориальному распаду. Советские войска были расположены на передовых позициях, отсутствие буферных зон вело к их непосредственному противостоянию силам стран НАТО. Граница СССР была протяженностью в 58 000 километров, что требовало больших ресурсов для ее защиты. Центральность остается характеристикой геопозиционного положения у современной России. Современная Россия уступает в международно-политическом и экономическом могуществе Советскому Союзу. При этом она имеет самую протяженную в мире политическую границу, соприкасающуюся с границами потенциальных противников. Ряд бывших Советских республик стали плацдармом для войск стран НАТО. В случае военного конфликта времени на реагирование будет меньше в разы, чем это было возможно в ситуации СССР.

Чрезмерное расширение. Р. Коллинз убедительно показывает, что распад Советского Союза происходит в ситуации чрезмерного расширения. Затраты на поддержание удаленных от центральной базы военных подразделений в условиях ресурсного дефицита заставляют правительство выводить войска с территории Афганистана, Восточной Германии, сокращать поддержку стран с лояльными советским режимами. У современной России эффекта чрезмерного расширения пока нет. В условиях сырьевой экономики, как отмечает А.А. Изгарская, государство довольно быстро способно накапливать ресурсы и направлять их на военные нужды и поддержание своего международного престижа [2. С.39]. Война в Сирии, материальные затраты и иные действия по оказанию содействия двум непризнанным государствам на Донбассе, (несмотря на то, что официально российские вооруженные силы там не задействованы, это можно назвать локальной войной для России), создают как фискальную напряженность, так и напряженность в обществе, которое все чаще задает вопрос о целесообразности для российского общества участия России в данных конфликтах. Однако пока российское правительство ведет успешные компании, оно будет легитимно для большей части населения. Присоединение Крыма, война на Донбассе и в Сирии несмотря на

последующие санкции, рост цен, снижение цен на нефть и прочие отрицательные моменты, вызвала необычайный подъем духовных сил в различных слоях общества и обеспечили в регионах партии «Единая Россия» победу на выборах в Государственную Думу VII созыва.

Раскол элит. Политический распад, как считает Р. Коллинз, вначале проявляется в конфликте между правящей и имущей элитами. Этот конфликт структурно аналогичен расколу элит, описанному в модели социальных революций Т. Скочпол. Реформаторская фракция М. Горбачева пришла к власти и вступила в конфликт с фракцией, базирующейся на советском военно-промышленном комплексе. М. Горбачев угрожал сократить субсидии военно-промышленному сектору, являющемуся сильнейшей частью советской экономики. Результат был равнозначен аристократическому «налоговому восстанию»: военно-промышленный сектор саботировал экономические реформы в направлении конверсии к гражданской экономике. В ситуации с нынешней Россией происходят схожие процессы. Экономическая элита, выросшая на сетях неравного обмена со странами Запада, не приняла идей правительства относительно развития российской экономики в сторону импортозамещения, что в условиях санкций и антисанкций будет снижать безопасность и экономический потенциал страны. Пока раскола элит не наблюдается, у государства сегодня еще достаточно ресурсов, чтобы не начинать политику наступления на интересы экономических элит.

Таким образом, для современной России опасной может быть ситуация втягивания в длительные войны. Геополитический неуспех в условиях противостояния странам мирового ядра может стать катализатором снижения уровня легитимности правительства и расколу элит.

Литература

1. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // Время мира: альманах. Вып.1. Историческая макросоциология в XX в. – Новосибирск: 2000, С. 234 – 278.
2. Изгарская А. А. Пространство социальных отношений в геополитическом и мировом измерениях. Автореф. на соискание уч. степени д-ра филос. наук. – Красноярск, 2015. 45 с.

«ТРОПИЧЕСКИЙ (RAINFOREST) РЕАЛИЗМ» Д. РОССА И «БРИТВА ОККАМА»

Н. В. Головко

Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
golovko@philosophy.nsc.ru

Проблемы простоты научной онтологии или онтологической интерпретации проблемы «бритвы Оккама» в рамках философии науки являются

ется классической «нерешаемой» философской проблемой. Как правило, в классической дискуссии о научном реализме (Дж. Смарт, Р. Байд, Х. Патнэм) аргументации против избыточности онтологии («бритва Оккама») сводится к классически же принимаемому представлению об онтологическом объекте, который должен быть самотождественен и увеличивать предсказательную и объяснительную силу теории. В этом смысле, детализация того, как нужно понимать объект, будет требовать дополнительных условий, препятствующих избыточности онтологии. Одно из самых сильных допущений «тропического (rainforest) реализма» Д. Росса – требование «масштабной относительности» онтологии, когда объекты, существующие на одном «уровне реальности», не будут существовать на другом. Как отмечает Дж. Лэдимен: «Масштабная относительность (scale-relativity) онтологии – это смелая гипотеза, которая интерпретирует то, что реально, независимо от деятельности сознания существует, как то, что существует относительно (relative) реальных, независящих от деятельности сознания масштабов (scales), которыми измеряется природа» (Ladyman et al 2007: 200). В такой ситуации, требований минимальности, самодостаточности и предсказательной силы явно недостаточно (они будут важны только по отношению к объектам, которые принадлежат одному «уровню реальности»), нужны какие-то дополнительные требования, следующие каким-то более общим методологическим соображениям.

В 2000 году Д. Росс окончательно закрепил онтологическую интерпретацию концепции «реальных паттернов» Д. Деннета в рамках философии науки, а также расширил ее и представил как фундаментальную концепцию существования. Получившаяся концепция получила название «тропический (rainforest) реализм» (Ross 2000). Метафора «тропического леса» (rainforest) используется не случайно, – это аллюзия на метафору «очистки джунглей» (jungle-cleaning) У. Куайна (Quine 1978). Д. Росс указывает, что У. Куайн по-другому трактует метафору «бритвы Оккама»: «Бритва (The Razor) настаивает на том, чтобы не гарантировать (grant) существование избыточным сущностям (redundant entities): *Если* мы можем объяснить и предсказать этиологию, способности (capacities) и правила (dispositions), которым подчинятся составные (composite) сущности, опираясь исключительно на этиологию, способности и правила составляющих компонент, тогда составной объект, в лучшем случае, является антропоцентричным артефактом, к которому мы обращаемся в дескриптивных целях, возможно, в силу ограниченности особенностей восприятия. Это понимание [Бритвы] иногда ошибочно интерпретируется как основание для утверждения, что онтология должна быть *небольшой*» (Ross 2000: 151). Согласно У. Куайну: «когнитивный дискурс дословно в пределе, по большей части, есть уточнение (refinement).. [которое порождает] открытое пространство среди тропических джунглей созданное отбрасыванием

(clearing away) ненужных метафор (tropes)» (Quine 1978: 162). Причина подобных расхождений кроется в том, что Д. Росс и У. Куайн, по-видимому, придерживаются разных представлений об онтологических, эпистемологических, методологических и других основаниях научной метафизики.

В определенном смысле, российская интерпретация «бритвы Оккама» наследует содержание, которое было закреплено Д. Деннетом. При этом, проблема «бритвы Оккама», была изначально присуща концепции «реальных паттернов», уже потому, что Д. Деннет, по сути, определяет паттерн как «отношение между данными»: «реальные паттерны», – это устойчивые элементы, который мы выделяем из некоторого набора данных, «как описания, которые являются более продуктивными (efficient), чем тривиальное (bit-map) представление заданной области, независимо от того может ли кто либо его [паттерн] зафиксировать (concoct)» (Dennett 1991: 34). Проблема еще больше усугубилась, когда Д. Росс проинтерпретировал концепцию «реальных паттернов» как концепцию существования, используя такие неоднозначные понятия как «проекция» и «физическими возможная перспектива», которые он понимал в смысле классического эмпиризма Г. Рейхенбаха.

Д. Росс пишет: «Существовать – значит быть реальным паттерном; паттерн является реальным, если (i) он может быть проекцией (projectible) относительно, по крайней мере, одной физически возможной перспективы; (ii) он содержит [нетривиальную] информацию относительно, по крайней мере, одной структуры события или об объекте S . При этом, эта информация (закодированная в теоретико-информационных терминах) является более продуктивной (efficient), чем тривиальное представление (bit-map encoding) S , в том смысле, что в рамках заданной проекции, отвечающей выбранной физически возможной перспективе, существует такой аспект S , который невозможно было бы обнаружить (track), если бы данная перспектива не была бы зафиксирована» (Ross 2000: 161). Стоит отметить, что возможность определения паттерна с использованием терминов теории информации была продемонстрирована самим Д. Деннетом. Он непосредственно использует математические интерпретации понятий «случайности» (randomness) и «алгоритмического сжатия» (compressibility) для того, чтобы задать определение паттерна: «Последовательность (точек, чисел, данных, чего угодно) является случайной (random) если информация, необходимая для того, чтобы описать (передать) эту последовательность является в собственном смысле (accurately) неожиданной (incompressible): ничего короче, как дословное (verbatim) тривиальное (bit-map) представление не может сохранить (preserve) последовательность. Последовательность не является случайной – содержит паттерн – в том случае, если существует какой-то более эффективный (efficient) способ ее описа-

ния» (Dennett 1991: 32). В этом смысле, условие (ii) «определения существования» Д. Росса, по сути, повторяет те же ограничения на содержательность онтологии, что приводит Д. Деннет.

Д. Росс утверждает, что его концепция существования служит тому, чтобы «заменить (replace) старое натуралистское представление о существовании, следующее за куайновским: “Существовать – это быть значением переменной хорошо подтвержденной научной теории”» (Ross 2000: 161). Новизна рассуждений Д. Росса (по отношению к рассуждениям У. Куайна и Д. Деннета) хорошо видна по тому, как он комментирует содержание условия (i): «Приписывая (granting) реальность паттернам, которые можно будет проследить (track) только с точки зрения физически возможных перспектив, мы отрицаем факт, что нередукционистская онтология с необходимостью является антропоцентричной» (Ross 2000: 161). На наш взгляд, это очевидный шаг к объективности, нацеленный против инструментализма Д. Деннета. В данном случае, обращение ко множеству *всех* возможных физических (легитимных с точки зрения современного этапа развития физики) перспектив – это именно «новый» (в смысле «не куайновский») натуралистический тезис, следствием которого будут, в частности, отрижение реальности «возможных миров», продиктованных исключительно логической необходимостью (!). Условие (ii) для Д. Росса означает, что защищаемое представление об онтологии не является ни антропоцентричным (отрицает деннетовский инструментализм, отрицают «незаконное проникновение семантики» в смысле М. Девитта и т.д.), ни «бесконечным» (в смысле «бритвы Оккама»): «Во-первых, условие (ii) исключает семантические артефакты, такие как произвольные конъюнкции реальных паттернов; ни одна из характеристик составного объекта: “моя левая ноздря, правительство Намибии и последнее соло Майлза Дэвиса” не является проекцией ни одной физически возможной перспективы, которая может быть представлена (compressed) менее содержательно, чем тривиальное представление (bit-map expression) конъюнкции наиболее информативных представлений (most efficient description) каждого из конъюнктов. Во-вторых, условие (ii) блокирует антропоцентризм и отрицают инструментализм, утверждая, что если существует физически возможная перспектива, относительно которой некоторый феномен, признаваемый (recognized) с точки зрения принятой онтологии, может быть более информативно представлен (efficiently represented) в другой онтологии, то наша принятая онтология ложна (false), независимо от того, имеем ли мы представление, будем ли мы вообще когда-нибудь иметь представление, о существовании (existence) этой альтернативной (с точки зрения той, относительно которой существует принятая онтология – *H. Г.*) физически возможной перспективы» (Ross 2000: 162). В итоге, Д. Росс получил концепцию существования, которая, с одной стороны, ограничивает инструмен-

тализм в интерпретации «паттернов», а, с другой, – исключает антропоцентризм. «Тропический (rainforest) реализм» не является «непроходимыми джунглями», но и представление о том, что «бритва Оккама» ограничивает онтологию «до разумно минимального количества объектов» тут явно не поддерживается.

Литература

1. Dennett D. Real Patterns. *Journal of Philosophy*, 1991, vol. 88, p. 27–51.
2. Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford: Oxford University Press, 2007.
3. Quine W. A Postscript on Metaphor. *Critical Inquiry*, 1978, vol. 5, p. 161–162.
4. Ross D. Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence. In A. Brook, D. Ross, D. Thompson (eds.) *Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

«ЦИНИЗМ» КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКИ

А.В. Гукова

Томский государственный университет, г. Томск
angelina.gukovaa@yandex.ru

Общество, историческая эпоха, индивид – все, что так или иначе связано с социальной реальностью, выступает объектом философской дискуссии на протяжении, как минимум, последних пятидесяти лет, и это неудивительно. Если рассмотреть наиболее распространенные описания современной социальной реальности, то в качестве ее основных характеристик предлагаются следующие: «кризисность», «плурализм мировоззрений», «апатия», «утраты общезначимых ценностей».

Если обратиться к терминологии Гегеля, то сознание современного человека – «несчастное сознание». Это сознание потери, это «разорванное» сознание, столкнувшееся внутренним противоречием в восприятии реальности и следованиям собственным установкам. Для этого типа сознания характерно исчезновение надежды. Все перечисленные характеристики эмпирически вполне присущи современному миропониманию, пережившему потерю устойчивых ценностных оснований (новую «смерть Бога», исчезновение идеалов и устойчивой основы, крах крупных нарративов, которым была отмечена история XX века) и более того, обремененному недоверием к любым начинаниям как опасным и даже пагубным.

Имя вышеописанной форме сознания было дано еще в 1983 году П. Слотердайком в книге «Критика цинического разума», где автором был дан образ современного индивида, как циника, который «предстает как массовый тип: как усредненный социальный характер в обществе» [3, с. 31]. Так, цинизм больше не свойство маргинального сознания, но качество, присущее как индивидам, так и обществу. Сам термин «цинизм» имплицитно включает в себя все характеристики, которым наделяется современное «несчастное» сознание. «Цинизм» выступает в качестве определенной структуры, позволяющей интерпретировать и рассматривать общественные феномены. Используя феномен цинизма как методологию, как объяснительную схему, мы можем анализировать и предсказывать направление и особенности развития современного общества. Можно сказать, что «цинизм» представляет рефлексивную мировоззренческую позицию, определяющую отношения внутри культуры и общества.

Несомненно, что наиболее яркие проявления цинической формы сознания можно обнаружить в этике. Т. Х Керимов говорит, что в современном обществе: «..сами принципы общества открыты для критики, и любая новая теория или концепция, любая новая жизненная стратегия в этих условиях отвергается как неадекватная» [2, с. 5]. Именно индивид, как носитель сознания, в условиях кризиса выступает в качестве *автора* и *индикатора* изменений в культуре. В сфере этики цинизм выступает как определенная позиция, формирующая мироотношение, в результате чего нормативной становится осознанная редукция моральных принципов, относящихся к сфере «возвышенного», заведомое упрощение собственных мотивов и норм поведения.

В ситуации множественности ценностных оснований, в ситуации выбора, индивид склонен не столько выбирать одну из множества жизненных стратегий, сколько отказаться от выбора, впредь формируя пессимистическое отношение к себе и к другим, не проявляя интереса к каким бы то ни было изменениям, иными словами превращаясь в циника, для которого критерием оценки выступает полезность для себя. Следовательно мы можем наблюдать в современном морально-этическом дискурсе направленность на обслуживание эгоистических предпочтений индивида, осознанно выбирающего позиции эмотивизма и субъективизма.

Так, А.А.Гусейнов высказывает следующую мысль: «Если говорить о новой нравственной системе координат, то новизна состоит, пожалуй, в том только, что нет никакой системы координат. Сегодня в мире нет общих моральных идей. Религии по сути дела капитулировали перед суетной гонкой за умножением жизненных благ. Философия отказалась от попыток сформулировать рациональное обоснованное, общезначимое понятие морали. Мораль низводится до уровня частного дела, и у многих для

нее не находится ни времени, ни места» [1, с. 102]. А.А. Гуссейнов считает, что одним из наиболее ценных открытий двух последних веков, стало понимание того, что нет группы людей или человека, который выступал бы перед обществом от имени морали. Эту мысль автор формулирует в работе «Философия, мораль, политика» на основе анализа исторических событий. По его мнению, общество не может выйти из одновременного действования двух крайностей: морального релятивизма и морализаторства, причем под морализаторством философ подразумевает исключительно негативное явление - моральную демагогию. «Возьмите любой конкретный опыт морализаторства и самый элементарный анализ покажет, что за ним обязательно скрывается какая-то постыдная корысть» [1, с. 103]. Следовательно, альтернативой данной позиции является моральный цинизм - недоверие к моральным постулатам, основанное на осознанном поиске и выявлении скрытых за подобными рассуждениями мотивов.

В итоге, индивид обращен на себя, сосредоточен на своих нуждах и рассматривает все через призму собственных интересов. Сама идея выработки единого ценностного горизонта оказывается под сомнением, поскольку отрицается возможность объективного обоснования общезначимой ценностной норматики.

Итак, интересы субъекта смешены в направлении приватных целей и потребностей. Субъект более не желает жертвовать своим благополучием ради возвышенного целеполагания. Он предпочитает обращаться к собственным потребностям и собственным желаниям, обращает свои интересы в сферу материального и личного.

Цинизм обретает вид диффузного феномена, значительно отличающегося от своего классического прообраза и потому приобретающего новые характеристики, требующие рассмотрения и аналитического описания. Как тип рефлексивного мировоззрения цинизм затрагивает глубинные общественные устои.

В связи с этим возникает необходимость философского анализа названного типа мировоззрения и связанных с ним изменений, касающихся сферы социального, ее функционирования в качестве поля проявления субъекта – носителя цинического образа мышления.

Литература

1. Гуссейнов А.А. Философия, мораль, политика – М.: Академкнига, 2002. – 300 с.
2. Керимов Т.Х. Неразрешимости. - М.: Академический проект; Трикста, 2007. – 216 с.
3. Слотердейк П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А. В. Перцева. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. -584 с.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

А.В. Доможакова

ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова», Институт истории и права

г. Абакан

domozhakova.anghielina96@mail.ru

В современном мире одной из наиболее острых и актуальных проблем в области прав человека является проблема гендерного равенства. Долгое время естественным считалось неравноправное положение полов. И в наши дни далеко не во всех странах мира женщины имеют равные права с мужчинами, а там, где равенство предусмотрено законодательно, не всегда оно в полной мере реализовано. Абсолютно очевидно, что для решения этой проблемы необходимо проследить ее истоки. Именно это позволит определить суть вопроса и разобраться в возможных подходах к осмыслиению проблемы в науке. Для этого следует, во-первых, изучить философские трактаты нового времени, в которых выдвигается идея всеобщего равенства. А, во-вторых, рассмотреть подходы к причинам возникновения идеи гендерного равенства.

В социально-философской мысли можно выделить, по меньшей мере, два подхода, в которых по-разному рассматриваются гендерные роли и вопрос гендерного равенства: «половой диморфизм» и «половой символизм». Представители первого подхода считают, что половая дифференциация определяется по биологическому признаку, из этого выводят определение общественных ролей иовое основание для разделения труда [4, 5, 7]. Данный подход объясняет, что источник происхождения гендерной асимметрии – это сама природа человека, как биологического существа.

Биологический детерминизм, как разновидность полового диморфизма, характеризуется избыточным вниманием к половому инстинкту. Утверждается, что именно в этом принципиальное различие женской субъективности от мужской. [4, 5] Поэтому требуется «естественное женское воспитание» со стороны мужского доминанта (концепция «надзорного воспитания» Руссо) [4, 5]. Впоследствии эта теория сформирует подход о специфике женской экзистенции З. Фрейда. По его мнению, причина заниженного положения женщины заключается в биологической неполноценности женщины и, как следствие, в зависимости женщины от мужчине. Это приводит развитие женских психологических процессов к трем результатам: «к истерии и подавлению сексуальных импульсов; мужеподобности и к «нормальной» женственности, под которой подразумевается стремление к реализации желания обладать тем, что составляет предмет её зависимости...» [7]. В связи с этим утвердилась идея

о том, что «женщины...в сущности, стремятся занимать подчиненное и зависимое положение» [7].

Суть второго подхода заключается в том, что половая дифференциация конструируется обществом. Его представители – И. Кант, О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм – убеждены в том, что гендерная дифференциация необходима для выживания и развития человеческого общества. [1, 6].

Социодетерминистский подход полового символизма указывает на то, что «один пол более приспособлен для выполнения определённой социальной роли, чем другой» [2, С.185]. Это подтверждают представители социологической мысли. О. Конт, Г. Спенсер: «...женщина не способна к общественной жизни в силу своих природных особенностей» [6]. Так же Э. Дюркгейм утверждает, что «...если бы полы совсем не разделились, не возникло бы целой формы общественной жизни» [1]. Так как разделение полового труда является источником супружеской солидарности, создающий и держащий институт семьи и брака, входящий в социальную систему. А функционирование любой социальной системы зависит от правильности соблюдения и исполнения её функций: инструментальной и экспрессивной. Первая характеризуется властью и жесткостью, вторая – мягкостью и умением сгладить конфликт. Эти функции принадлежат исполнению мужчиной и женщиной соответственно. Это следствие и естественное продолжение природного дифференциации гендеров, а одновременно предотвращение появления вероятной борьбы гендеров, которая разрушает институт семьи и брака.

Что касается первопричин гендерного неравенства нужно отметить тот факт, что они берут своё начало с древности. Это выражалось в стремлении человека закрепить социальные различия между мужчиной и женщиной в различных культурных формах. Об этом мы знаем из мифов, религиозных норм, традиций. В этом случае преобладало мнение, что специфика разделения полов заключалась лишь в объективизации высших сакральных сил, (а не в результате физиологических особенностей полов), где главенствующее положение занимает мужской пол [3, С.185]. Однако в период Нового времени, отношение к проблеме кардинально меняется. Так, например, некоторые представители философии романтизма доказывали, что истинное предназначение женщины противоположно общепринятыму представлению о естественном ее предназначении. Это истинное предназначение заключается в наделении женщины чертами спасительной миссии, что лишает её права быть человеком.

Таким образом, истоки идеи гендерного равенства берут своё начало в трудах просветителей Нового времени, которые впервые выдвинули идею о всеобщем равенстве полов, а в ходе ее дальнейшего

развития и объяснения причин существующего неравенства, стали появляться и первые мысли о том, что это неравенство не является естественным и справедливым. По вопросу о причинах гендерного неравенства выделяются два основных подхода: «половой диморфизм» и «половой символизм», - главное отличие которых в том, что один считает природу неравенства естественной, биологически обусловленной, а второй – обусловленной социальными причинами, нормами общества.

Литература

1. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Дюркгейм Э. – М.: Наука, 1991. – 575 с.
2. Кириченко, Е.В. Природа гендерной асимметрии в обществе сквозь призму социально-философской мысли./ Е. В. Кириченко // Вестник РГГУ. - 2009. - № 2. - С. 183-208.
3. Локк, Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. /Дж. Локк. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000460/index.shtml> (дата обращения: 12.09.2016)
4. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми /Ж.-Ж. Руссо. – URL: <http://www.marsexx.ru/lit/russo-traktaty--o-politike.html> (дата обращения: 20.08.2016)
5. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании. Избранные сочинения. / Руссо Ж.-Ж. – URL: <http://www.marsexx.ru/tolstoy/russo-vallon.html> (дата обращения: 20.09.2016)
6. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские /Г. Спенсер. – URL: http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/spenser2.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 3.09.2016)
7. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекция 33: Женственность/Фрейд З. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/freud/freud235.htm> (дата обращения: 20.09.2016).

ПОПЫТКА МАРКСИСТКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ Ж.-П. САРТРОМ ФЕНОМЕНА ОТЧУЖДЕНИЯ

К.Н. Евдокимова

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
namnamki@mail.ru

Феномен, который в свое время К. Маркс обозначил как отчуждение личности, фактически является одной из наиболее важных тем в экзистенциализме [3]. Его представители трактуют этот феномен многосторонне: и как превращение результатов деятельности личности в самостоятельную преобладающую над ним, враждебную ему силу; и как противо-

стояние человеку государства, и как необходимость труда в обществе, и как существование различных общественных институтов, других членов общества и т.д. Особенно подробно в экзистенциализме анализируются субъективные переживания личностью того, что К. Маркс называл его отчуждением от внешнего мира: чувство апатии, страха, одиночества, равнодушия, восприятия явлений действительности как противостоящих и враждебных ей [3]. Ж.-П. Сартр пытается придать отчуждению статус онтологической, соответственно фундаментальной проблемы [2, 3]. Вклад Ж.-П. Сартра в решение этой проблемы может быть признан существенным. Она начинает привлекать Ж.-П. Сартра еще в самой первой и известной работе, которая не только закрепила за ним статус литератора, но и послужила началом всей его философской деятельности – в романе «Тошнота» (1938). Этот роман не совсем простой сюжет об историке Антуане Рокантене, а цепочка экзистенциально-атеистических и абсурдных ситуаций и мыслей. В данном романе зарождаются первые версии таких определений как «бытие-в-себе» (*être-en-soi*), «бытие-для- себя» (*être-pour-soi*) и конечно же «бытие-для-других» (*être-pour-autrui*). Ж.-П. Сартр развивает эти темы в известном философском труде «Бытие и ничто» (1943), а продолжает делать это в работах «Проблема метода» (1957) и «Критикаialectического разума» (1960, 1985) [1, 2]. Растущий интерес к марксизму во Франции не мог оставить равнодушным и Ж.-П. Сартра. Ж.-П. Сартр испытывает симпатии к французской компартии и к её идеям в 50-е гг. В рамках увлечения марксизмом Ж.-П. Сартр выделяет феномен отчуждения, что является предметом рассмотрения раннего марксизма. Справедливо будет замечено, что еще задолго до увлечения марксизмом, Ж.-П. Сартр в своей известной философской работе раннего периода творчества «Бытие и ничто» (1943) уже говорил фактически о феномене отчуждения. Такой поворот мыслей Ж.-П. Сартра, можно назвать своеобразной подготовкой для их дальнейшей эволюции. Значимость внимания к феномену отчуждения определяется для Ж.-П. Сартра, тем что его проявления, он трактует не только как поверхностное растолкование трех видов бытия, но и как углубляющее подходы к экзистенциальной и этической составляющей его философии.

Литература

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии/ Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 638 с.
2. Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Пер. с фр. В.П. Гайдамакова. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 240 с.
3. Кузнецов В.Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 285 с.

ФИЛОСОФИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

А.В. СУХОВО-КОБЫЛИНА

О.С. Егорова

Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, г. Новосибирск
oxana.bukhovetz@yandex.ru

«Учение Всемир» - основной труд Александра Васильевича Сухово-Кобылина, в котором изложена его философская система. Однако эта работа была уничтожена ещё при жизни автора, будучи неопубликованной, и на сегодняшний день о его философских взглядах можно судить лишь по небольшому количеству заметок, написанных им в последние годы жизни [1]. Часть этих записей посвящена «Учению о Пространстве и Времени» или «Гераклитике по новому положению» [1, С. 97-112].

Сухово-Кобылин называет пространство и время «первыми двумя модусами бытия» [1, С. 97]. Он пишет: «Всё есть – это первое положение. За сим следует вопрос: как есть? Или *одно возле другого* (здесь и далее курсив - авт.) есть – это косное протяженное бытие – *пространство*, - или *одно за другим* есть – это движение или *время* – живое течение» [1, С. 104]. Из этого Сухово-Кобылин выводит «два Закона бытия»: 1) «одно подле другого бытие есть *пространство*», 2) «одно за другим бытие есть *время*» [1, С. 109]. Таким образом, автор определяет пространство как «костную материю», а время - как «текущую» [1, С. 97, 103].

Пространство и время существуют лишь в *сфере бытия*, т.е. в мире конечных вещей, состоящих из «существенно протяженной и непроницаемой» [1, С. 106] материи. Это материальный, видимый нам мир - Вселенная. Необходимо отметить, что во «Всемире» также существует и *сфера мышления*, т.е. невидимого или нематериального мира, в котором господствует «беспространственность» и «безвременность» [1, С. 110-111].

Пространство и время не могут существовать не только без материи, но и друг без друга, поскольку «пространство есть коэффициент времени» или «привременность» [1, С. 108], а время «есть движущееся пространство», его «рядование, т. е. одно за другим бытие» [1, С. 109-110]. В этой системе пространство или протяжённость у Сухово-Кобылина выступает «первичным починным модусом бытия», наделённым характерными свойствами: «косным рядом-бытием вещей», их «совместным одно подле другого, поэтому недвижным», «безмоментным», «мёртвым, абстрактным бытием» [1, С. 97, 100, 103, 106, 108]. Время, в противоположность пространству, определяется как «одно за другим» или «одно после другого бытие» и поэтому «неустанно движущееся, живое», «преходимое» [1, С. 97, 110]. Таким образом, пространство и время являются крайностями или

«экстремами» «косности и преходимости» [1, С. 97], и взаимодействуют таким образом, что время своим «бесконечным рядованием, одним за другим бытием или чередованием вещей» [1, С. 103] разворачивается в пространстве.

Пространство и время, в свою очередь, также обладают модальностями. Пространство трёхмерно, и, следовательно, имеет три модальности: «протяженность в длину, ширину и глубину» [1, С. 100, 106]. Что касается времени, то, по мнению Сухово-Кобылина, «ещё Гераклит, сказав – всё течет, определил (его) модальность, называемую *текучестью*, т.е. определил его бесконечную делимость» [1, С. 104, 109]. Исходя из этого факта, Сухово-Кобылин наделяет время не одной, а тремя модальностями: прошедшим, будущим и настоящим.

Прошедшее – это то, что «прошло, его нет», а будущее «есть то, которое будет, его ещё нет, лишь только настоящее есть» [1, С. 97]. Однако указать настоящее «наличествующим в бытии» невозможно, поскольку «в тот момент, когда хочу его указать, его уже нет – оно прошло» [1, С. 97-98, 104]. Таким образом, «наличествует только это неустанное мелькание будущего в прошедшее» [1, С. 97-98] и вся жизнь «изживаемая живым» есть единство двух экстремов – будущего и прошедшего и их связи – настоящего [1, С. 107]. По мнению Сухово-Кобылина, ещё Платон определил такое понятие жизни, указав факт единства. Однако, основоположником этого учения «о становлении или о мелькании бытия в ничто и ничто в бытие» был Гераклит [1, С. 98]. «По Гераклиту – всё течет в свою супротивность, в противоположность», т.е. из будущего в прошедшее, и в этом «бесконечном рядовании пространства, одно за другим бытием или чередованием вещей во времени» и заключается Закон Времени [1, С. 103, 109].

В качестве свидетельства объективности времени, Сухово-Кобылин приводит тот факт, что единицей его измерения у человечества является «данный астрономами» год, «т.е. орбита, пройденная тем космическим телом (земным шаром), на котором оно, время, считается» [1, С. 100, 103, 106].

Кроме того, исходя из троичности времени (его разделении на прошедшее, будущее и настоящее), Сухово-Кобылин выделяет такую область знания, как «философия времени», которая соответственно делится на три части или «модальности». Первая модальность – это *философия прошедшего*, которой занимается палеонтология, «т.е. учение об отжившем земном видимом мире». Вторая модальность – это *философия будущего* или социология, которой должна заниматься спекулятивная философия. Т.е. философия будущего – это учение о будущем человечества, о процессе перехода земного (тектонического) человечества в божественный разум (во всемирное или сидерическое человечество). И третья часть – это

философия настоящего или философия жизни, «т.е. философия оного мелькания или перевала, или... пульсования жизни» [1, С. 100-101, 106].

Таким образом, по сохранившимся наброскам «Учения о Пространстве и Времени» удалось установить, что, по мнению Сухово-Кобылина, во-первых – пространство и время не являются самостоятельными сущностями, их существование определяет материя; во-вторых – пространство и время взаимосвязаны и не могут существовать отдельно друг от друга. Исходя из этого, можно заключить, что Сухово-Кобылин являлся сторонником реляционной концепции пространства и времени.

Литература

1. А.В. Сухово-Кобылин. Учение Всемир: инженерно-философские озарения. М.: С.Е.Т., 1995. 120 с.

КОНЦЕПТ МУЖЕСТВА В РАННЕМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ ЭРНСТА ЮНГЕРА

К.В.Игаева, Ф.В.Николай

НГПУ им. К. Минина, г. Н. Новгород
igaeva.ksenia@yandex.ru

Одним из ключевых факторов трансформации философской картины мира и европейской культуры начала ХХ в. стало влияние Первой мировой войны, которая изменила не только социальные стратегии модернизации, но и отношение к базовым вопросам существования и смерти для миллионов людей. Проблема возникновения экзистенциальной философии разрабатывалась рядом российских и западных исследователей, таких как В.В. Бибихин, А.В. Перцев, Ю.Н. Солонин, Е.В. Фалев, А.Н. Фатенков, Г.В. Черногорцева и др.[3]

Наиболее остро последствия Первой мировой войны оказались в Германии. Впервые данную проблему изложил датский философ С. Кьеркегор в работе «Понятие тревоги». Исследователи немецкого экзистенциализма в разработке данной проблемы особенно выделяют работы М. Хайдеггера.

В рамках данной статьи мы рассмотрим проблему взаимосвязи кризиса европейской культуры рубежа веков и жизненного опыта Эрнста Юнгера – участника первой мировой войны, попавшего добровольцем на службу в знаменитый 73-й ганноверский полк, раненного 14 раз, удостоенного высшей военной награды Пруссии (ордена "За заслуги"), закончившего войну в чине лейтенанта, - а также, представления о мужестве, во многом ставшие ядром его экзистенциальной философии.

Ранние работы Юнгера представляют собой материалы, находящиеся на стыке мемуаров, публистики и художественной прозы, позволяющие проследить выработку философских идей автора. Эволюция его взглядов после прихода Гитлера к власти (в частности, причины и степень «внутренней эмиграции» Юнгера [1, с 25]) и его поздняя концепция экзистенции, является отдельной темой для исследования, выходящую за рамки данной статьи.

В начале своего первого произведения «В стальных грозах» Юнгер отмечает тот энтузиазм, с которым его ровесники уходили на войну: «Мы покинули аудитории, партии и верстаки и за краткие недели обучения слились в единую, большую, восторженную массу (...) Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтаниях о крови и розах. Ведь война обещала нам все: величие, силу, торжество. Таково оно, мужское дело, — возбуждающая схватка пехоты на покрытых цветами, окропленных кровью лугах, думали мы. Нет в мире смерти прекрасней...» [6, с 35]

Война для Юнгера, также становится точкой отсчета нового времени. В романе «В стальных грозах» он выделил «новизну» этой войны как ее основную характеристику. Например, говоря о сражении под Лангермархом, автор отметил, что там «кипели артиллерийские бои, каких еще не было в мировой истории» [6, с 195], а описывая разведку боем при Ренвевилле Э. Юнгер упомянул, что во время этой акции «было расстреляно столько артиллерийских снарядов, что в 1870 году их хватило бы на целое сражение» [6, с 229]

Герои Юнгера противопоставляют себя тем, кто сдался без боя: «Но какое различие между ними и нами, когда они созерцают и пишут, в то время как мы действуем, они отключены от великого ритма жизни, который пульсирует в нас». [7]

В описании лейтенанта Штурма, современники находят самого Юнгера: «В бою он был храбр, но не от избыточного энтузиазма и не из принципа, а руководствуясь лишь утонченным чувством чести, когда малейший намек на трусость отторгается презрительностью, как нечто нечистое. [7]

Возможно, такое восторженное отношение к войне связано с личными переживаниями Юнгера или патриотической пропагандой в Германии. Еще до войны в 1911 г. Эрнст и его брат Фридрих Георг стали участниками молодежного движения «Перелетные птицы», созданного в 1901 г. К. Фишером. Объединяющим элементом этого движения выступала романтическая героизация германских традиций, идеи верности нации и самоидентификация с нордическим идеалом рыцарского служения. [1, с 27]

С другой стороны, общим моментом для немецкого «поколения 1914 года» было неприятие техницизма и отчуждение между людьми: «Современная эпоха <...> готовится к изменению, в основе которых лежит

разрушение религиозных, политических и социальных верований и возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области науки и промышленности. Идеи прошлого, наполовину разрушены <...> идеи, которые должны их изменить в периоде своего образования – современная эпоха есть время переходное. [2, с 148]

Таким образом, кризис культуры рубежа веков вел к романтизации и противопоставлению (немецкого) мужества отчужденности и техницизму. Отголоски этих идей прямо присутствуют в ранних художественных и публицистических текстах Э. Юнгера. Важно подчеркнуть контекст его критики деградации европейской культуры, которой противопоставлялся «новый человек», «готовый бросить вызов изжившему себя миру». Такой специфический жизненный опыт военного поколения и переосмысление романтической традиции во многом обусловили популярность экзистенциальной философии в Германии – идею экзистенциального выбора как специфической стратегии выживания, «мужественного» и самостоятельного волевого решения.

Литература

1. Гузикова М. О. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модернности: историческая реконструкция и модернизация, Екатеринбург , 2004 г.
2. Лебон Г. Психология масс – Харвест, М: ACT,2000. – с 148
3. Перцев А.В. Молодой Ясперс: рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2012. 340 с.;
4. Солонин Ю.Н.Эрнст Юнгер: от воображения к метафизике истории. <http://anthropology.ru/tu/text/solonin-yun/ernst-yunger-ot-voobrazheniya-k-metafizike-istorii>
5. Сухачёв Б.Ю.Танцы войны. <http://anthropology.ru/tu/text/suhachyov-vyu/tancy-voyny>
6. Юнгер Э. В стальных грозах/ пер. с нем. Н.О. Гучинский, В.Р. Ноткина – Спб: Владимир Даль, 2000, - 329 с
7. Юнгер Э. Рискующее сердце/ пер. с нем., составление, вступительная статья и комментарии В.Б. Микушевича - Спб: Владимир Даль, 2010.// <http://coollib.com/b/252984>

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И.Т. ПОСОШКОВА КАК ПЕРВИЧНАЯ ФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В РОССИИ XVIII СТОЛЕТИЯ

И. С. Коковин

Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск.
Ivan.kokov80@gmail.com

В настоящее время аналитический интерес к проблеме философии экономики был инициирован кризисными ситуациями порождаемыми процессом глобализации, ситуацией неустойчивости бытия и ожиданием грядущей катастрофы (не случайно один из последних философских конгрессов в Афинах был посвящен 26 сценариям конца света). Еще в начале XX столетия проблема истоков экономической рефлексии волновала С.Н. Булгакова. Он писал - «Мы живем в эпоху обостренной экономической рефлексии, напряженного и утонченного экономического самосознания, когда вопросы экономического бытия властно заняли в мысли и чувстве одно из первых мест. Объяснение этому явлению нужно искать, разумеется, не в одном только обострении общего самосознания или саморефлексии, которое наше время вообще отличает, но и в событиях экономической жизни, в непомерном ускорении ее темпа и колоссальном развитии хозяйства. Капитализм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущей человека куда-то вперед по неведомому и и никогда еще не испытанному пути, не то к гибельной бездне, - во тот всемирно — исторический факт, которым мы невольно загипнотизированы, вот ошеломляющее впечатление, от которого мы не можем освободиться» [2,с.41].

Этика и аксиология экономики становиться все более актуальной именно на современном этапе развития цивилизации.

Не случайно в настоящее время усиливается исследовательский интерес к процессу становления социального и экономического мышления в России. Новое звучание приобретает дискуссия о том, когда именно происходит становление русской философии и какие культурные феномены могут быть определены как полноценная философская рефлексия (единого мнения здесь быть не может). В исторической литературе наследие И.Т. Посошкова было определено как экономическое и социально — философское. Т.е. согласно представлениям отечественных исследователей русский культуртрегер работал на границе между философским и экономическим дискурсом.

В настоящее время проблема классификации наследия русского просветителя является весьма дискуссионной. Итак, может ли мировоз-

зрение И.Т. Посошкова быть охарактеризовано как философия экономики экономическая рефлексия или социальная рефлексия?

Специфика научной и философской рефлексии заключается в том, что она зафиксирована в понятиях, однако, наследие И.Т. Посошкова не содержит элементов категориального аппарата характерного для науки или философии.

Сам И.Т. Посошков охарактеризовал свое сочинение как - «вчерне мненья своего предъявления» [4,с.50].

Согласно основной гипотезе данного исследования наследие И.Т. Посошкова не может быть определено ни как философия экономики, ни как социальная философия (ни как экономическая наука).

Есть основания полагать, что модернизация мировоззрения первых русских просветителей рассматриваемых как экономисты или философы экономики не имеет под собой оснований. Для того, чтобы интерпретировать творчество И.Т. Посошкова как философию экономики следует обнаружить в его наследии понятия коррелирующие с понятием стоимость интерпретируемая как субстанция (либо — труд — субстанция). И соответственно, реконструировать смысловую связь между понятиями стоимости и цены.

Описывая процесс ценообразования И.Т. Посошков стремиться выразить идею соответствия рыночной цены товара (устанавливаемой произвольно) его утилитарной ценности.

«А сей древней купецких людей обычай велми есть не прав, еже и между собой друг другу неправо чинят, ибо друг друга обманывают, товары яко иноземцы, так и русские, на лицо являются добрые, а внутрь положены или соделаны плохи»[5,с.123]. Посошков отмечает факт несоответствия между ценой и качеством. «А иные товары и самые плохие да и цену берут неправедную и неискусных людей тем обманом велми изъянят и в весах обвешивают и в мерах обмеривают и в цене облыгают»[5,с.124]. Следует заметить, что русский просветитель не вводит четких критериев различия качественного и некачественного товара оперируя понятием - «пристоинство товара».

При этом русский просветитель не стремился к созданию развернутого описания феномена ценообразования, он осмысливает данное явление на интуитивном уровне и полагает, что читатель должен иметь четкие представления о степенях качества товара. При этом используется идиома - «настоящая цена». Купцы имеют право договариваться о цене, поддерживая ее на одном уровне. Однако ни в первом (чиновники), ни во втором (купцы) случае просветитель не объясняет принципов и законов ценообразования. Доверяя обыденной житейской интуиции купцов и чиновников, способных устанавливать цену по своему усмотрению Посошков отдает

приоритет монаршей воле (полагая, что царь не может ошибаться придает его воле мистическое значение).

Т.о. наследие Посошкова обладает двойственной природой, оно по преимуществу было сформировано средневековой утопической ментальностью, связывающей процветание государства с божественным промыслом (воцарение правды на земле) и содержит лишь отдельные элементы нововременного стиля мышления ориентированного на достижение успеха в посюсторонней хозяйственной деятельности. В процессе рассуждений о хозяйстве формируются тематические поля экономической целерациональности. Размышления просветителя о цене, стоимости, ценообразовании являются по сути выражением обыденных взглядов представителя купеческого сословия.

Процесс складывания тематических полей экономической рефлексии связан с феноменом поиска источников государственного богатства (лес, пашня, товары, природные ресурсы).

Литература

- 1)Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 2тт. Т.1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.- 804с.
- 2)Булгаков С.Н. Философия хозяйства.М.: Наука, 1990.- 464с.
- 3)Пайпс Р. Россия при старом режиме. - М.: Независимая газета, 1993.- 424с.
- 4)Платонов Д. У истоков Русской экономической мысли. М.:МАКС Пресс, 2014.- 183с.
- 5)Посошков И.Т. Книга о скучости и богатстве. М.:РОССПЭН, 2010.- 589с.
- 6)Пятигорский А.М. Мысление и наблюдение: «Четыре лекции по обсервационной философии».М.: Riga, 2002. - 65 с.
- 7)Соколов А.С. Проблема социальной реальности в классической и марксистской философии. - Петразоводск: Издательство ПетрГУ, 2006.- 211с.
- 8)Соколов В.В. Историческое введение в философию.-М.: Академический проект, 2004.- 912с.
- 9)Социальная философия. Социальная философия. Словарь. М.: Академический проект, 2003.- 649с.
- 10)Черняев А.Т. Социальная философия И.Т. Посошкова// Предтеча. 350 лет со дня рождения И.Т. Посошкова. - М.:Медиум, 2003. - С.152 — 160.

«ТОЧКИ ПОВОРОТА» В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ XX В.

А. В. Косарев

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
andrkw@rambler.ru

Интерес к возрождению риторики, который наблюдается последние несколько десятилетий, выходит далеко за пределы собственно риторического знания и характерен для любой области, будь то академическая наука, общественная или политическая сфера. Для обозначения этого явления используется термин «риторический поворот». В самом общем виде он подразумевает появление новых (обновленных) форм научного исследования и шире – дискурса, противопоставляющих себя объективизму. Термин был использован Ричардом Рорти в 1984 году на *Iowa Symposium on the Rhetoric of the Human Science* в ряду двух других способов осмысливания принципов исследования в науке [1. Р. vii]. Два других – это лингвистический поворот и интерпретативный поворот. По сути, речь идет о теоретических «точках поворота», выявленных в ходе развития социальных и гуманитарных наук в прошлом столетии.

Концепция «поворота» часто используется для обозначения явлений, которые характеризуют философию XX в. – регулярного смешения или изменения, зачастую революционного, философских трендов к описанию или познанию мира посредством принятия нового метода, сопровождаемого критикой предшествующих подходов. Наиболее употребимым и известным остается понятие «лингвистического поворота». Этот термин использует Р. Рорти в сборнике «Лингвистический поворот. Опыты о философском методе» (первое издание вышло в свет в 1967 г.) [2], после чего он становится общим местом. Сам термин введен в оборот Густавом Бергманном в статье «Strawson's Ontology», опубликованной в *Journal of Philosophy* в 1960 г. [3], а затем перепечатанной в сборнике «Logic and Reality» (Madison: The University of Wisconsin Press, 1964), на который и ссылается Рорти [2, р. 8–9]. В этот термин Рорти вкладывает тот смысл, что философские проблемы решаются либо посредством реформирования языка, либо посредством уточнения наших знаний о языке, которым мы пользуемся [2, р. 3]. Соответственно, методы, которые выходят на передний план в этот период – это лингвистические методы. Рорти цитирует Бергмана, оговаривая, что вынес его термин в название своей книги: «Все лингвистические философы говорят о мире с помощью обсуждения подходящего языка. Это и есть лингвистический поворот, фундаментальный гамбит в отношении метода, по которому согласны философы как обыденного, так и идеального языка» [2, р. 8–9]. В работе «Последствия прагматизма» Рорти соотносит лингвистический поворот с прагматизацией фило-

софии XX в., и в таком случае лингвистический поворот оказывается для него и прагматическим поворотом [4, р. xiii–xlvii].

В этой же работе, в главе «Method, Social Science, Social Hope», Рорти упоминает интерпретативный поворот. Он, в свою очередь, означает сдвиг от методологии позитивизма к интерпретативизму, или от эпистемологии к герменевтике [4, р. 191–210]. Сам термин был впервые использован в работе [5]. Интерпретативный поворот предпочитает методы субъективной интерпретации «истинным» методам метафизики или эпистемологии. И поскольку, как полагает Рорти в «Зеркале природы», прагматизм противостоит «анти-эсценциалистским» методам, как и «анти-фундаменталистским» (речь идет об эпистемическом фундаментализме), то и интерпретативный поворот также осуществляется под эгидой прагматизма. Некоторые исследователи явно относят Рорти к прагматическому интерпретативизму [5, р. 892–905]. Фактически интерпретативный поворот означает рост социального конструктивизма в дисциплинарных дискурсах социальных наук в 1970-х годах. Интерпретативизм включает в себя две перспективы: постмодернистскую и трансформистскую [6, р. 66]. Первая видит современную роль социальных исследований в «деконструкции», «денормализации» и «демонтировании» модерна, т. е. той философской и эпистемической доминанты, которая существовала на протяжении более трех с половиной предшествующих веков и всё еще достаточно сильна в социальных науках. Вторая полагает, что несмотря на определенные и существенные недостатки, большая часть проекта, именуемого модерном, может и должна быть сохранена, а задача социальных исследований и философии состоит в том, чтобы развернуть этот проект до конца. К сторонникам первой перспективы можно отнести Деррида, Фуко, Лиотара, с некоторыми оговорками – Рорти и Витгенштейна, отчасти – Дьюи. Ко второй – Хабермаса, Дьюи в большей степени, и в контексте феминистского движения – Нэнси Фрэзер, которая, к слову, предложила термин «неопрагматизма», который в свою очередь также может быть причислен к трансформистской перспективе [Ibid].

Наконец, под риторическим поворотом понимается такое изменение акцентов в гуманитарных и социальных науках, которое (выходя за пределы академического поля риторики), в соответствии с которым признают, что риторические формы неизбежно участвуют в формировании реальности. Язык не является нейтральным посредником, и то, какие слова мы выбираем, имеет существенное значение для описания и понимания действительности. Риторический поворот отличается от лингвистического прежде всего сильным антиобъективизмом и акцентом на нагруженность языка. Введение в широкий оборот термина «риторический поворот» в науке связывают с выходом книги [1]. Риторический поворот в науке определяет и новые перспективы в методологии науки: понимая научные

тексты как формы дискурса и нарратива, процедуры объяснения и понимания – в приложении к аргументации, выдвигая на передний план процедуры аргументации, а не доказательства [7, с. 124]. «Знание оказывается убеждением (belief) или суждением (judgement), которое использует ради своей общеобязательной значимости аргументацию из разных областей исследования» [7, с. 125]. Важное место в науке начинают играть историко-научные реконструкции «отдельных случаев» (case studies), которые принципиально не претендуют на общезначимость и универсальность, но играют роль прецедентов. Изменяется статус норм, значимость индуктивных и дедуктивных стандартов, в изучение науки вносятся принципы гуманистических наук: герменевтические методы, нарративные интерпретации, понимающая социология, переход от универсальных норм к универсализации прецедентов и пр. [7, с. 124–125].

Литература

1. The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / Ed. by H.W. Simons. University Of Chicago Press, 1990. 388 p.
2. The Linquistic Turn. Essays in Philosophical Method / Ed. by Richard M. Rorty. With two Retrospective Essays. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1984. 407 p.
3. Bergmann G. Strawson's Ontology // Journal of Philosophy. 1960. 57 (19). P. 601–622.
4. Rorty R. Consequences of pragmatism: Essays 1972–1980. Univ Of Minnesota Press, 1982. 288 p.
5. Rabinow P., Sullivan W.M. The interpretive Turn: The Emergence of an Approach // Interpretive Social Science. A Reader / Ed. by P. Rabinow, W.M.Sullivan. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1979. – P. 1–24.
6. Howe K.R. The Interpretive Turn // Howe K.R. Closing methodological divides. Toward Democratic Educational Research ((Philosophy and Education). Springer, 2006. 157 p. – P. 65–79.
7. Огурцов А. П. Этос науки и риторика (От нормативного разума к коммуникативной рациональности) // Личность. Культура. Общество. 2005. Вып. 3 (27). С. 107–135.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АТАРАКСИИ В ФИЛОСОФИИ СЕКСТА ЭМПИРИКА

Д. К. Маслов

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
denn.maslov@gmail.com

Атраксия является ключевым элементом пирронической философии. Секст Эмпирик говорит о ней как о цели скептика [2, PH I 25, 30], и

строит скептический проект как путь ее достижения через поиск истины. Поскольку Секст не определил этот термин точно, оставив лишь несколько кратких замечаний о ней, имеется неопределенность по поводу ее понимания, что вызывает разногласия и ложные интерпретации. В частности М. Габриэль понимает ее как тотальный квиетизм [4, с. 169–170], из чего делает некоторые выводы, ставящие под угрозу последовательность и внутреннюю согласованность скептицизма. В частности в вопросе соотношения поиска и стремления к *атараксии*: «скептический образ жизни непрочен, так как ему не удается развить последовательный квиетизм» [Там же]. Это означает, что любая деятельность (в частности, поиск истины) не позволяет скептику достичь *атараксии*. Исходя из слов Габриэля можно заключить, что если скептик будет деятельным каким-либо образом, то он не сможет обрести безмятежность души. Если мы следуем Габриэлю в его интерпретации, то скептическая атараксия будет уподоблена тому летаргическому сну, о котором говорил Юм: скептик должен просто-напросто умереть, если будет строго придерживаться своей позиции, либо же просто не иметь возможности ее придерживаться, что и происходит на деле (как считал Юм) [3, с. 139].

Мы хотели бы указать на некорректность такой интерпретации, ввиду того, что данная трактовка очевидно предполагает полную невозможность осуществления скептического проекта. Мы полагаем, что возможно иное прочтение, которое избегает данного затруднения.

Секст описывает ее лишь однажды, при этом используя для иллюстрации стихи Тимона, ученика Пиррона. Говорится, что достигший атараксии будет жить «ровно, спокойно, блаженно, тихо, легко, беззаботно, мудрости сладкой слух не вверяя речам» (*M XI 1*). Кроме того, Секст говорит об атараксии как о «безмятежности» и «спокойствии души» (*RH I 10*). Исходя из лексических значений термина *ataraxia* (с учетом слов *tarasso* и *tarache*, от которых произошло данное существительное) сделать следующий вывод [1, с. 214, 1227]. Исходя из общеупотребительных значений глагола *tarasso*, слово *tarache* определялось как некоторое беспокойство, тревога и волнение души, прежде всего вызванное страхом, боязнью (например смерти), а также как телесные беспокойства. Соответственно, *атараксия* как обратное указанным состоянию подразумевает свободу от волнений, страхов и терзающих душу переживаний, и тем самым спокойствие и безмятежность.

Необходимо также отметить, что Секст говорит об *атараксии* относительно мнения и умеренности относительно того, что скептики вынужденно претерпевают [*RH I 25, 30*], поскольку он прекрасно понимает, что людям нельзя избежать всех страданий и телесных побуждений. Учитывая сказанное, мы видим, что термин относился в первую очередь к душевной сфере, и подразумевал отсутствие определенных представлений, вызы-

вающих волнение, тревогу и страх, которые терзали и мучили душу, а в интересующем нас случае скептиков говорилось еще и об умеренности в том, что скептики вынужденно испытывают [PH I 29–30]. Соответственно, такое состояние приравнивалось к наивысшему возможному счастью для людей: «воздерживающийся от суждения обо всем, что возникает в связи с мнением, пожинает самое совершенное счастье» [M XI 160; см. также PH I 30, M XI 1, 74, 111].

Кроме того нужно добавить, что Секст развел стратегию, которая позволяла скептику быть деятельным. Это вовлекает в игру вопрос об *апраксии* и связанные с ней проблемы [см. M XI 165; 5, с. 129–172]. Скептик может действовать без мнений (что является источником беспокойства, см. PH I 12, 26–29) с помощью опоры на собственные явления и опытные сведения, и на опыт окружающего его сообщества.

Таким образом, мы видим основания против трактовки Габриэлем *атараксии* как тотального квиетизма, и поэтому она не может быть принята. *Атараксия* – не бездеятельность, но спокойствие души от волнений и тревог, порождаемых мнениями о благе.

Литература

1. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. - Репринт. V-го изд. 1899. М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 1991. 1370 с.
2. Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х тт. Изд. А. Ф. Лосев. Пер. А. Ф. Лосев, Н. В. Брюллова-Шаскольская. М.: Мысль, 1976.
3. Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 3 – 314.
4. Gabriel M. Skeptizismus und Idealismus in der Antike. Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 2009. 320 s.
5. Vogt K. Skepsis und Lebenspraxis: Das pyrrhonische Leben ohne Meinungen. München: Alber Verlag, 2015 (erste Ausgabe 1998). 202 s.

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ В ФИЛОСОФИИ ДЕНЕГ

A.П. Никитин

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
pavlen-abakan@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации, исследовательский проект № МК-7733.2016.6

«Деньги есть остающаяся от людей "нефть", та форма, в которой их вложенная в труд жизненная сила существует после смерти» [3, с. 277]. Приведенный отрывок из произведения В. Пелевина можно считать одним

из типичных постмодернистских высказываний по отношению к феномену денег. Постмодернистские концепции денег и денежного обращения метафоричны и иносказательны, но при этом и в них существует рациональное зерно, которое будет здесь описано. Безусловно, что постмодернистская философия денег, как и вся постмодернистская традиция в целом, критична. То есть во взглядах постмодернистов, если их попытаться вразумительно представить, не встретишь утверждений «Деньги облегчают человечеству жизнь», «Деньги являются носителями социальной информации», «Деньги – средство коммуникации в рамках рынка» и т. д. Классическая философия денег, выраженная в творчестве К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля и др., выявляла в денежной культуре как негативные, так и позитивные стороны. К примеру, отмечалось, что распространение денежных отношений на все аспекты социального бытия сопровождалось рационализацией общественной жизни и созданием условий для ее долгосрочного планирования. Для постмодернистов же сама идея рациональности выглядит разрушающей, а планирование вообще является способом подавления и насилия.

Вместе с тем, критика монетарной экономики постмодернистами начиналась с утвердительного суждения, в соответствии с которым деньги являются знаками, а само денежное обращение – семиотическим процессом. Это вполне вписывалось в общую концепцию мира как текста. Однако, как отмечает в частности Ж. Бодрийяр, денежные знаки оказываются в современной экономике самореферентными, ничего не обозначающими и ничего не сообщающими. Фидуциарные деньги, ничем не обеспеченные, кроме властного указания, что это деньги, являются типичным примером симулякров, то есть знаков, не имеющих означаемых предметов в реальности. Формирование финансовых кризисов и череда потрясений на рынке валют – это предсказуемый результат в развитии самой экономики эпохи постмодерна, которая носит симуляционный характер.

Следствием ничем не обеспеченного денежного обращения, раздуваемого кругооборота симуляков, является дезориентация в пространстве экономики самих хозяйствующих субъектов. По мнению Ж. Бодрийяра, современная экономическая ситуация дает основания для двух тенденций: с одной стороны, происходит отрыв производства от конкретных потребностей общества, выраженный в стремлении обеспечить экономический рост как таковой, не направленный ни на потребности, ни на прибыль, – «этот процесс – сам по себе и сам для себя» [1, с. 74]; с другой стороны, «отрыв денежного знака от всякого производства: деньги вступают в процесс неограниченной спекуляции и инфляции» [1, с. 75], получая способность самовоспроизводиться путем биржевых и банковских игр, трансфертов и валютных сделок. Являясь знаком меновой стоимости, деньги в своем развитии становятся неподвластными и ей: «Освободившись от са-

мого рынка, они превращаются в автономный симулякр, не отягощенный никакими сообщениями и никаким меновым значением, ставший сам по себе сообщением и обменивающийся сам в себе» [1, с. 76], при этом мы не можем рассматривать их и в качестве товаров.

Существование такого экономического дискурса, самовоспроизведяющегося и отчужденного от реальных экономических потребностей было бы не таким угнетающим для человека, если бы не формировало представление о самой действительности. «Анти-Эдип» Ж. Делёза и Ф. Гваттари [2] во многом именно об этом – как монетарная экономика ментальным образом создает новый тип фашизма, называемый капитализмом и обществом потребления. Потребительские желания формируют особую зависимость, в которой выражается тотализирующая и объединительная паранойя. И в классических интерпретациях признавалось, что власть и деньги тесно взаимосвязаны. Для постмодернистов же запрет науважение, любовь к власти сопрягался с запретом на принятие всех сопутствующих ей элементов, в том числе и денег. Любить деньги – то же самое, что раболепствовать перед господином, унижающим тебя ежедневно. Постмодернисты понимали, что деньги – унифицирующая сила, а любая унификация, единообразие казались им деструктивными по своей сущности. В предисловии к «Анти-Эдипу» М. Фуко проясняет: «Отдавайте предпочтение позитивному и множественному, различие предпочитайте однообразному, поток – единствам, подвижные сборки – системам. Не забывайте: продуктивное – это не оседлое, а кочевое» [2, с. 10].

Стоит отметить, что работа Ж. Делёза и Ф. Гваттари по своему содержанию представляла критику психоанализа З. Фрейда и фрейдомарксизма. При этом, у самого З. Фрейда можно обнаружить еще более негативное отношение к деньгам. В своей работе «Характер и анальная эротика» [5] он указывал на связь денег с чем-то омерзительным и дьявольским. Клинической целью автора было показать, как взаимосвязаны жажда к деньгам и склонность к детским вниманием к калу. Попутно З. Фрейд отмечает, что деньги и нечистоты в мифах и сновидениях приведены в самое тесное отношение. Дьявол одаривает своих любовниц золотом, а вслед за его исчезновением оно превращается в кучу фекалий. Известны суеверия, которые связывают находку богатств с процессом дефекации, существует фигура «Dukatenscheissers», обозначающая человека, испражнения которого состоят из дукатов. В соответствии с взглядами древних вавилонян, перешедшими в легенды и сказки других народов, золото представляет собой нечистоты или адские извержения («Mammon-ilu man-man»). Сам З. Фрейд столь глубокое соотношение денег и нечистот считал выражением переживания острого противоречия между самым значимым, что может быть у людей, и вовсе бесполезным, никчемным, аналогичному отбросам. Человек, думая о деньгах, может неосознанно видеть в них что-то мёртвое,

безжизненное. Деньги нельзя есть и из них ничего не может вырасти, накопление денег – это создание нефункционального запаса, бесполезной собственности, кала и смерти.

Постмодернистская художественная литература в этом пункте во многом перекликается с позицией З. Фрейда. У того же В. Пелевина явно обнаруживается дилемма энергетического и безжизненного в понимании сущности денег. С одной стороны, это «субстанция, из которой состоит мир» [4, с. 131], некоторого рода первоматерия или первоэнергия, с другой стороны, деньги выступают как олицетворение смерти, их тем больше, чем большее количество людей умирает; держа в руках деньги, человек держит «образец» смерти [3]. Философы-постмодернисты, развивая этот образ, сближаются в своих воззрениях с гуманистами, критикующими цели общества потребления. Человек стремится к деньгам, чтобы приобрести что-то, но жизнь, проведенная в поисках денег, оказывается аналогом безжизненного существования, то есть смерти. Постмодернистская философия денег, таким образом, глубоко пессимистична в отношении осмыслиения этических последствий функционирования института денежного обращения.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
3. Пелевин В. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: избранные произведения. М.: Эксмо, 2003. С. 265-302
4. Пелевин В. Generation "П". М.: Вагриус, 1999. 304 с.
5. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997. С. 151-155

ФИЛОСОФИЯ АНТИЯЗЫКА КАК НОВЫЙ РАЗДЕЛ ФИЛОСОФИИ

A.C. Нилогов

Институт истории и права ХГУ им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан
nilogov1981@yandex.ru

Мы исходим из фундаментальной проблемы онтологического (и расширительно – онтолого-гносеологического) статуса слова, то есть пытаемся определить, каким образом и в каком качестве/статусе существует слово в естественном живом человеческом языке. Другими словами, мы ищем ответы на следующие вопросы: 1) является ли исследуемое слово – словом или антисловом? 2) способно ли исследуемое слово полностью вовлекаться, а если только частично, то каковы пределы такового во-

языковления? Эти философские и одновременно лингвистические вопросы составляют содержание такой дескриптивной дисциплины, как философия антязыка. Её объектом изучения является антязык, состоящий из классов и подклассов антислов (предмет изучения). В философии антязыка разрабатываются специальные методы усмотрения невоязыковляемых сущностей, а также наиболее эффективные способы именования вещей. Обозначив предметное поле философии антязыка, мы пока не берёмся устанавливать её объект, так как считаем, что сначала необходимо закрепить её в качестве нового раздела философии (или – на первом этапе – в качестве подраздела философии языка), в котором будут выявляться собственно и несобственно антязыковые дискурсивные практики. Под первыми понимается поиск таких классов антислов, которыеparexcellence невыразимы в естественном человеческом языке, а под вторыми – критика существующих способов коммуникации и сигнификации посредством естественного человеческого языка.

Наше рабочее определение антязыка таково: система (совокупность) классов антислов, которые представляют соответствующие области частично или полностью не поименованного бытия. Антислово трактуется как такая антязыковая единица, которая полностью или частично не может быть выражена в языке, то есть воплотиться как настоящее слово в совокупности всех его признаков.

В ходе философско-лингвистического исследования нами выявлено более 200 различных классов и подклассов антислов, которые не укладываются в традиционные научные подходы по их регистрации (каталогизации, систематизации, фактологизации) ни в рамках философии, ни в рамках языкознания. Постановка под вопрос онтологического статуса этих и многих других (анти)языковых единиц со всей очевидностью приводит нас к обоснованию такого нового раздела философии (с соответствующей методологией), как философия антязыка. Несмотря на существование близкой к философии антязыка – философии языка, мы настоятельно считаем, что в рамках философии языка невозможно решить тот комплекс номинативно-сигнификативных проблем, который обнаружен нами при анализе как актуальных философских задач, так и насущных лингвистических затруднений.

В итоге философия антязыка постулируется нами как раздел философии, предметом которого является изучение оснований и пределов семиотической номинации на естественном человеческом языке и зависимости познавательного процесса от антязыка.

Литература

1. Нилогов А. С. Экскурс в лингвистическую футурохронию // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Рос-

сийского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. Т. 4. М., 2005. С. 361–362.

2. Нилогов А. С. Философия антиязыка(на материале книги Ю. М. Осипова «Время философии хозяйства») // Философия хозяйства». 2009. № 5. С. 276–283.
3. Нилогов А. С. Философия антиязыка. СПб., 2013. 216 с.
4. Нилогов А. С. Антиязыковая номинация больших чисел (В начале было Число, и Число было у Бога, и Число было Бог) // Филология: научные исследования. 2013. № 3. С. 266–274.
5. Нилогов А. С. Антиязык как ясновидение в бессловесной коммуникации Д. Г. Беннетта // Психология и Психотехника. 2015. № 1. С. 92–103.
6. Нилогов А. С. Сплю, следовательно, существую // Психология и психотехника. 2015. № 4. С. 373–382.
7. Нилогов А. С. Психология и философия антиязыка (на материале монографии И. А. Бесковой «Природа сновидений») // Психология и Психотехника. 2015. № 6. С. 588–601.
8. Нилогов А. С. «Философия имени» Н. С. Булгакова сквозь призму философии антиязыка // Философия хозяйства. 2015. № 4. С. 212–219.
9. Нилогов А. С. Феномен телепатии с точки зрения философии антиязыка // Психология и Психотехника. 2015. № 11. С. 1167–1178.
10. Нилогов А. С. Онтологический статус слова/антислова // Филология: научные исследования. 2015. № 3. С. 241–252.
11. Нилогов А. С., Соломоник А. Б. Философия семиотических систем: от теории «общей семиотики» до философии языка/антиязыка (беседа А. С. Нилогова с А. Б. Соломоником) // Культура и искусство. 2015. № 6. С. 632–646.
12. Нилогов А. С. Методология дешифровки сквозь призму онтологического статуса слова/антислова // Филология: научные исследования. 2015. № 4. С. 345–354.
13. Нилогов А. С. Дискурс антиязыка (от философии языка к философии антиязыка) // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2015. № 2. С. 118–124.
14. Нилогов А. С. Критика лингвистического разума: от криптофилологии до философии антиязыка (беседа А. С. Нилогова с В. Н. Базылевым) // Философская мысль. 2016. № 1. С. 54–95.
15. Нилогов А. С. Что такое философия антиязыка? // Философия и культура. 2016. № 1. С. 49–59.
16. Нилогов А. С. «Снипование» как именование (антиязыковая методология в помощь ДНК-генеалогии) // Litera. 2016. № 1. С. 18–25.
17. Нилогов А. С. От антиязыковой методологии к антиязыковой генеалогии // Филология: научные исследования. 2016. № 1. С. 70–85.
18. Нилогов А. С. Антиязык в трактовке Ф. И. Гиренка // Философия

хозяйства. 2016. № 2. С. 234–244.

19. Нилогов А. С. Библиотека философии антиязыка: понятие антиязыка в интерпретации Г. Вирта – А. Г. Дугина // Философская мысль. 2016. № 10. С. 50–62.

20. Halliday M. A. K. Anti-Languages // American Anthropologist. 78 (3). 1976. С. 570–584.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ТЕЗИС ДЮГЕМА-КУАЙНА

С.Е. Овчинников

Институт философии и права СО РАН

step.ovch@gmail.com

Можно выделить 3 главных вопроса эпистемологии:

1) Как мы получаем знание? 2) Почему оно истинно? 3) Существует ли граница познания и как ее обнаружить?

Основные философские концепции познания — эмпиризм и рационализм были призваны решить одновременно первые два вопроса (а в случае Канта — все три). В рамках эмпиризма знание возникает из наблюдений с помощью индуктивного метода. В рамках рационализма знание возникает из априорного знания с помощью дедуктивного метода. Таким образом оба направления разделяют одинаковую схему оправдания знания: из истинных посылок истинным методом получается истинное знание. Но в случае эмпиризма, метод оказывается не истинным (как показал Юм), а в случае рационализма под сомнение попадают посылки, т.к. в сущности доказательство априорности сводится к тавтологии: «априорное знание возможно в силу возможностей нашего рассудка».

И эмпиристы и рационалисты оказались заложниками данной схемы, которая возникает вследствие попытки убить двух зайцев одним выстрелом. Философы хотели не просто найти источник знания, но чтобы этот источник, ко всему прочему, обеспечивал ему вечную истинность. Такое желание, как заметил Карл Поппер, вероятно было вызвано тем, что у исследователей перед глазами была наличная истина — механика Ньютона (либо уверенность в божественном происхождении разума) и эта истина требовала гносеологического оправдания. Теперь же, на новом витке истории, когда стало ясно, что механика Ньютона не единственная, и даже не самая точная физическая теория, философы освободились от тяжкого бремени истины. Теперь с полным правом можно отделить первый вопрос от второго, корректность которого вообще может быть поставлена под сомнение. Это и сделал Карл Поппер в рамках своей эволюционной эпистемологии.

В эволюционной эпистемологии человеческое знание может рассматриваться не как уникальное свойство, дар богов, но как очередная ступень развития жизни. Бактерия, ищущая пищу с помощью фоточувствительного органоида и наше знание об этой бактерии — вещи одной природы, т.к. имеют общий источник. Этот общий источник суть метод проб и ошибок, который в равной степени используется и слепым естественным отбором, и сознательными людьми. Знание в эволюционной эпистемологии вырабатывается эндогенным образом, а его правдоподобие обеспечивает рациональная критика. Таким образом эпистемологию можно считать частным случаем более общего процесса накопления знаний живыми организмами [1].

Но, так как естественный отбор действует не только в мире природы, но и в мире теорий, данную концепцию не обошла стороной критика. В частности, эволюционная эпистемология включает в себя небезызвестный принцип демаркации, который ошибочно отождествляется с фальсифицируемостью теории. Именно на этой ошибке базируется критика данного критерия, выраженная в тезисе Дюгема-Куайна: «Любое утверждение может рассматриваться как истинное, несмотря ни на что, если мы сделаем достаточно решительные корректировки в каком-то ином фрагменте системы», а так же, тесно связанное (если не совпадающее), с этим тезисом утверждение о несоизмеримости теорий [2].

Фактически, эволюционная эпистемология включает в себя критерий демаркации, который в свою очередь включает в себя фальсифицируемость, но не только её [3]. Помимо прочего научная теория должна решать некоторую проблему, причем решать лучше чем другие, уже имеющиеся, теории. Таким образом критерий демаркации Поппера значительно сложнее чем кажется на первый взгляд, т.к. требуется установить что значит «лучше». Несмотря на неопределенность термина, опыт показывает, что научное сообщество практически всегда в состоянии выбрать «лучшую» из известных теорий, а значит и спекуляции на тему их несоизмеримости можно поставить под сомнение. Если бы теории действительно были несоизмеримы (читай равнозначны) то как объяснить прогресс в науке? Или, если усомниться в наличии «прогресса», то как объяснить смену научных парадигм? Что вообще могло бы заставить ученого изменить устоявшиеся взгляды на реальность? Рискну предположить, что виной всему новые явление, которые существуют объективно, и обладают регуляторным по отношению к нам характером.

Таким образом, чтобы разрешить сомнения требуется прояснить неочевидную разницу между обоснованием теории и открытием, между фактом и теоретическим выводом. Хотя обоснование и открытие, так же как факт и вывод тесно связаны, внутри каждой пары можно (и в этом состоит задача философии) провести демаркацию. Критика научного метода

затуманивает это различие утверждением о том, что обоснования и факты теоретически нагружены. Принимая это утверждение во всей полноте, невозможно не сделать релятивистский и пессимистический вывод о возможностях науки, но из этого следует невозможность изменить теорию, так как утверждается, что ученый не имеет доступа к фактам вне теории. Выход из ситуации можно найти в самом тезисе Дюгема-Куайна. В действительности не существует единой монолитной теории, в свете которой ученые воспринимали бы все факты. В науке имеется множество теорий, которые имеют разные степени обоснованности и состоят из множества частей. Все эти теории находятся в сложном взаимодействии как в обыденной жизни, так и в науке. Это взаимодействие аналогично естественному отбору, который в научном поиске на порядок более суров.

Литература

1. Дональд Т. Кэмбелл Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистомология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. - М.:Эдиториал УРСС – 2000. – С. 92-136.
2. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. с.125-467
3. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания – 2015. – С. 11-421.

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФУЦИАНСКОГО УЧЕНИЯ

М.В. Петренко

Национальный исследовательский

Томский государственный университет, г. Томск

petrenkomariav@gmail.com

В данной статье рассматривается генеалогия одного из самых древних из созданных человечеством учений – конфуцианства. Конфуцианство – уникальный феномен. Это учение, которое невозможно уложить в рамки какой-либо доступной нам классификации: оно и религиозное, и этическое, и философское, и политическое. Конфуцианство – это визитная карточка Китая, то, что составляет ядро этнической идентичности любого китайца, вне зависимости от его оценочной позиции по отношению к данному учению. Конфуцианство играло и играет важную роль в социальной жизни Китая. Это учение удовлетворяет большую часть культурных потребностей его населения. Как могла возникнуть столь продуманная и цельная традиция, надежно вписавшая себя в историю Китая на многие

столетия? – Ответить на этот вопрос не так уж просто. Моя гипотеза заключается в том, что объяснить возможность появления Конфуцианства следует при помощи комплекса из ряда причин и предпосылок:

I. Историко-политические

Конфуций жил в период Восточного Чжоу. Для этого времени характерно ослабление правящей династии. Столица была перенесена из Фэнхэо в Лои в связи с усилением в Фэнхэо позиций племени гунов. На политической арене возрастало влияние других (неправящих) династий, император потерял реальную власть, стал номинальным главой. По сути Восточный Чжоу – начало периода феодальной раздробленности, периода войны нескольких царств за право управлять Китаем.

Быстрое развитие политической мысли в таких условиях – вполне тривиальный феномен. Конфуций, наряду с другими мыслителями, искал пути выхода из политического кризиса. Его волновал следующий вопрос: каким должен быть правитель и какими должны быть его подданные для того чтобы государство процветало. Кун-цзы готовил своих учеников к управлению государством в надежде на то, что кто-то из них реализует его идеи.

II. Культурные

В Китае религия не могла обеспечить общество четким сводом этических норм. Нужен был тот, кто смог бы, актуализировав традицию, сформулировать правила повседневных быта и коммуникации рядового китайца. Тем, кто ответил на этот вызов, и стал Конфуцием.

В Китае процесс демифологизации произошел гораздо быстрее, чем где бы то ни было. Уже в VI в. до н.э. начали появляться первые религиозно-философские системы. Наиболее широкое распространение получили Конфуцианство, Даосизм и Буддизм. С приходом новых течений неизбежно произошли и некоторые изменения. Удобнее всего их будет показать на примере трансформации мифа в рамках рассматриваемой культуры.

Любой миф имплицитно содержит в себе 3 компонента:

-сакральное знание

О происхождении мира, происхождении человека и т.п.

-ритуал

Инструмент проецирования сакрального знания на поведение основной массы людей

-фольклор

Адаптация ритуала, объяснение смысла сакрального знания на бытовом уровне, непосвященным

В появившихся же учениях (Даосизме и Буддизме) ритуал перестал играть уготованную ему изначально роль: религиозные практики направне со знанием обретают сакральность, становятся предметом достояния

лишь избранных. В итоге такой подход привел к незавидным последствиям: религия ввиду отсутствия бытовых практик не смогла оформиться как социальный институт, и этическая система пришла в упадок.

Спас положение Конфуций с его этико-политическим учением, основанным на неукоснительном соблюдении правил и традиций. Однако этого мыслителя мало интересовал «мир духов». Конфуций обращается к божественной сфере лишь с одной целью – закрыть к ней доступ простому человеку раз и навсегда.

III. Биографические

Конфуций – незаконнорожденный ребенок. Брак его отца, успешного военного и матери, девушки из знатного рода не был признан общественностью. Обычно это объясняется либо большой разницей в возрасте супругов, либо тем, что для Шулян Хэ (отца Кун-цзы) это был уже третий брак. Данный факт оказал огромное влияние на мировоззрение будущего мыслителя. Когда Конфуцию было полтора года, его отец умер, и больше некому было защитить его и маму от нападок общества. Янь Чжэнцзай (матери Кун-цзы) и ее сыну не были рады ни в ее доме, ни в доме ее мужа. Другие жены запретили ей присутствовать на похоронах Шулян Хэ и отказались даже назвать место, где он похоронен. Несмотря на это, мать воспитывала Конфуция в соответствии с традиционными идеалами: учила читать ритуал и уважать предков, вдохновляла сына рассказами о его прославленных родственниках.

Несоответствие действительности и собственных представлений удручало мыслителя. Его учение, универсальное, системное – попытка это несоответствие искоренить.

Подобный анализ причин и предпосылок возникновения Конфуцианства позволяет нам увидеть его различные грани и наслоения, лучше понять его сущность и те вызовы, на которые оно должно было стать ответом, а значит, и немного лучше понять сам Китай.

Литература

1. История Китая / Учебник под ред. А.В. Меликссетова, М.: изд. МГУ, изд. «Высшая школа», 2002 – 736 с.
2. Каретина Г.С. «Конфуцианство в процессе модернизации Китая»// Известия Восточного Института 2015/2 (26)
3. Конфуций: "Лунь юй" Исследование, перевод с китайского, комментарии. Факсимильный текст "Лунь Юя" Коммент. Чжу Си; Отв. ред. М. Л. Титаренко; Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока – М.: М. Восточная литература, 2000. 588 с
4. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. – М.: М. Наука, 1993. 439 с.

5. Социальные организации в Китае [сборник статей,] – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. – 303 с.

6. Этика и ритуал в традиционном Китае [сборник статей,] – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 331 с.

СУБСТАНТИВИЗМ И РЕЛЯЦИОНИЗМ: АРГУМЕНТ ЭРМАНА-НОРТОНА

Е. И. Поротиков

Новосибирский государственный университет
eporotikov@gmail.com

Существует две точки зрения на природу пространства-времени – *субстантивизм* и *реляционизм*. Согласно субстантивизму, пространство-время является субстанцией, то есть существует независимо от объектов. Реляционизм же утверждает, что пространство-время является свойством объектов и характеристикой их отношений. С появлением общей теории относительности в науке стали доминировать реляционистские взгляды, однако в конце двадцатого века появилось несколько новых аргументов как в пользу реляционизма, так и в пользу субстантивизма, и проблема онтологического статуса пространства-времени вновь обрела актуальность. На наш взгляд, реляционизм позволяет успешно интерпретировать современные научные теории, такие как общая теория относительности, в то время как субстантивизм требует пересмотра ряда важных элементов теории, в том числе отказ от общей ковариантности.

В конце 80-х годов споры вокруг онтологического статуса пространства-времени разгорелись с новой силой, во многом благодаря усилиям Джона Эрмана и Джона Нортон, которые попытались найти строгое математическое обоснование реляционизма в рамках общей теории относительности (см. [Earman, 1989], [Norton, 1988]). Аргумент Эрмана-Нортона получил название *The Hole Argument*. В основе Аргумента лежит так называемая гладкая трансформация, или диффеоморфизм. При помощи диффеоморфизма мы можем создавать различные модели конкретной физической ситуации. С точки зрения реляциониста, все эти копии – просто разные способы описания одной и той же ситуации, но для субстантивиста каждая копия должна соответствовать новой физической ситуации, так как при диффеоморфизме меняется пространственное положение некоторых точек исходной модели. Допустим, мы имеем две модели теории, оригинальную модель и ее диффеоморфическую копию. Обе модели согласуются по всем инвариантным свойствам, а значит, при помощи на-

блюдения мы не сможет отличить одну модель от другой. Но субстантивизм неизбежно приходит к тому, что две модели теории, возникающие при диффеоморфизме, соответствуют двум разным физическим ситуациям, при этом наблюдательно они полностью идентичны. Эта дилемма называется *дилеммой верификации*. Второе следствие субстантивизма представляется гораздо более нежелательным: это радикальный индетерминизм во всех локальных теориях пространства-времени. Так как и оригинальная модель, и ее диффеоморфическая копия соответствуют физически возможным ситуациям, то мы не сможем предсказать, как именно будут развиваться события внутри произвольной области, хотя за пределами области теория дает однозначный ответ. Эта вторая дилемма называется *дилеммой индетерминизма*. Итак, субстантивизм сталкивается сразу с двумя серьезными дилеммами, что, по мнению Дж. Эрмана и Дж. Нортона, делает субстантивизм полностью несостоятельным: «Мы можем перегрузить любую физическую теорию фантомными, недоступными для наблюдения свойствами. Если их недоступность для наблюдательной проверки не является достаточным основанием считать эти свойства нелегитимными, то индетерминизм, который они помещают в теорию, которая в противном случае была бы детерминистской, должен быть достаточным основанием. Эти свойства являются недоступными как для наблюдения, так и для теории, и поэтому они должны быть отброшены вместе с любой концепцией, требующей их сохранения». [Norton, 1988. Р. 59]

Проблема заключается в том, что общая теория относительности способна сочетаться не только с реляционизмом, но и с субстантивизмом. Современный субстантивист находится в невыгодном положении, потому что ему приходится реагировать на выводы Дж. Эрмана и Дж. Нортона, которые гораздо лучше соответствуют мировоззренческим установкам современной физики. Поэтому в наше время успех субстантивистской теории определяется тем, насколько успешно удается обходить эти выводы. В этом отношении наиболее сильные субстантивистские теории, на наш взгляд, созданы философами Тимом Модлином и Джереми Баттер菲尔дом. Теория, защищаемая Т. Модлином, носит название *метрический эссенциализм*. Эта теория утверждает, что метрические свойства являются внутреннее присущими (essential) свойствами точек пространства-времени [Maudlin, 1988]. Дж. Баттер菲尔д отстаивает субстантивизм путем отрицания межмировой идентичности точек (transworld identity of points). По его мнению, точка пространства-времени существует только в одном (актуальном) мире, а ее копия, возникающая при диффеоморфизме, не идентична ей, а является ее двойником. [Butterfield, 1989] Теории Т. Модлина и Дж. Баттер菲尔да сочетаются с общей теорией относительности, но ценой отказа от одной из ключевых ее особенностей – общей ковариантности, что, по

мнению многих критиков, является слишком высокой платой за субстантивизм.

Основные отличия между современным субстантивизмом и современным реляционизмом заключаются, главным образом, в характере аргументации. Современные реляционисты, Дж. Эрман и Дж. Нортон, в своей аргументации опираются на физику, используя онтологию как «дополнительный ресурс», подчиненный результатам науки. В то же время современные субстантивисты, Т. Модлин и Дж. Баттерфилд, опираются на метафизику и пытаются согласовывать результаты науки с готовой онтологией. Такой подход является, безусловно, оригинальным, однако философская аргументация преобладает в нем над физическими фактами. Между наукой и философией нет четких границ, но если мы выбираем между физикой и метафизикой, то приоритет всегда должен оставаться за физикой. Так что на данный момент реляционизм остается более предпочтительной концепцией.

Литература

Butterfield J. The Hole Truth // British Journal for the Philosophy of Science. 1989. Vol. 40. P. 1–28.

Earman J. World Enough and Space-Time: Absolute Versus Relational Theories of Space and Time. Cambridge University Press, 1989.

Maudlin T. The Essence of Space-Time // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. Vol. 2. The University of Chicago Press, 1988. P. 82–91.

Norton J. D. The Hole Argument // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. Vol. 2. The University of Chicago Press, 1988. P. 56–64.

ОТ СОКРАТИЧЕСКОЙ ЗАБОТЫ К СТОИЧЕСКОМУ ИСКУССТВУ ЖИЗНИ

А.А. Санженаков

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sanzhenakov@gmail.com

Как известно, поздний период творчества М. Фуко отмечен вопросом о том, каким образом «человек превращает самого себя в субъекта» [6, с. 97]. В поисках ответа на этот вопрос Фуко обратился к античному наследию в целом и к греко-римской философии периода Ранней империи (I–II вв. н.э.) в частности. При этом особыми преференциями у него пользовались стоические тексты этого периода, поскольку по его мнению

именно в этих текстах техники конституирования субъекта достигли своего наивысшего развития.

Начинает же он свой курс лекций в Коллеж де Франс с более раннего периода античной философии, а именно, с подробного разбора платоновского диалога «Алкивиад I» и понятия «заботы о себе» (ἐπιμέλειας αὐτοῦ), наиболее близкого тому замыслу, который пытался осуществить Фуко в последние годы жизни [5]. В этом диалоге Сократ ведет беседу с молодым Алкивиадом, намеревающимся вступить на политическое поприще. Как выясняется, Алкивиад собирается выступать в народном собрании перед афинянами с советами, но не имеет ясного представления о справедливом и несправедливом. Поэтому Сократ спрашивает его: «Однако, что ты собираешься делать с самим собой? Остаться таким, каков ты есть, или проявить о себе некоторую заботу? (ἐπιμέλειάν τινα ποιεῖσθαι)» (*Alcib.* 119a9) [2, с. 242]. Далее, убеждая молодого аристократа в том, что он ничем не превосходит персов, Сократ добавляет: «Мы ничего не можем им противопоставить, кроме искусства (έχου η) и прилежания (ἐπιμελείας)» (*Alcib.* 124b3) [2, с. 248]. Затем собеседники выясняют, что существует некое искусство, с помощью которого мы заботимся о себе, которое отличается от искусства, посредством которого мы заботимся о принадлежащих нам вещах.

Как отмечает Т. Тильман, философский идеал заботы о собственной душе, развиваемый Сократом, не был новшеством, ибо первые шаги в этом направлении были сделаны еще Пифагором и Гераклитом. В то же время заслуга Сократа состояла в дальнейшем развитии идеи заботы через привлечение понятия «искусство» (έχου η) [7, р. 246]. Развитие в данного случае заключается в том, что έχου η представляет собой рациональный и понятный метод, именно поэтому ему можно научиться [*Ibid*]. Со своей стороны отметим, что в целом верное понимание έχου η как рационального и понятного метода требует более четкого представления о том, как он работает, о его механизме. В текстах Платона мы не сможем найти подробного описания условий выполнения этого метода. Более того, в его текстах нет и единообразного понимания этого термина: «искусством для Платона являются и самые элементарные, основанные на привычке и бессознательной практике приемы и приемы более методического характера, когда налицо есть уже некоторое их осознание» (1, с. 17).

Впервые только в Ранней Стое встречается более менее ясное представление о том, каким образом «искусство заботы о себе» может быть исполнено. Прежде всего для этого потребовалось дать четкое определение понятию «искусство», что было сделано Зеноном Китийским. Искусство – «это упорядоченная совокупность постижений (ύστημαὶ καταλήγεων), сообразованных с некоей полезной (ύχρηστον) для жизни целью» (ФРС I 73) [3, с. 40]. Вторым шагом было подчинение всей жизни

некоему общему искусству – «искусству жизни». Наконец, завершающим этапом было отождествление добродетели и искусства жизни: «добродетель включает в себя и практику, поскольку она есть искусство [разумной] жизни в ее целокупности, – а [жизнь] обнимает собой все реальные действия» (ФРС III 202) [4, с. 77]. Только что представленная эволюция, безусловно, является сугубо схематичной. В то же время она отражает базовые интуиции стоиков. Искусство направлено на достижение полезной цели. При этом любое искусство имеет строго ограниченную область применения. И только добродетель как «искусство жизни» может и должна применяться ко всей жизни в целом. «Подобно тому, как искусство игры на флейте умеет правильно пользоваться любой предложенной мелодией, точно так же и добродетель – всякой вещью» (ФРС III 205) [4, с. 78]. Конечно, это не следует понимать в том смысле, что добродетельный человек является экспертом во всех сферах. Его искусность заключается в умении безошибочно различать благо, зло и безразличное (ФРС III 598) [4, с. 235], а это умение в свою очередь приводит к тому, что каждый поступок совершается наилучшим образом: «мудрец все делает хорошо, следует из того, что он все совершает в соответствии с верным разумом и добродетелью, которая есть искусство, относящееся ко всей жизни» (ФРС III 560) [4, с. 224]. Таким образом, сократическое вопрошение об искусстве заботы о себе стоики переводят в дискурс этики добродетели.

Итак, нормативное требование попечения о собственной душе, высказанное Сократом, было не только подхвачено стоиками, но и оснащено ясным представлением об условиях его выполнимости. Вместе с тем стоики отказались от термина «забота о себе» и заменили его на термин «искусство жизни». По мнению Фуко подобный отказ знаменует собой расширение первоначального сократического представления об ἐπιέλεια. Если раньше попечение о душе производилось ради того, чтобы научить управлять другими, то теперь оно производится ради самого субъекта попечения.

Литература

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. Харьков, Москва, 2000.
2. Платон. Алкивиад I // Собр. соч. Том 4. М.: Мысль, 1990. С. 220–267.
3. Фрагменты ранних стоиков. Т. И. Зенон и его ученики / Пер. и ком. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. 229 с.
4. Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Ч. 1. Хрисипп из Сол: этические фрагменты / Пер. и ком. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2008. 300 с.

5. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс 1981–1982 учебном году. Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007.
6. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2. С. 96–122.
7. Tieleman T. The Art of Life: An Ancient Idea and Its Survival // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2008. Т. 2. Вып. 2. С. 245–252.

УСЛОВИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ: ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ УТОПИЯ?

Д. С. Сидоров

Санкт-Петербургский государственный университет
13arhyz2015@gmail.com

При взгляде социологии на себя как на часть своего же объекта, возникает вопрос о решении проблемы, связанной с возможностью объективного социального познания. Из этого вытекает проблема статуса социального теоретика: как исследователь, находясь «внутри» социальной реальности, может объективно исследовать последнюю без статусных, ролевых и прочих пресуппозиций. Источником конфликта между различными теоретическими программами становятся условия социологического трансцендирования. В условиях кризиса современной российской социологической науки, фиксируемого различными учёными, данная тема крайне актуальна. Учёные акцентируют внимание на различных аспектах кризиса, в частности, В. Радаев – редактор журнала «Экономическая социология» и руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований, анализируя институциональный аспект, пишет: «российская социология находится сегодня в глубоком кризисе, который в сильной степени является результатом несформированной профессиональной идентичности. Профессиональное сообщество фрагментировано, попытки внутренней консолидации не приносят успеха. В этих условиях единственный способ перехода на качественно новый уровень развития – грамотная интеграция в международную среду» [8]. По мнению учёного важным следствием отсутствия идентичности является условная регионализация науки, которая, в свою очередь, мешает нормальной научной коммуникации. Так же в настоящее время актуализировалась проблема лояльности студентов-социологов к выбранной специальности. Учёный пишет о том, что «на входе» и «на выходе» студенты не особенно понимают как социология может быть задействована в будущем трудоустройстве, так как отсутствует грамотная презентация социологической науки в публичной сфере. Немаловажным

аспектом кризиса является также и факт недостаточного финансирования фундаментальным социологическими исследованиями. По результатам исследования Д. Рогозина — 40% социологических опросов фальсифицируется, что также связано с институциональными проблемами социологии (огромное количество вопросов, которые просто невозможно задать одному респонденту, сжатые сроки и т.д.) и отсутствием адекватного финансирования [5]. Также следует подчеркнуть, что в последнее время социология всё чаще выступает в роли политического агента. К примеру, по поручению президента РФ В.В. Путина в Крыму был проведен соц. опрос о временном юридическом статусе Крыма. На основе полученных данных было принято политическое решение [9]. Впрочем, есть и обратные примеры. По данным Академии повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования, 60% родителей высказались против введения в школы предмета «Основы православной культуры», в тоже время, несколько позже, ВЦИОМ опубликовал данные, согласно которым 53% респондентов высказались «за» введение такого предмета. На сайте ВЦИОМа такая рассогласованность объясняется тем, что опрашивались разные социальные группы: в первом случае — заинтересованные люди (родители учеников, работники образования и т. п.), во втором — россияне в целом [10]. Несмотря на это в ряде субъектов РФ предмет всё же был введен в качестве обязательного.

Кроме того, недавний скандал с Левада-центром подтверждает гипотезу о политизации социологии.

Таким образом, мы можем говорить о том, что социология в целом и её различные институты в частности стали полноценными политическими агентами. Так производство социологического знания потенциально может стать ангажированным. Кроме того, указанный выше инцидент с Левада-центром говорит нам о возможной изначальной ангажированности данной организации. В этой связи особенно актуально рассмотреть позицию социального познания и модели мышления носителей данной позиции в ракурсе современных российских социологических теорий.

Наличествует прочная связь между теоретическими и прикладными структурными элементами социологической науки. Таким образом, актуальным кажется рассмотрение современных российских социологических теорий (после 91г.) на предмет выявления позиции социального познания в принципе в условиях очевидного кризиса отечественной социологической науки.

Данная позиция будет рассмотрена сквозь аналитическую оптику социологии знания К. Мангейма [4], для выявления позиции теории в отношении социального порядка. Кроме того, для выявления детерминант

конкретной позиции будет использована концепция социологии науки П. Бурдье [2].

Для анализа современной теоретической социологии предлагается рассмотрение теорий некоторых современных российских социальных теоретиков, а именно А. Филиппова [6] и теории событий, а также А. Дугина и разрабатываемую им социологию воображения [1].

Для данной статьи мы ограничимся лишь самыми общими соображениями и самым общим анализом данных теорий, начав с того, что собственно представляют собой «событие» и «воображение» у данных учёных. А. Филиппов пишет: «событием будет называться смысловой комплекс, означающий соотноси) тельное акту наблюдения единство. В этот смысловой комплекс входит свершение в пространстве и времени. Событие идентифицируется наблюдателем как нечто совершающееся (то есть происходящее) и совершающееся (то есть име) ющее взятную для наблюдателя завершенность, позволяющую отделять его от прочих событий)» и далее: «наблюдатель, говорим мы, поскольку он именно наблюдатель, а не участник, перестает быть вовлеченным в течение взаимодействий. Он не просто обращает внимание на совершившееся, но и отличает его от всего последующего хода переживаний и действий». Если кратко проанализировать данную статью и приведённые выше положения следует отметить, что события, воспринимаемые как данность и образующие «любую социальность», есть непроблемотичные теоретические конструкции или «метафоры», призванные через пространственную метафорику проанализировать характер социальных связей и отношений. В данном случае предлагается отказ от рассмотрения специфики наличествующего социального порядка, взамен на, если угодно, структуры социального порядка. Данный отказ делает подобную теорию идеологией в смысле К. Мангейма.

Напротив, социология воображения А. Дугина выступает утопией, т.к. занимает внешнее отношение по отношению к существующему социальному порядку. В своей работе «Социология воображения. Введение в структурную социологию» учёный, главным образом, опирается на теорию воображения Ж. Дюрана [7]. В данной теории учёный проблематизирует социальный порядок, вводя понятие понятия мифа как некоторой эпистемологической основы миропонимания и осознавания себя в мире. Так, по мнению Ж.Дюрана и А. Дугина в мире существует два мира ноктюрна и диурна. Диурн представляет собой героический миф и героическое миропонимание. Чтобы понять суть героическое мифа во многом следует обратиться к концепции В. Зомбарты о «героях» и «торговцах» [3]. Так, диурн представляет собой миф с чёткой ориентацией на силу, веру, героизм, партикуляризм и т.д.

В свою очередь, ноктюрн – мир «торговцев» с аморфными структурами, ориентированными, с договором (вместо силы), умеренности

(вместо героизма), гетерогенности (вместо партикулярных структур) и закон (вместо веры). Таким образом, по мнению А. Дугина, существует два принципиально разных социальных порядка. В общем и целом данная теория основывается на некоторых «априорных когнитивных структурах», которые существуют одновременно и паралельно. Они – внесоциальны, внекультурны и вне религиозны. Это некоторое коллективное бессознательное когнитивных структур и процессов, поэтому для доказательства этого, А. Дугин обращается к идеям К. Юнга. Учёный предполагает, что два социальных порядка могут сменять друг друга. Таким образом, учёный занимает утопическую позицию.

В заключении следует отметить, что характер воззрений двух столь разных учёных можно осмыслить только исходя из исторического контекста их формирования. Американский политолог Стивен Шенфилд в своей работе «Русский фашизм» утверждал, что «ключевой для политических воззрений Дугина является классическая концепция „консервативной революции“, направленной на ниспровержение пост-просвещенческого мируустройства и установление нового порядка, в котором должны быть возрождены героические ценности почти забытой „Традиции“». Кроме того, А. Дугин известен и своими адиозными общественными выступлениями.

Что касается А. Филиппова, то это - академист, профессор НИУ ВШЭ (того институционального объединения, которое во многом разработало экономические реформы РФ). Проблематизация социального порядка в лучшем случае возможна только на сугубо-теоретическом уровне. Таким образом, можно предположить, что на производство теоретического социального знания влияют различные политические, экономические, социальные, культурные и др. агенты. Следует оговориться, что эта статья является только началом более масштабного теоретического исследования.

Таким образом можно сформулировать предварительную гипотезу: факт включённости учёного в какую-либо политическую институции тесно связан с утопистским способом трансцендирования. Напротив, факт отстранённости учёного от политических институций связан с идеологическим способом трансцендирования. Однако отказ от проблематизации также есть выражение политического решения, П. Бурдье писал об этом так: «для «политической науки» замалчивание условий, ставящих граждан, причем тем жестче, чем более они обделены экономически, перед альтернативой либо отказываться от своих прав, прибегая к абсентеизму, либо лишаться прав посредством их делегирования, означает то же, что для экономической науки замалчивание экономических и культурных условий «рационального» экономического поведения». Таким образом отказ от проблематизации социального порядка и не включённость во властные институции уже есть политическое решение, детерминируемое, вероятно,

принадлежностью к каким-либо профессиональным или академическим институциям, которые, в свою очередь, тесно связаны с государственным управлением.

Литература

1. Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. — М.: Академический Проект; Трикста, 2010. — 564 с
2. Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Российской-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. — 288 с.
3. Зомбарт В.Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Пер. с нем.; изд. подгот. Ю. Н. Давыдов, В. В. Сапов. — М.: Наука, 1994.
4. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994, 162с.
5. Рогозин Д.М., Ипатова А.А. Насколько разумна наша вера в результаты «бумажных» квартирных опросов/ Д.М. Рогозин, А.А. Ипатова М.: Радуга, 2015, С. 28.
6. Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // Философско-литературный журнал "Логос". — 5 (44). — 2004. — С. 3-28.
7. La Galaxie de l'imaginaire: dérive autour de l'œuvre de Gilbert Durand/ François Pelletier; Michel Maffesoli, eds. Paris: Berg, 1980
8. «Российской социологии нужна глобализация» [электронный ресурс]/ Сайт НИУ ВШЭ, Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177669076.html>, время доступа: 16.09.2016.
9. «Жители Крыма высказались против поставок электроэнергии на условиях Украины» [электронный ресурс]/ Информационный портал «Лента.ру» Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/01/01/krim/>, время доступа: 17.03.2016
10. «Сми о нас» [электронный ресурс]/ Сайт ВЦИОМ, Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=241&uid=13239>, время доступа: 17.03.2016

КОНЦЕПЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И АРМИИ С. ХАНТИНГТОНА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В. Б. Стециук

Каменец-Подольский национальный университет им. И. Огиенко,
г. Каменец-Подольский (Украина)
steciuk_vad@mail.ru

С. Ф. Хантингтон, несомненно, принадлежит к числу ведущих мыслителей XX ст., его идеи оказали огромное влияние на развитие современных политологии и социологии. Однако, к сожалению, касается это преимущественно поздних работ американского исследователя, в которых он предложил известные концепции «столкновения цивилизаций» и «волны демократизации». В то же время за пределами США гораздо меньше известны ранние исследования С. Хантингтона, в частности, первая его монография «*The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*». Хотя, по словам историка Э. Коффмана, каждый, кто серьезно заинтересован американской военной историей, должен познакомиться с «Солдатом и государством» С. Хантингтона [3, р. 69]. По нашему мнению, указанный труд может представлять значительный методологический интерес не только при изучении истории США, но и при исследовании вооруженных сил в истории и современности других стран.

Прежде чем характеризовать эвристический потенциал концепции Хантингтона, следует коснуться содержанию указанной монографии. Книга, изданная в 1957 г. в издательстве Гарвардского университета, состоит из трех частей, разделенных, в свою очередь, на восемнадцать глав. Первая часть книги, «Военные институты и государство: теоретическая и историческая перспектива», посвящена предпосылкам формирования отношений армии и общества в новое и новейшее время.

Прежде всего, ученый предлагает собственную дефиницию офицерского корпуса. Он отмечает то, что офицеры получают от общества монополию на управление насилием. Фактически имеет место коллективный договор между сообществом профессионалов, которые должны разрабатывать и воплощать оборонную политику, и обществом, которое берет на себя ответственность за материальное и моральное вознаграждение офицерского корпуса [4, р.11-13].

По мнению исследователя, в годы Тридцатилетней войны в западном обществе начался переход к армии нового типа, в которой особенную роль играл профессиональный офицерский корпус. Завершился этот процесс, согласно Хантингтону, в XIX в., когда ключевыми для карьерного роста офицера стали индивидуальные факторы – образование, опыт и т.д. [4, р. 51].

Хантингтон отдельно останавливается на вопросе «военного склада ума» (military mind) и специфической профессиональной этики кадровых военных. Он указывает, что для их мировоззрения характерны консервативный реализм, коллективизм, пессимизм (постоянная готовность к развитию событий за наихудшим из возможных вариантов), ориентация на прошлое (historically inclined), национализм, милитаризм, нацеленность на силовое решение вопросов и тому подобное [4, р.78-79].

Также в первой части характеризуются теоретические модели военно-гражданских отношений, влияние на них разных идеологических доктрин, а также рассматриваются особенности этих отношений в Германии (до 1945 г.) и Японии [4, р. 97-98].

Во второй части книги рассматривается эволюция восприятия вооруженных сил американским обществом и политикумом с 1789 г., когда вступила в действие Конституция США и началось функционирование федеральных органов власти, и до второй мировой войны [4, р.143-344].

Наконец, третья часть монографии посвящена анализу гражданско-военных отношений в США в годы мировой войны и в послевоенное десятилетие [4, р.345-456].

Теоретические наработки С. Хантингтона, по нашему мнению, могут представлять значительный интерес при изучении истории России XIX – нач. XX вв. – периода, когда страна пережила целый ряд войн, а представители офицерского корпуса играли огромную роль в политической жизни.

Весьма показательно, что генерал А. И. Деникин называет среди характерных черт русского офицерства, рядом с доблестью и рыцарством, кастовую нетерпимость, архаичную классовую отчужденность и глубокий консерватизм – то есть практически те же специфические черты военного мировоззрения, что и С. Хантингтон [1, с. 15-16].

К сожалению, данный подход практически не встречается в научной литературе – в качестве редких исключений можно привести лишь монографию Б. Тейлора [6] и статью П. Кенеза [5].

Так, значительный интерес представляет сравнительный анализ деятельности представителей имперской администрации в контексте их предыдущего служебного опыта – например, рассмотреть деятельность губернаторов и генерал-губернаторов, сравнив управленческие практики выходцев из офицерского корпуса ичиновнической среды. Уместно также рассмотреть проблему на примере губернаторов – так, в истории Подольской губернии можно выделить длительный период (1834-1856 гг.), когда во главе административной единицы стояли исключительно представители генералитета [2, с.152].

Что касается изучения событий революционной эпохи 1917-1920 гг., то применение концепции С.Хантингтона может позволить переосмыслить ряд важных страниц истории. К примеру, многие политические проекты, возглавляемые военными (А. Деникиным, А. Колчаком, П. Скоропадским, Й. Лайдонером), традиционно оценивают в категориях «консервативных», «националистических» и т.д. В то же время, уместно рассмотреть их именно как консервативный военный проект, направленный на возобновление «привычных» социальных порядков.

Литература

1. Деникин А. И. Очерки русской смуты. – Т. 1. Ч. 1. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. – Париж: J. Povolozky&Co, 1921. – 184 с.
2. Сецинский Е. Город Каменец-Подольск. – К.: Типография С. В. Шульженко, 1896. – 247 с.
3. Coffman E. M. The Long Shadow of The Soldier and the State // The Journal of Military History. – 1991. – №1. – P. 69-82.
4. Huntington S. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. – Cambridge: Belknap Press, 1957. – 534 p.
5. Kenez P. Russian Officer Corps before the Revolution: The Military Mind // Russian Review. – 1972. – №3. – P. 226-236.
6. Taylor B. D. Politics and the Russian Army: Civil-Military Relations, 1689-2000. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 355 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА: СЕГОДНЯ И ТРИСТА ЛЕТ НАЗАД

А. Ю. Сторожук

Институт философии и права СО РАН
stor71@mail.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 16-23-01012

Если обратиться к истории эксперимента, можно отметить изменения как в планировании и постановке экспериментов, так и в оформлении их результатов. Это говорит о смене эпистемологических стандартов в ходе развития техники эксперимента. В число эпистемологических стандартов входят критерии, обеспечивающие достоверность и степень надежности экспериментальных данных. Также важным требованием являются стандарты объективности и воспроизводимости результатов экспериментов.

Рассмотрение истории физики показывает, что при исследовании новой области явлений, сначала пытаются свести новые данные к уже известным теориям и явлениям и только после неудач построить приемлемое объяснение, разрабатывают новые подходы, ведущие к смене эпистемологических стандартов. Исторически первыми физическими экспериментами были эксперименты в механике. Рассмотрим их особенности и сравним с современными физическими экспериментами.

Эти эксперименты отличались наглядностью и легкостью воспроизведения. Механизм наглядности в механике обеспечивал доказательность демонстрации события посредством непосредственной апелляции к

причинности и очевидности. Объективность, понимаемая в узком смысле как интерсубъективность, обеспечивалась через требование воспроизведимости явления. Последняя обеспечивалась подробным описанием конструкции приборов и экспериментальной установки. Для работ данного периода характерны подробные многостраничные технические описания условий проведения эксперимента. Истинность понималась как соответствие между теоретическими предсказаниями и результатами эксперимента, обеспечивалась она возможностью независимой проверки. Наглядность также обеспечивала возможность причинного объяснения явлений, путем апелляции к механизмам действия сил, обеспечивающим происхождение данных явлений.

В философии этот период стал своего рода «золотым стандартом», а многие его черты – образцом научного исследования, который был возведен в догму. Это видно, например, по позитivistскому течению, которое стремилось сделать научный метод универсальным методом научного исследования. Такие методологические требования, как воспроизводимость и непосредственная наблюдаемость стали идеалом научного метода. К сожалению, очень скоро этот идеал стал недостижим.

Особенно большие затруднения произошли в области наблюдаемости. Уже на следующем этапе физических исследований – изучении электромагнитных явлений наглядность и интуитивная понятность отошли на второй план. Агент, передающий электромагнитное взаимодействие, был не видим и по большей части не воспринимаем. Поэтому многие характерные свойства механических экспериментов: их наглядность, очевидность причинных связей были утрачены.

Более того, стал осознаваться такой опасный для философской аргументации фактор, как теоретическая нагруженность. То есть, поскольку электромагнитное поле было не видимым, ученые должны были пользоваться приборами, а приборное наблюдение содержит в себе теоретическую объясняющую цепочку. То есть, прямое непосредственное наблюдение состоит в том, что «стрелка прибора качнулась вправо». А чтобы понять значение происходящего требуется знание теории электрических явлений. Кроме того, были известны разные виды электричества: живое, статическое, атмосферное и т.д. и теория нужна была, чтобы отличать схожие проявления событий, появляющихся совместно. Подробнее, про экспериментальное изучение сложных систем, см. например, [1].

Дальнейшее развитие физики потребовало сложных технических средств, то есть эксперимент стал еще более опосредованным. В ходе исторического развития физического эксперимента наглядность и очевидность постепенно утрачивались. Зато появились новые требования и свойства, характерные для современных экспериментов. При исследовании эффектов, требующих тонкой настройки аппаратуры появились требова-

ния помехоустойчивости и изоляции системы. При изучении атомных и квантовых явлений впервые столкнулись с эффектами нарушения детерминистической причинности, потребовалось применение статистических методов для обработки результатов эксперимента. В квантовой механике был осознан эффект влияния наблюдателя на систему, что потребовало философской рефлексии. Это влияние привносило эффект недетерминированности и разрушало первоначальное состояние.

В дальнейшем, при поиске нейтрино, потребовалось учитывать все дополнительные источники помех, что привело к необходимости применению теорий фоновых явлений [2]. А развитие детекторной техники в области обнаружения гравитационных волн сделало необходимым применять мультидисциплинарные теории: от геологических до космологических, то есть ученым пришлось выйти далеко за рамки физики.

Настоящий этап развития науки предусматривает поиски гипотетической темной материи и проверки различных гипотез. Так для проверки гипотезы о горячей темной материи требуется разработка новых инструментов исследования, поскольку предполагается искать тяжелые типы нейтрино на нейтринных детекторах.

Итак, в ходе своего развития, экспериментальная физика ушла от наглядных и интуитивно понятных механических экспериментов в область неочевидных явлений. Такой переход потребовал новых средств обеспечения объективности и достоверности знания. В качестве этих средств выступают методы статистики и последовательности инструментальных теорий, которые в настоящее время являются не только чисто физическими, но и мультидисциплинарными. Задачей философской рефлексии на современном этапе должно являться понимание роли и функций теоретической нагруженности, а не ее отрицание и попытки прийти к «непосредственно воспринимаемому», которые до сих пор делаются философами позитивистского стиля мышления [3].

Литература

1. Попова С.С. Методологическая специфика биофизического эксперимента // Философия науки. – 2012. - № 2(53). – С. 121-131.
2. Пронских В.С. Эпистемическая роль экспериментального фона в философии эксперимента // Философия науки. – 2015. - № 2(65). – С. 41-57.
3. van Fraassen B.C. The Scientific Image, Oxford University Press 1980.

ПРОВАЛ ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ И ДИФФУЗНЫЙ ЦИНИЗМ

В.О. Тулаев

Философский факультет НИ ТГУ, г. Томск.

tulaevvo@yandex.ru

«Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения». [1, С. 8].

В этой цитате из небольшого эссе одного из самых известных немецких философов Иммануила Канта: «Ответ на вопрос: Что такое просвещение?» заключена основная идея всего проекта Просвещения – необходимость всеми силами преодолеть это ужасное состояние несовершенного человека, чьё сознание полно предрассудков и невежества. Именно интеллект и свободный ум должны привести к новой, более качественной ступени развития человечества.

Для претворения идеи Просвещения в жизнь, необходимы были особые методы, мероприятия, направленные на самые широкие массы. Современный немецкий философ и культуролог Петер Слотердайк характеризует этот метод подобным образом: « Ставить вопрос о силовых средствах в некотором роде уже некорректно — ведь при Просвещении речь идет, в сущности, о свободном согласии. Оно есть то «учение», которое не желает быть обязанным внезапному нажиму при своем воплощении в действительность. Один из его полюсов — это разум; другой полюс — свободный диалог стремящихся к разуму. Суть его метода и в то же время его моральный идеал — это добровольный консенсус. Тем самым подразумевается, что сознание противника расстается со своими прежними позициями только под воздействием весомых просвещающих аргументов, но ни под каким иным нажимом». [2, С. 43].

Таким образом, перед нами предстаёт идиллия, согласно которой любой человек будет успешно просветлён, стоит только затеять с ним свободный диалог и представить рациональную аргументацию против его прежних взглядов. Он же - как разумное создание - в тот же момент откажется от всех тех прошлых убеждений, что он так бережно хранил у себя в голове. На практике же оказалось, что никто не желает встречать с распростёртыми объятиями те новые и чуждые идеи, что Просвещение

пыталось донести. Консерватизм в умах ни на шаг не желал отступать от былых, привычных позиций. Чем древнее был предрассудок, тем больше была уверенность в его правдивости.

В итоге, ни в теории, ни на практике Просвещению не удалось достичь тех целей, что оно само перед собой поставило. Проекту Просвещения не удалось реализовать его главную цель – просветить всех и каждого, чтобы у человечества настала новая эра процветания, обеспечивающая мудрым руководством разума. Но ему удалось запустить процесс рефлексии массового субъекта, остановить который уже не представлялось возможным.

Несмотря на провал попытки всеобщего добровольного приобщения к идеалу разумного человека, Просвещению удалось с помощью принудительного общего образования пошатнуть ложное сознание архаичного человека. Теперь на его место пришло просвещённое ложное сознание. «Цинизм есть *просвещенное ложное сознание*. Это модернизованное несчастное сознание, над которым уже небезуспешно и в то же время напрасно поработало Просвещение. Оно усвоило просветительские наставления, но не осуществило того, к чему они призывали, — и, пожалуй, не могло осуществить. Богатое и убогое одновременно, это сознание уже чувствует себя неуязвимым для любой критики идеологий; его ложность уже способна к отпору и отражению атак».[2, С. 33]. Просвещение разрушило старые, традиционные основания и убеждения, на которых человек строил свою жизнь. При этом были даны новые возвышенные идеалы, воплощение которых в жизнь представлялось крайне затруднительным. Тогда же когда такие старые ценности как - порядки малых социальных групп, религиозная вера, патриотизм и др. - были весьма просты в своём материальном, нерефлексивном исполнении, новые ценности знания, свободы, высокой культуры требовали колоссальных душевных и материальных затрат. В то время когда просвещенная элита могла спокойно всё это себе позволить, средний человек, по преимущественно объективным причинам, никак не мог достичь подобных целей. В итоге Просвещения простому человеку были даны, с одной стороны, высокие идеалы, к которым он, как любой уважающий себя просвещённый человек, должен стремиться, а, с другой - суровая реальность со всеми ее заблуждениями, бытовой рутиной. В этом и заключается, казалось бы, парадоксальное составляющее такого определения цинизма – «просвещенное ложное сознание». Теперь у человека больше нет былых иллюзий, но он вынужден подчиняться им под напором объективным обстоятельств. Зная лучшее, действовать в противовес ему.

О таком приземлённом цинизме можно говорить как о диффузном, повсеместно проникающем. Когда на замену ярко заявляющему о себе цинику приходит циник массовый, знающий реальное положение дел, но

предпочитающий скрывать это знание в целях собственной выгоды и самосохранения.

Литература

1. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / пер. с нем. – Н.О. Лосский – М.: изд-во Дмитрия Карлова, 2012. – 15с.
2. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. – А. Перцев; испр. .изд. — Екатеринбург: У - Фактория ,М: АСТ МОСКВА, 2009 . — 800 с.

ФИЛОСОФИЯ КАРЛА ХАУСХОФЕРА

А.Б. Цыренжапов

Исторический факультет БГУ, г. Улан-Удэ

a.sug@mail.ru

Геополитическая теория Германии в период, после Первой мировой войны, столкнулась с неприятными реалиями союза Суши и Моря. В виде союза Великобритании и России. Германия, которая по геополитическому коду была континентальной страной, вынуждена была воевать с талассократией и телурократией. Чего до этого не делала ни одно государство в мире. Хаусхоферу предстояло решить данную задачу.

Первым отправным пунктом философии Хаусхофера стала идея Больших пространств. Германия рассматривалась Хаусхофером не как региональная держава, которая жила концепцией Срединной Европы(Mitteuropa). А как мировая держава, способная проводить обширные экспансии. Идея Больших пространств заключалась в том, что великие державы проводят широтные или меридиональные расширения. Например, России характерен широтный тип экспансии, меридиональный тип свойственен США и Японии. Однако после завершения меридиональных экспансий, США и Япония начинают широтную экспансию в сторону Евразии.

Второй составляющей теории Хаусхофера являлся подход панрегионализма. Это следствие идеи Больших пространств. Так как широтное деление мира, не является с точки зрения экономики равным. Он предлагает использовать меридиональное деление мира с равным экономическим распределением. Тем самым выдвигает понятие о глобальных экономических регионах.

Третий пункт - первая панрегионалистская модель мира. Хаусхофер разделил мир на три части: Пан-Америка, Евро-Африка, Пан-Азия. Каждый из этих панрегионов был самодостаточным. Тем самым Хаусхофер очертил будущие направления экспансий ведущих держав соответст-

венно: Пан-Америка как направление США, Евро-Африка как направление Германии и Пан-Азия как направление Японии. Перечисленные страны должны были стать центрами данных панрегионалов. (см. карту 1)

Четвертое положение. Поняв, что в разработанной им панрегионалистской модели нет места для России, он пересматривает эту картину, и добавляет регион Пан-Россия. (см. карту 2)

Пятым пунктом его идеи была идея континентального блока. Обосновывая идею создания оси Берлин-Москва-Токио. Теорией доказывалось, что это будет континентальный союз против Великобритании и США. Именно благодаря этому союзу, Германия сможет справиться как с континентальными, так и с океаническими державами. Работу над идеей К. Хаусхофер начал в 1913 г. В феврале 1925 г. К. Хаусхофер опубликовал в «Журнале geopolитики» программную статью «Восточноевразийский блок будущего». В числе потенциальных участников блока, наряду с Германией, Китаем, Японией и Россией, он называл также Австрию, Болгарию, Турцию и, что особенно интересно, государства Латинской Америки. Объединяющим их началом, по его мнению, должно было стать экономическое сотрудничество и противодействие беспощадной эксплуатации со стороны США и других западных держав - оплата рабочих предрассудков и колониализма в мире.

Таковы основные геофилософские положения теории Карла Хаусхофера. Несмотря на всю агрессивность его трудов по отношению к другим странам, он был теоретиком, и не собирался воплощать свои положения в реальность. В его работе всегда пытаются усмотреть нацистский тон. Это не совсем так, Хаусхофер был крайне недоволен проводимой политике Гитлера, и называл его дураком в делах внешней политики.

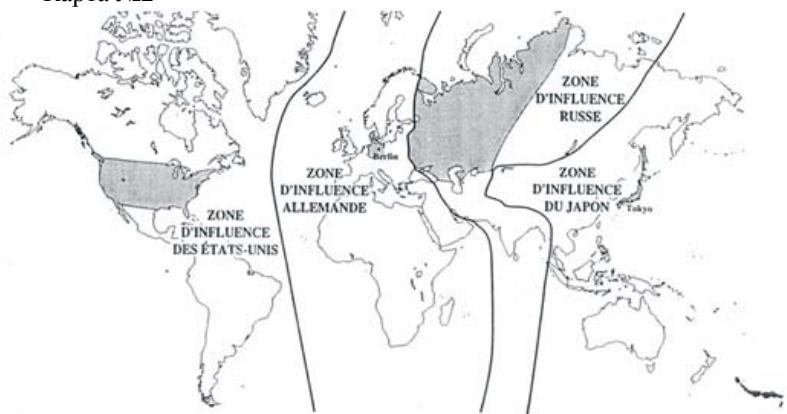
В целом, теория Хаусхофера послужила огромную пользу в деле развития geopolитических теорий и понимания geopolитических реалий того и сегодняшнего времени. Хаусхофер внес значительный вклад в развитие geopolитике как части политической науки. Наукой в настоящем ее понимании. То есть, как науку, изучающую влияние географических факторов на развитие государств. При этом оперируя не только географическими факторами, но и экономическими, демографическими и историческими. Развил термин жизненного пространства(*Lebensraum*), как основную проблему geopolитической науки. Используя точные методы исследования, он вывел закономерность, в колониальных империях, плотность населения была от 7 до 26 человек. Тогда как в Германии и Японии было 133 и 200 человек соответственно. Им считалось естественным возвращение территории или населения, бывших исконно немецкими.

Приложения.

Карта №1

Карта №2

Литература

- 1) К. Хаусхофер. О геополитике : работы разных лет / К. Хаусхофер; пер. с нем. И. Г. Усачева. - М. : Мысль, 2001. - 426 с.
- 2) Колосов В.А. Геополитика и политическая география / В.А. Колесов, Н.С. Мироненко: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 479 с.
- 3) Рукавицын П.М. Немецкая классическая геополитика и её вклад в развитие политической науки / П.М. Рукавицын. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск № 2. – 2013 – 182-192 с.

ГЕГЕЛЕВСКАЯ ТРАКТОВКА ДРАМЫ И ТЕЗИС О «КОНЦЕ ИСКУССТВА»

Д.М. Чихачев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), г. Москва
dmmchch@gmail.com

Одно из самых парадоксальных мест гегелевской философии – тезис о «конце искусства», прочно вошедший в современную эстетику (работы Артура Данто, Аннемари Гетман-Зиферт, «Исток художественного творения» Хайдеггера). Утверждая исчерпанность *формальных* возможностей искусства и основывая этот тезис на особой логике развития этих самых форм (*Kunstformen*), состоящей в логической смене символической, классической и романтической формы [1, С. 81-87], Гегель живёт в одну из самых продуктивных для европейского искусства эпох (противоречивость такой ситуации признаёт российский литературовед Б.О. Костелянец [5, С. 97]). Во времена, когда Гегель строит свою логику выражения духом себя в искусстве, некоторые национальные культуры ещё только подходят к определению своей «формы», а ведь дух, согласно Гегелю, и получает свою определённость и полноту раскрытия через «*конкретное*» – в историческом существовании наций. Значит ли это, что гегелевский тезис был высказан преждевременно, или же развитие национальных форм искусства в действительности не приносит ничего нового? Мы предлагаем ответить на этот вопрос не через искусствоведческую критику и спекулятивную философию искусства, а обратиться к гегелевской логике и философии духа (1 и 3 тома «Энциклопедии философских наук»), и обнаружить, как отдельные положения гегелевского метода обосновывают его же философию искусства, и проделать этот анализ на основе конкретной формы искусства – драматической поэзии (3 том «Лекций по эстетике»). Такой анализ, на наш взгляд, даёт подвижное понимание гегелевского метода, позволяет понять, как он строил свою оценку и своё суждение при разборе *конкретного* материала, а также открывает новые связи внутри гегелевской философии. Мы хотели бы обратить внимание на два структурных элемента драмы – фигуру *драматурга* и *зрителя* (опустив третий важный элемент – *актёра*) и вернуться к изначальной постановке вопроса – противоречит ли тезис о конце искусства бурному развитию национального искусства романтического периода.

Первый элемент отсылает нас к вопросу о характере творчества в драме, т.е. об источнике креативности драматурга, источнике «аналогии» драматического действия и драматизма самой истории. Здесь необходимо

обратиться к «психологии» Гегеля, к понятию «интеллигенции», т.е. его пониманию творческой способности человека в третьем томе «Энциклопедии». Согласно Гегелю, воображение в своей продуктивной функции может воссоздавать образ, «воплоща» его в произведении искусства с искомой «живостью», но в качестве некоего «отчуждённого» наличного бытия, «оживляемого» в опыте через приобщение человеческого созерцания [4, С. 281-307]. Драма, таким образом, строится внутренним «гением» драматурга так, что он сам, не сознавая того, становится «глашатаем» понятия, раскрывает в конкретном содержании драмы некоторое всемирно-историческое содержание. Однако это раскрытие структурируется так, чтобы быть не просто пониманием «в себе», а быть доступным самому обыденному человеческому созерцанию зрителя драмы.

При переходе к фигуре *зрителя* встает проблема понимания им художественной идеи. Необходимо различать классическую и романтическую драму [2, С. 584]. Согласно Гегелю, конечным результатом драматического действия является переживание зрителем «свободы». В античной драме эта «демонстрация» свободы заключается в разрыве между «субъективной максимой воли», т.е. субстанциальной целью, которую выражает драматический герой, и случайным положением дел, которое как-то ограничивает эту субъективную определённость. Когда герой *наперекор* открывающемуся року выражает свой субъективный пафос, происходит утверждение его субстанциальной цели. В романтической же трагедии выявляется противоречие конечного существа и действительности, понимаемой как тождество сущности и существования [3, 312]). Трагизм конечной воли в романтической драме метафорически можно определить в виде «превышения» сущности над существованием, в виде возвышения конечности, которая не может сохранить свою наличное существование в некоем «негативном» этой наличности. Герой, «выражая» свой субъективный пафос, утверждает реальность свободы.

Конец искусства означает осознание ограниченности искусства в качестве *прямого* выражения свободы, а поэтому и возможность выражения конкретного содержания в национальных формах искусства. Это есть некоторая «естественная», органическая жизнь конкретной культуры как осознания, переживания опыта свободы, который тем не менее *сам, полностью* даётся не в искусстве, а религии и философии («Искусство для Гегеля, как и религия и философия, есть продукт духа. Правда искусство по уровню развития (раскрытия духа) представляет сознание человека чувственным образом, в то время как это сознание понимается в религии через «представление», в философии через «понятие»» [6, 133]). Искусство может исполнить свою цель лишь

негативно, показав, как сталкивается свобода и действительность. В силу историчности этой действительности каждая национальная культура по-своему выражает опыт переживания этого «столкновения», однако со структурной точки зрения гегелевской философии искусства, форма «выражения духа» в романтическую эпоху, как мы предполагаем, остаётся одинаковой.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Том 1 / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Искусство, 1968. – 312 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. Том 3 / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Искусство, 1971. – 623 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том 1 / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1974. – 452 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том 3 / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1977. – 471 с.
5. Костелянец Б.О. Драма и действие / Б.О. Костелянец. – Москва: Совпадение, 2007. – 503 с.
6. Kwon, Jeong-Im. Hegels Bestimmung der Kunst / Kwon Jeong-Im. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2001. – 355 с.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВО»

Н.С. Шевцов

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
nikitashev@mail.ru

Говоря о предмете своих наук, социологи и социальные философы столь активно употребляют понятие «общество», что зачастую оно видится абсолютно понятным. Между тем, за кажущейся ясностью понятия скрываются в лучшем случае размытые представления, в худшем же – заведомый самообман ложного ограничения предмета. В статье «Понятие общества» социолог Никлас Луман постулировал, что «когда пытаются определить понятие общества, то сталкиваются с трудностями: на передний план выходит слово, однако напрасно ищут понятие, которое обозначало бы подразумеваемый предмет с точностью, достаточной для теоретических целей» [2].

Если мы подходим к определению общества в рамках языковой игры, с позиций феноменологии или с постмодернистским выбором дискурса, то претензия Лумана к недостаточной точности не выглядит фатальной. Однако для академической науки строгость определений необходима. Следует аккуратно, избегая логических ошибок, выбрать ближайший род и видовое отличие. К сожалению, здесь возникают сложности.

Социологи и социальные философы не имеют удобного общего пула понятий и аксиом в своей сфере, от которых можно отталкиваться для построения определений. Свои теории они зачастую строят на основании выделения некоторых явлений в особые сущности, допустим, в «социальные факты» (термин Эмиля Дюркгейма), и обнаруживают для них некоторые закономерности и правила, действуя при этом без согласования своих представлений с теориями коллег. «Перевод» чужой теории на язык собственной – или же просто воспринятой и продолжаемой – может быть интересен и даже продуктивен, но не приближает создания единого набора понятий и аксиом социальной науки.

Предпринятые уже попытки определения общества через ближайший род и видовое отличие в той или иной степени уязвимы для внимательного критика. Так, достаточно значительная часть статьи Асалхана Бороноева и Петра Смирнова «О понятиях «общество» и «социальное» посвящена указанию на ошибки и слабые места различных определений общества в отечественной и зарубежной социальной науке. Например, они рассматривают предложение Нейла Смелзера принять – с некоторыми оговорками – определение Р. Марша: общество является социальным объединением с постоянной территорией, пополнением главным образом благодаря деторождению, развитой культурой и политической нестабильностью. Смелзер отмечает, что определение социального объединения как общества по выделенным признакам может вызывать дискуссии – как оценить развитость культуры мульти-культурного общества? независимость в современном мире? – но считает это показателем гибкости определения: «различные критерии в самом деле помогают нам хотя бы приблизительно определить сущность понятия «общество» [3, стр. 86]. Также Смелзер пишет, что данное определение общества сходно с определением национального государства, и предлагает дополнительно отличить последнее критерием наличия формального правительственного аппарата. Бороноев и Смирнов, в свою очередь, указывают на то, что Смелзер «... не указывает ближайший род к понятию «общество» [1, стр. 4]. Также они отмечают допущение им «скрытой тавтологии» в определении общества как социального объединения. Сами же Бороноев и Смирнов предлагают принять, что «общество есть объединение людей, основанное на деятельностном взаимодействии; общество есть система субъектного типа, основанная на деятельностном взаимодействии людей» [1, стр. 10]. Однако их рассуждение вступает в конфликт с концепцией сообщества, которому эти авторы отказывают в активном деятельностном взаимодействии, останавливаясь на примате «рече-коммуникационного». Их аргументация требует критического разбора, после которого можно будет принять доработанное определение общества или же сформулировать новое.

Литература

1. Боронеев А.О., Смирнов П.И.. О понятиях «общество» и «социальное». - Социологические исследования. 2003. №8, с.3-11.
2. Луман Н. Понятие общества. Проблемы теоретической социологии. — СПб., 1994. — С. 25-42. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 22.10.2016.
URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2969>
3. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.

ФИЛОСОФИЯ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ» И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДАННОЙ СФЕРЕ

Ю.Л.Юринец, И.В.Пивовар

Национальный авиационный университет, г. Киев

Национальный университет внутренних дел, г. Киев

belkinajulia@list.ru

Сложность и многогранность понятия «культурные ценности», которое может рассматриваться с философской, культурологической, юридической и других точек зрения, затрудняют оперирование данной категорией в практической деятельности, что не способствует разработке оптимальных решений по механизмам ее регулирования.

Взгляды авторов, которые пытались дать определение понятия «культурные ценности», можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся те, которые определяют «культурные ценности» как совокупность созданных человеком материальной и духовной ее составляющих (аксиологический подход). Нормативно такой подход зафиксирован в Законе Республики Беларусь [1]. Согласно ст.ст. 12-14 данного закона, историко-культурные ценности делятся на следующие виды: материальные историко-культурные ценности, нематериальные историко-культурные ценности. В свою очередь, материальные историко-культурные ценности делятся на: недвижимые и движимые.

Отметим, что в англоязычной литературе для определения «культурных ценностей» используется два понятия «cultural values» и «cultural property». В первом случае ключевым является значение «values» – отношение, убеждения, характер, код, поведение, совесть, этика, идеалы, честность, мораль, нравы, щепетильность, чувство долга, чувство чести, стандарты[2], то есть упор делается на морально-духовных характеристиках культурного общества. Так, в работе [3] указано, что в любом обществе, ценности представляют стандарты, по которым будет оцениваться поведение, не обязательно реальное поведение. Зато во втором случае ключевым

является значение «property» – собственность, то есть материальная ценность, которая подлежит перемещению и охране от незаконных действий, например, это упоминается в названиях Конвенций [4, 5], где речь идет о «Import, ExportandTransferCulturalProperty» [4] или о «Offencesrelatingto-CulturalProperty» [5].

Ко второй группе исследователей относятся те, которые при определении термина «культурные ценности» перечисляют отдельные виды культурных ценностей (описательный подход). По такому принципу строится большинство нормативных определений «культурных ценностей». Недостатком такого подхода является то, что перечень всегда не учитывает какого типа ценностей, а предостережение вроде «и другие» создает значительный элемент правовой неопределенности, которая может нарушать права заинтересованных лиц в конкретных правоотношениях.

Третью группу исследователей представляют те, которые подчеркивают конкретно-исторический характер культурных ценностей, являющихся звеном, объединяющим разные поколения (исторический подход). В нормативном смысле исторический подход может иметь вспомогательный характер, определяя тот или иной режим культурных ценностей в зависимости от времени их изготовления.

Четвертая группа исследователей считает, что культурные ценности – это такие ценности, которые подлежат охране. Ограниченностю такого подхода заключается в том, что он может отказать в охране важные культурные достояния, которые юридически еще не оформлены. Так, в п. 3 Лозаннской хартии ICOMOS отмечено, что если законодательство распространяется только на памятники, официально охраняемые, то должны приниматься меры для временной охраны вновь выявленного наследия.

Пятая группа исследователей при рассмотрении категории «культурные ценности» применяет сочетание (комбинацию) отдельных вышеуказанных подходов, например, историко-описательный подход).

Соответственно этим подходам по объему правового регулирования можно выделить следующие варианты:

- комплексное регулирование всех видов культурных ценностей: материальных (движимых и недвижимых), а также нематериальных. Этот вариант в полной мере реализован в упомянутом выше Законе Республики Беларусь [1];

- комплексное регулирование материальных (движимых и недвижимых) культурных ценностей (Гаагская Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, от 14.05.1954 г.);

- отдельное регулирование недвижимых ценностей, в том числе природных, в частности, ландшафтов [6]; движимых культурных ценностей [4, 5]; нематериальных культурных ценностей [7]. В таком случае недвижимые и нематериальные культурные ценности определяются как

наследие (Heritage), а «культурные ценности», в соответствии с принятыми перечнями, рассматриваются исключительно как движимые (кроме соединенных с неподвижным объектом культурного наследия). При этом прямое определение «движимые культурные ценности» применяется в Рекомендации [8] (Movable Cultural Property). Такой упор именно на «подвижности» объясняется практическими соображениями, а именно тем, что особенности защиты таких ценностей связаны, прежде всего, по предотвращению их незаконного перемещения, в том числе связанного с кражами.

Литература

1. Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 09.01.2006 г. № 98-З.
2. Academic Dictionaries and Encyclopedias. – Электронный доступ : http://new_thesaurus.enacademic.com/13625/values
3. Ferraro, Gary P.The cultural dimension of international business 1 Gary P. Ferraro.4th ed.p. cm.Includes bibliographical references and index. – ISBN 0-13-090327-2. – Электронный доступ :http://www.petronet.ir/documents/10180/2323250/the_cultural_dimensi_on_of_international_business
4. Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property (Paris, 14.11.1970).
5. European Convention on Offences relating to Cultural Property (ETS No.119)(Delphi, 23.06.1985).
6. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16.11.1972 г.).
7. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (Париж, 29.09-17.10.2003 г.).
8. Рекомендация об охране движимых культурных ценностей: ЮНЕСКО, Париж, 28.11.1978 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ХАРАКТЕР НАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НОВОСИБИРСКА

В.А Арсентьева, Н.В Киселева

Новосибирский Государственный Университет
Экономики и Управления (НИХУ), г. Новосибирск
arsenteva.vika.96@mail.ru, rooonad@mail.ru

В Российской действительности актуализируется проблема этнической толерантности, в связи с последними политическими событиями и увеличивающейся трудовой миграцией. Конфликты с США, Украиной и ЕС пытаются пробудить в менталитете россиян ненависть к другим национальностям. Это легко проследить в социальных сетях, где пререкания между представителями Украины и России не утихают, по сей день. И конечно в большей степени участие в такого рода конфликтах вовлечена молодежь. Поэтому на сегодняшний день достаточно актуально проведенное в октябре 2016 года исследование, целью которого стало изучение уровня национальной толерантности в среде студенческой молодежи. Объектом исследования были выбраны студенты экономического (НГУЭУ) и архитектурно-строительного (НГАСУ) университетов Новосибирска численностью 136 девушек и 55 юношей, со средним достатком (67,5% респондентов материальных затруднений не испытывают, но им приходится копить на дорогостоящие покупки), 90% из которых русские по национальности. Национальность респондентов важна, прежде всего, для того, чтобы оценить степень терпимости русских по отношению к другим нациям. По результатам социологического исследования были получены следующие данные. О теме национализма осведомлены 189 студентов из 191 опрошенных, что позволяет говорить о репрезентативности полученных данных. В ходе исследования выяснилось, что для большинства студентов многонациональность России является возможностью познакомиться с носителями иных культур (45.5%), а так же возможность «прикоснуться» кнациональному многообразию (52.4%) и что не маловажно 24% опрошенных считают ее поводом для гордости. 36.6% респондентов в многонациональности нашей страны видят источник для конфликтов, 18,3% студентов мигрантов считают ненужными конкурентами, а 12% респондентов расценивают многонациональность как дискриминацию русского народа. Результаты по данному вопросу показывают, что ситуация многонациональности России во многом положительно оценивается студенческой молодежью, в тоже время значительная часть опрошенных видит в этом риски. При этом на вопрос о том, как студенты относятся к идее «Россия для

русских» было получено следующее распределение ответов: эту идею одобряют – более половины студентов (53.9%), одна треть (27.2%) негативно относятся к данной концепции. В целом это говорит об обеспокоенности студенческой молодежи проблемой национализма и необходимостью изучения данного вопроса. На вопрос о возможности брака с представителями другой национальности четверть новосибирских студентов (24,6%) ответили отрицательно и более трети (34,6%) затруднились ответить. Также напряженно студенты и отнеслись к вопросу: «С представителями, каких национальностей Вы бы хотели жить по соседству?» Новосибирским студентам важен национальный состав их соседей, поскольку вопрос носил открытый характер, то были получены самые различные ответы («шведы», «англичане», «русские», «шорцы», «японцы» и так далее). Данный вопрос показал наличие дискриминации по национальному признаку для ряда национальностей в студенческой среде. Выбирая определенные национальности, они показали, что не хотят жить рядом с представителями других наций. Только 18 студентов ответили, что не имеют предпочтений в национальном составе своих соседей. С одной стороны студентам достаточно интересно общаться и знакомиться с новыми культурами и их представителями, с другой стороны они не готовы к соседству с представителями других национальностей. Проблему национализма в России оценивают как рискованную 44% респондентов, но при этом не считают ее критичной. Однако 35% опрошенных оценили риск межнациональных конфликтов в России как высокий. На вопрос о необходимости бороться с проблемой национализма 52% респондентов ответили положительно. Наиболее действенными способами борьбы с национализмом в России студенты считают: организацию образовательно-воспитательных мероприятий на тему национальной терпимости в школах и ВУЗах России (48,3%); проведение общенациональных праздников в каждом городе России (42%), поддержка со стороны властей малочисленных народов России с привлечением молодежного волонтерства (40%). При ответе на этот вопрос, студентами также были предложены собственные варианты регулирования межнациональных отношений: «лучше контролировать поведение представителей других национальностей». Некоторые респонденты предлагают ввести визовый режим. Часть студентов вообще сомневаются в возможности борьбы с национальной рознью в России. В целом, вопрос национализма актуален на сегодняшний день среди новосибирских студентов. Многих из опрошенных волнует данная проблема, они обеспокоены будущим состоянием страны и поддерживают идею о необходимости борьбы с национализмом. Поэтому необходимо разрабатывать политику снижения риска национальной нетерпимости в студенческой среде в современных российских условиях, в том числе привлекая вузовское сообщество.

Литература

1. Днепрова Т.П. Педагогический анализ понятий «национальная толерантность», «этническая толерантность» и «межнациональная толерантность» //Педагогическое образование в России. 2010. № 2. С. 88–98.
2. Лекторский В.А. О толерантности // Философские науки. 1997. № 3-4. С. 15–19.
3. Форрат Н.В. Толерантность современной молодежи: исследование томских студентов // Вестник Евразии. 2002. № 3. С. 28–51.

СОЦИОБИОЛОГИЯ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА

Л. М. Белкин

Адвокатское бюро Марка Белкина «Эталон», г. Киев
belkinleonid@ukr.net

Социобиология – междисциплинарное научное направление, изучающее биологические основы социального поведения и социальной организации у животных и человека на базе теоретических представлений и методов популяционной биологии (экологии и генетики популяций) и синтетической теории эволюции (современного дарвинизма). Несмотря на то, что, как указывает, например, С.А. Никольский, многие положения и выводы социобиологии остаются полемичными [1], Р. Мэттьюз отнес эту теорию к одной из 25 великих идей, изменивших наш мир. В качестве исходных предпосылок использования выводов социобиологии в теории публичного управления исходим из того, что: а) «общество не было создано человеком; оно предшествовало человеку» [2]; б) «современное положение человека в культурной и соционормативной среде – результат не столько вытеснения или подавления биологических начал социальными, но результат удачно сложившихся взаимосвязей этих начал, образовавших хотя и противоречивое, но устойчивое единство» [3]; в) у вида (включая человека) не может быть «трансцендентальных» целей, возникших вне его собственной биологической природы; человека нельзя считать биологической машиной, но в нем есть биологические механизмы, не допускающие целей и социальных действий, противных его биологической природе[4]. В связи с последним И.А. Шмерлина [5] обращает внимание на феномен утопии – нежизнеспособности искусственно выведенных социальных форм: рационально сконструированные утопические проекты социального жизнеустройства, не органичные человеческой природе, «не пропускается» ею в жизнь. По этому же поводу В.Р. Дольник [6] указывал, что социалистические утопии мыслители конструировали с глубокой древности неодно-

кратно, однако попытки их реализовать в какой угодно форме – от религиозного братства до индустриального государства – терпели неудачу, преваливаясь в овраги врожденных программ поведения. М.Л. Бутовская [7] в своей докторской диссертации устанавливает универсальные принципы организации социальных систем у приматов и людей; кандидат философских наук К.А. Маца [8] в своей кандидатской диссертации подчеркивал, что в соотношении социального и природного более существенным является не столько их различие, сколько их диалектическое единство, которое предметно проявляется в их структурном, функциональном, историко-генетическом единстве, а также в диалектическом единстве их законов организации и развития. Таким образом, прикладное значение социобиологии в теории публичного управления заключается в том, что публичное управление является частью социального управления, однако социальность не возникла у человека внезапно, а развивалась у его биологических предшественников на протяжении длительного исторического периода, получая в наследство сложившиеся закономерности.

Среди ведущих типов взаимодействия особей (лиц) в биосоциальных системах этологи выделяют вертикальную консолидацию (ВК) и горизонтальную консолидацию (ГК) [6]. Вертикальная структура группы, в ее чистом (т.е. без значимой примеси ГК) виде, предполагает полное и безоговорочное подчинение нижних ярусов иерархии высшим. Подчинение означает не только полную свободу верхов в манипулировании низами, но и полное отсутствие возможностей обратного влияния, когда это не утраивает верхи. Индивид, который находится на самом верху иерархии, имеет возможность требовать от нижестоящих любую напряженную, рискованную и извращенную деятельность на благо его персоны.

Анализ свойств ВК-групп позволяет считать, что вертикальная (иерархическая) консолидация является прообразом и моделью неограниченной власти – вплоть до авторитаризма и тоталитаризма. Определенной альтернативой ВК-отношениям служат горизонтальные отношения (ГК). Эти отношения складываются непосредственно между особями примерно одинакового уровня в иерархии, вне отношений доминирования-подчинения. ГК-структуры, которые создаются особями на горизонтальном уровне, путем коммуникации между ними, без участия или с минимальным участием доминанта, являются прообразом и моделью демократической организации и гражданского общества. По мнению Л.Л. Савинкова [7], гражданское общество – это способ рационализации бытия человека, в котором воплощается дорациональное стремление человека к субстанциональности своего бытия в социально-организованном виде. Оно выглядит как некое коммуникативное поле, сплачивающее различные группы и движения граждан, способных презентировать свои интересы в сфере политики, видоизменяя правовые устои и влияя на при-

нятие решений.

Итак, абсолютизация иерархических структур – это модель авторитарного руководства и закрытой системы публичного управления. Усиление горизонтальных отношений – это реализация открытых моделей публичного управления.

Литература

1. Никольский С.А. Социобиология – биосоциология человека? // Буржуазная философская антропология XX века. М.: Наука, 1986. С. 176-187.
2. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Редакция журнала «Самообразование», 2007.
3. Нерсесянц В.С. (ред.) Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов. М. : Изд. НОРМА, 2004.
4. Уилсон Э.О. Социобиология: новый синтез/ Пер. А. Протопопов, М. Потапов, А. Вязовский, С. Разумная Электронный доступ: <http://ethology.ru/library/?id=126>.
5. Шмерлина И.А. Идея целостности в социологии и биологии // Социологический журнал. – 2004. – № 1/2. – С. 5-33.
6. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосфера / Изд. 4-е, доп. СПб.: ЧеRo-на-Неве, Петроглиф, 2004.
7. Бутовская М.Л. Универсальные принципы организации социальных систем у приматов, включая человека: дис... д-ра исторических наук: спец. 03.00.14. М., 1994.
8. Маца К.А. Единство социального и природного: дис... канд. философских наук: спец. 09.00.01. М., 1984.
9. Савинков Л.Л. Гражданское общество как способ рационализации бытия человека: опыт онтологического анализа: дис... канд. философ. наук: спец. 09.00.01. Магнитогорск, 2007.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ КИТАЯ В НАЧАЛЕ ХХI ВЕКА

А. А. Бернютевич

Москва, НИУ «Высшая школа экономики»

aabernyukovich@gmail.com

Сегодня Китайская Народная Республика является одной из наиболее быстро развивающихся стран мира, где ежегодно отмечается рост экономических показателей и улучшение уровня жизни населения. Имея обширную промышленную базу и большие демографические ресурсы, Правительство КНР сделало акцент на стимулировании роста энергетического

сектора экономики. Пионерами этого направления стали три провинции – Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь, где сосредоточена третья часть промышленной индустрии Северо-Восточной Азии. Здесь перерабатывают нефть, черные и цветные металлы, производят автомобили, тяжелую, военную и строительную технику, телекоммуникационное и фармацевтическое оборудование. Основным видом топлива служит бурый и черный уголь.

Однако северо-восточный Китай стал не только двигателем стремительного роста благосостояния общества, со временем он также приобрел звание главного источника загрязнения в своем регионе. Показательными примерами негативного влияния человеческого фактора на окружающую среду стали такие явления, как увеличение объемов выбросов углекислого газа в атмосферу, периодическое выпадение кислотных дождей, расширение площади распространения песчаных бурь и площади разлива рек при наводнении.

Таким образом, целый комплекс экологических проблем северо-восточного Китая может быть классифицирован по четырем направлениям: атмосферные, водные, биологические и земельные (почвенно-геоморфологические и ландшафтные). Первая группа в первую очередь представлена тревожными показателями уровня загрязненности воздуха [1]. Это связано с тем, что около 80% топлива промышленность все еще получает путем сжигания угля. Продолжительное использование данного способа провоцирует массивные выбросы парниковых газов в атмосферу. Рекордсменами по насыщенности воздуха вредными веществами считаются такие города, как Харбин, Телин, Инкоу, Лоян и Фушунь [2].

Что касается водных экологических проблем, еще в начале 2000-х годов выбросы загрязненных вод в северо-восточном Китае составили 10% от общего объема загрязненных вод на территории государства. Анализ качества воды, потребляемой жителями провинций Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь, идентифицировал, что не более 30,5% этого ресурса пригодно для питья. Современные китайцы не используют водопроводную воду для приема внутрь, поскольку она отличается повышенным содержанием хлора, различного рода солей,звеси железа, соединения фтора, нитраты и т.д. [3].

Среди почвенно-геоморфологических и ландшафтных проблем наибольшую обеспокоенность вызывает нехватка природных ресурсов. Обеспеченность полезными ископаемыми на душу населения в Китае значительно ниже, чем показатели других передовых стран. Не превышает 40% и данный показатель по пахотным землям [4]. За последние десять лет треть шахт в северо-восточных провинциях была закрыта, поскольку их экономическая эффективность находится под вопросом. В то же время, масштабная разработка угольных месторождений не прекращается до сих пор: несмотря на все негативные прогнозы, правительство КНР отдает

предпочтение «традиционному способу» получения энергии по причине его невысокой себестоимости [5].

Совокупность перечисленных ниже факторов наносит колоссальный ущерб растительному и животному миру. Так, Китай отличается относительно небольшой площадью лесного покрова, которая не превышает 14% от общей территории. При этом существует нехватка ценных пород древесины и леса, пригодного для обработки и промышленной эксплуатации [6]. Наблюдается постепенное уменьшение плотности лесозащитных полос на севере, которые в КНР принято называть «Великой зеленой стеной». Данный процесс увеличивает вероятность стихийных бедствий и их разрушительное влияние на населенные пункты в регионе [7].

Неверным было бы утверждать, что руководства страны не принимает во внимание масштабы разрушения окружающей среды на территории северо-восточного региона. Специально созданные министерства и подразделения реализуют широкий спектр мероприятий по четырем обозначенным аспектам, направленный на преодоление экологического кризиса. Важным пунктом в данной работе стало совершенствование нормативно-правовой базы и вовлечение Китая в сотрудничество с соседними странами и международными организациями. Для КНР это непростой и долгий путь, для прохождения которого, вероятно, понадобится кардинально изменить некоторые механизмы действия национальной экономики.

Литература

1. Chen Shiyi. Environmental pollution emissions, regional productivity growth and ecological economic development in China // China Economic Review. - 2015. - №35. - P. 171-182.
2. Air Pollution in China // Real-time Air Quality Index (AQI) URL: <http://aqicn.org/map/china/> (дата обращения: 13. 03. 2016)
3. Забровская. Л.В. Проблемы охраны окружающей среды Северо-Восточного Китая // Общество и государство в Китае. – 2012. – №42-2. – С. 209-215.
4. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеев. – М.: Издательство Р. Элинина, 2005. – 648 с.
5. Humphries M. China's Mineral Industry and U.S. Access to Strategic and Critical Minerals: Issues for Congress // Congressional Research Service. – 2015. P. 2-22.
6. Дэн Вэй, Чжан Пинцзы, Чжан Бай. Дунбэй цюйюй фачжань баогао (Доклад о развитии Северо-Восточного района Китая). – Пекин: Кэсюэ Чубаньшэ, 2004. – 432 с.

7. Tang Lina, Li Aixian, Shao Guofan. Landscape-level Forest Ecosystem Conservation on Changbai Mountain, China and North Korea (DPRK) // Mountain Research and Development. – 2011. – №2. – P. 169-175.

МНЕНИЕ СТУДЕНТОВ НГУЭУ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А.О. Васюкова, Ю.Ю. Степанова, Д.Д. Филон

Новосибирский государственный университет

экономики и управления, г. Новосибирск

u.u.stepanova@mail.ru

Великая Отечественная война, пожалуй, одно из самых значимых событий в истории нашей Родины. Она оставила глубокий след в памяти большинства граждан нашей страны. Ведь это память о наших предках, которые защитили страну, об их героическом подвиге не только на фронте, но и в тылу. В настоящее время, когда с каждым годом все меньше остается свидетелей тех событий, актуальным становится изучение исторической памяти о тех трагических днях, анализ восприятия этой войны современным поколением россиян. В этой связи в 2016 году студентами-социологами НГУЭУ был проведен опрос, направленный на выявление уровня знаний студенческой молодежи о Великой Отечественной войне. Исследование проводилось с помощью интернет-рассылки, выборка составила 100 человек.

Для начала у респондентов спросили о том, интересует ли их тема Великой Отечественной войны. Исходя из ответов, можно сделать вывод, что больше половины опрошенных (56%) считают тему Великой Отечественной войны актуальной в наше время, всего 6% опрошенных не интересуется событиями войны.

При сопоставлении ответов на вопросы анкеты была выявлена зависимость между переменными «воевал ли кто-то из семьи респондента в Великой Отечественной войне» и «интересом к данному событию». Выяснилось, что у студентов, в семье которых есть участники Великой Отечественной войны (а таких 77,3%), уровень интереса к ВОВ более высокий, чем у тех респондентов, в семье которых не было ветеранов войны. Как мы видим, история семьи имеет высокое значение. Можно сделать вывод, что история семьи имеет большое влияние на сохранение исторической памяти о важных событиях.

Далее стоит отметить источники знаний, из которых респонденты получают информацию о войне. Главными источниками являются: уроки истории в учебных заведениях (86,7%), семья (68%), кинофильмы (60%),

художественные произведения (57,3%) и др. Среди фильмов, знакомых молодежи, лидируют «А зори здесь тихие» (41,3%), «В бой идут одни старики» (29,3%), «Сталинград»(18,7%) и «Битва за Севастополь» (13,3%). Стоит отметить, что всего 16% опрошенных не знают фильмов о Великой Отечественной войне.

Среди всего многообразия художественных произведений студентами были отмечены «А зори здесь тихие» (50,6%) и «Судьба человека» (37,3%). 14% опрошенных не смогли вспомнить произведений о войне. Гораздо лучше студенты знают песни о войне, среди которых они отметили «Катюшу»(56%), «День победы» (44%), «Прощание славянки»(15,3%) и другие. Все опрошенные смогли вспомнить хотя бы одну песню, посвященную Великой Отечественной войне.

Далее перед нами стояла задача узнать у студентов, что для них значит «Великая Отечественная война» как историческое событие (предполагался выбор одного или нескольких значений). Большинство из них сказали, что это «ужасное событие XX века» (74,7%). Также были отмечены такие варианты: «урок будущим поколениям» (62,7%), «часть истории каждой семьи» (58,7), «испытание для русского народа» (56%) и т.д. Стоит отметить, что среди полученных ответов не было фраз, имеющих положительный смысл. Все студенты осознают трагический характер этого события.

Далее мы спросили у респондентов о том, какие факторы победы они могут назвать. Как показывают данные, большинство респондентов отмечают героизм советских граждан (94,7%). Это говорит о том, как высоко люди оценивают подвиг наших соотечественников. Интересно, что среди опрошенных лишь треть отмечают, что наша страна могла победить в подобной войне сейчас (34,7%), а 29,7% отрицают такую возможность (остальные 36% затруднились дать ответ на этот вопрос). Опрошенные отметили, что сейчас нет такой сплоченности народа, какая наблюдалась в военное время.

Таким образом, исследование показало, что тема Великой Отечественной войны не перестает волновать современную студенческую молодежь. Студенты интересуются событиями прошлого, которые остались глубокий след в истории нашей Родины и в сердцах граждан. Пока люди помнят о своем прошлом, у страны есть будущее.

Литература

1. Немирова Н. В. Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт качественного социологического исследования // Ученые выписки ЗГУ. 2015. № 4. С.157–165.
2. Чернова О. В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне // Политическое просвещение. 2011. № 1. С.15–20.

РЕЛИГИОЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СЛУЖЕБНО-БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

М. В. Гавриленко

Новосибирский военный институт внутренних войск МВД России
им. генерала армии И.К. Яковлева, г. Новосибирск
maria791@ngs.ru

Влияние религии на военную организацию общества вполне закономерно. Религия затрагивает главным образом сферу духовной жизни воинских коллективов, в которых на этапе реформирования возникла острая необходимость обретения новых источников формирования у военнослужащих нравственных мотивов военной службы. Религия воздействует, прежде всего, на духовный мир верующих военнослужащих, их нравственные ориентации и жизненные установки, способствуя повышению их стрессоустойчивости. Таким образом, в ряде случаев религия выполняет компенсаторную функцию, успокаивая и умиротворяя человека, в чем проявляется психотерапевтический эффект религиозного воздействия. Религия зачастую выступает в качестве одного из основных факторов формирования патриотизма, в том числе и в системе высшего военно-профессионального образования. В качестве примера здесь можно привести опыт взаимодействия воинских коллективов с различными религиозными объединениями. Этот опыт показывает, что авторитет последних может быть использован для повышения эффективности патриотического, воинского и нравственного воспитания военнослужащих и членов их семей, предупреждения антисоциальных проявлений в воинских коллективах, профилактики суицида и, так называемых, «неуставных взаимоотношений», противодействия негативному воздействию «масскультуры». Для некоторых военных руководителей весьма привлекательной кажется идея апелляции к религиозным идеям в качестве средства выхода из духовного вакуума, образовавшегося в постсоветскую эпоху. Однако нельзя представлять религию в качестве «палочки-выручалочки», при помощи которой можно разрешить все без исключения армейские проблемы.

Результаты анкетирования курсантов на предмет их конфессиональной принадлежности от 20.04.16:

Православные - 86,2 %

Мусульмане – 9,3 %

Буддисты – 2,2 %

Атеисты – 1,7 %

Язычники (уроженцы республики Алтай) – 0,4 %

Католики – 0,2 %

Уровень религиоведческой подготовки офицерского состава во многом предопределяет эффективность как минимум двух составляющих морально-психологического обеспечения войск (информационной работы и защиты войск от информационно-психологического воздействия противника). При анализе морально-психологического состояния войск противника нельзя не принять во внимание отношение личного состава к религии, его конфессиональные предпочтения, наличие или отсутствие межконфессиональных противоречий [1, С. 36]. Служебно-боевая деятельность выпускников НВИ ВВ МВД нередко связана с работой в органах внутренних дел и полиции. Работая с представителями различных национальностей, в ходе допросов и следственных мероприятий сотрудник органов внутренних дел сталкивается с представителями различных национальностей и должен учитывать их национально-психологические особенности. Так, например, цыган в целом отличает абсолютное равнодушие к вопросам веры, хотя им не чужды суеверия. Цыгане очень боятся прикоснуться к мертвому телу. Мало кто из них согласиться отвезти покойника на кладбище. Неохотно участвуют они в процедурах опознания тела жертвы. В дагестанцах, чеченцах, адыгах и других народов Кавказа, как правило, высоко развито чувство национальной гордости. Весьма нежелательно и даже недопустимо задевать это чувство. К оперативно-следственной работе среди мусульманского населения привлекаются, в первую очередь, сотрудники полиции мужского пола. Любой сотрудник органов внутренних дел – это представитель власти, а у власти, согласно мусульманскому вероучению, могут находиться только мужчины. С женщиной мусульмане либо не захотят разговаривать, либо несерьезно отнесутся к такому допросу, очной ставке, следственному эксперименту и т.п. К допросу женщин-мусульманок, напротив, следует привлекать только женщин. Во-первых, с посторонним мужчиной мусульманка никогда не будет откровенна, а во-вторых, мужчины – члены семьи этой женщины – могут не позволить сотруднику полиции общаться с их женщиной. Этую особенность следует учитывать при проведении такого следственного действия как представление личности для опознания. Желательно к этому следственному действию привлекать сотрудников органов внутренних дел и понятых – женщин (если опознаваемое лицо – мусульманка). Эта рекомендация связана с тем, что в последнее время в некоторых регионах России (Чечня, Дагестан) наметилась тенденция возвращения к традиционному мусульманскому женскому одеянию, в том числе парандже, закрывающей лицо. Необходимо помнить, что ислам категорически запрещает вскрытие трупов. При отправке умершего (убитого) мусульманина в морг сотрудники полиции должны быть готовы к сопротивлению со стороны его родственников. При раскрытии убийств и расследовании преступлений, связанных с причине-

нием телесных повреждений, следует принять все меры для обеспечения безопасности обвиняемого, чтобы избежать «кровной мести» со стороны родственников потерпевшего [2, С.162].

Проблема, таким образом, заключается в том, что в современных условиях военный руководитель обязан обладать определенной суммой религиоведческих знаний. Нужно подчеркнуть тот факт что, чем выше должность, занимаемая офицером, тем больше политических, правовых и социокультурных аспектов присутствует в его деятельности и, следовательно, тем более глубокие знания о религии как социальном явлении и о конкретных конфессиях от него требуются [1, С. 35]. Религиоведческая подготовка офицера выступает в качестве неотъемлемой составляющей его профессиональной подготовки.

Литература

1. Балабушевич В.Ю., Гурский А.И. Религиоведческая подготовка офицера: проблемы и перспективы//Направления и перспективы развития образования в военных институтах внутренних войск МВД России: в 2-х ч. / под ред. С.А. Куценко: сб. науч. ст. междунар. науч-практич конф. – Новосибирск: НВИ ВВ МВД им. генерала армии Яковлева МВД России, 2014. – С.34 –36.

2. Копылова Г.К., Прозоров А.В. Психология в деятельности органов внутренних дел: курс лекций. – М.: ЦОКР МВД России, 2006. – 236 с.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Н.А. Голубцова, А. А. Парфенова

Новосибирский государственный университет

экономики и управления, г. Новосибирск

n.gol96@yandex.ru

anyaprfnva@gmail.com

Принято читать, что студенты являются наиболее активной социальной группой, ориентированной на самостоятельность, развитие, изменение общества в целом. Однако при отсутствии активности в студенческой молодежной среде возникает проблема неопределенности будущего, снижения потенциала будущего развития. В связи с этим возникает потребность в изучении социально-политической активности студентов и их вовлеченности в жизнь г. Новосибирска, это необходимо для определения перспектив его дальнейшего развития.

В центре нашего изучения социально-политическая активность молодежи – сознательная целенаправленная деятельность по преобразованию условий жизнедеятельности молодых людей через участие в социальных и политических процессах.

Для изучения социально-политической активности студентов г. Новосибирска нами был проведен опрос среди студентов крупных ВУЗов: Новосибирского государственного университета экономики и управления (21,1%), Сибирского института управления РАНХиГС (26,1%), Новосибирского государственного технического университета (31,7%), а также Сибирского университета потребительской кооперации (21,1%). Всего в ходе исследования было опрошено 160 человек. В ходе исследования были заданы вопросы о выявлении факторов, влияющих на социально-политическую активность, форм участия студентов в общественной жизни и ситуаций, которые бы повлияли на повышение активности студентов.

Для выявления форм участия студентов в общественно-политической жизни города мы задали респондентам вопрос, о том принимают ли они участие в общественной и в политической деятельности г. Новосибирска. По результатам, большинству опрошенных приходилось участвовать в подписании обращений, петиций по поводу событий в жизни страны, региона, населенного пункта (34,8 %), в выборах в органы власти различного уровня (32,9%). Вообще не принимают участие в политической и общественной жизни города 26,1% опрошенных.

Также студентам было предложено ответить на вопрос, в каких молодежных организациях они принимают участие. Исследование показало, что большая часть опрошенных студентов (65%) не принимают участия в каких-либо молодежных организациях. Это говорит о низком уровне социальной активности студентов г. Новосибирска. Среди тех, кто состоит в подобных организациях, 16,9 % участвуют в деятельности студенческих профсоюзных организациях университета, 9,4 % относятся к Новосибирскому штабу студенческих отрядов, в молодежном парламенте состоят 5,6 % респондентов. Также важно отметить, что наибольшую активность проявляют студенты СИУ РАНХиГС.

Мы постарались выяснить, присутствуют ли среди студентов радикальные настроения, поэтому респондентам было предложено ответить на вопрос «Могли бы вы вступить в какие-нибудь молодежные движения, имеющие революционную направленность?». Однаковое количество студентов ответили, что могли бы вступить в подобные движения, несмотря на угрожающую им опасность (12,4%) или если бы точно знали, что им за это ничего не будет (12,4%). И 37,9% опрошенных никогда бы не стали бы вступать в движения с революционной направленностью.

Помимо этого, мы попросили студентов субъективно оценить общий и собственный уровень социально-политической активности. Для это-

го студенты выставляли баллы от одного до пяти, где 1 – низкий уровень, а 5 – высокий. Согласно результатам, можно сказать, что большинство оценивает общий и собственный уровень социально-политической активности как средний (46% и 33,5% соответственно). Также можно сказать, что весомая доля студентов (23%) оценивает собственный уровень социально-политической активности как низкий. Это говорит о том, что студенты не слишком высоко оценивают уровень своей активности и не до конца используют свой потенциал.

Также мы выяснили у студентов, в чем они видят причины низкой социально-политической активности. Основным препятствием для проявления социально-политической активности, по мнению студентов, является отсутствие интереса к политической и общественной деятельности (42,2%); погруженность в личные дела и проблемы (20,5%); отсутствие времени из-за совмещения учебы и работы (15,5%).

Важно было понять, что сможет способствовать повышению активности молодежи в политической и социальной жизни. По мнению респондентов, наиболее эффективным способом повышения активности является создание каналов для вовлечения молодежи в обсуждение и принятие управлеченческих решений на уровне вуза, города (60,6%). Меньше трети опрошенных считают, что внешнеполитическая угроза, ограничение прав и свобод, а также недовольство политикой городских властей будет вызывать интерес среди студентов к общественной и политической жизни города (26,8%; 25,2%; 20,5%). Так же респонденты полагают, что обвал рубля, резкий скачок цен, снижение уровня жизни способны повлиять на активность молодежи (18,1%).

Уверенность студентов в своем будущем, возможность реализовать себя и свои способности, стать успешным – это всё оказывает значительно влияние на социально-политическую активность студентов и в дальнейшем может повлиять на функционирование всех сфер жизни общества. В этой связи респонденты ответили на вопрос «Уверены ли в том, что сможете быть успешным и обеспеченным в будущем?». Большинство студентов (83,9%) допускают, что могут оказаться не успешными, 72,7% не уверены, что их будущее может оказаться успешным и 45,3% считают, что их будущее будет успешным и обеспеченным.

Важной задачей является увеличение уровня социально-политической активности молодежи. Для этого нужно создавать каналы для вовлечения студентов в обсуждение и принятие управлеченческих решений на уровне вуза, города, а значит информировать студентов о возможных путях реализации личного потенциала и повышать заинтересованность студентов в активном участии в общественной жизни. Это можно делать через СМИ и информационные каналы ВУЗов, например, создавать интернет-порталы для молодежи г. Новосибирска, где будут обсуждаться

различные инициативы. Помимо этого, нужно активно привлекать студентов в организации студенческого управления – студенческие отряды, профсоюзы, молодежный совет города и т.д.

Литература

1. Краткий словарь по социологии / авт.-сост. П.Д. Павленок. М.: ИНФРА-М, 2014. 254 с.
2. Мастерова Ю.И. Политическая активность российской молодежи в условиях распространения информационных технологий : автореф. дисс... канд. полит. наук. М.: ГУ ВШЭ, 2009. 34 с.
3. Тевлюкова О.Ю., Ровбель С.В., Наумова Е.В. Социально-политическая активность студентов крупного города (по материалам исследования) // Вестник НГУЭУ. 2016. № 1. С. 248–258.
4. Тихонов В.Г. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи: методологические проблемы социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С.71-73.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Н.М. Горбунов

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»,
г. Тольятти
shadrin1995nick@yandex.ru

В условиях модернизации социальных институтов и глобализации региональные идентичности являются наиболее динамичными структурами, они тесно связаны с процессами социальной мобильности и миграции [1]. Регион представляет собой «гомогенное пространство, выделенное самими людьми, имеющим физико-географическую, хозяйственную, этнокультурную и языковую общность, а также общность исторической судьбы» [2]. В связи с этим можно утверждать, что, понятие «региона» имеет довольно широкое содержание, которое формируется в соответствии с исследовательскими задачами. В данном случае региональная идентичность рассматривается в качестве одного из уровней территориальной идентичности, при этом нижняя ступенька отдана локальной идентичности. Верхний «этаж» в иерархии территориальных идентичностей занимает национальная идентичность. В другой плоскости находится этническая идентичность, которая также строится иерархично. Результаты исследований показывают, что человек чаще всего идентифицирует себя со своим поселенческим социумом, т. е. в обычной

ситуации он отдаёт приоритет локальной идентичности. Соответственно, он выстраивает иерархию территориальных идентичностей «снизу вверх»: от локальной к национально-государственной.

Региональная идентичность как объект социологического анализа отличается смысловым разнообразием [3], что предполагает комплексное междисциплинарное исследование данного социального феномена. В современной науке проблемы формирования теоретической модели региональной идентичности не нашли глубокой проработки. Задачи создания комплексного социологического инструментария также не рассматривались достаточно подробно [5].

Проблема региональной идентичности в последние годы приобрела актуальность для Тольятти. Это вызвано ухудшением социально-экономического положения горожан, миграционными процессами, которые приводят к снижению численности населения Тольятти, в особенности молодежи.

Эмпирической базой выступления послужили материалы социологического исследования, проведенного в январе 2016 года в Тольятти. Среди опрошенных 49 % юношей и 51 % девушек. Основная цель исследования заключалась в изучении стереотипов региональной идентичности выпускников средних школ Тольятти. Среди задач исследования выделялись: 1) выяснение отношения выпускников средних школ Тольятти к своему городу; 2) изучение мнений подростков об оценке различных аспектов городской среды.

Можно утверждать, что около двух третей опрошенных положительно относятся к городу Тольятти. Это свидетельствует о значении стереотипов региональной идентичности в сознании данных подростков. Треть опрошенных отрицательно относится к городу. Для них стереотипы региональной идентичности не представляют ценности.

Важно отметить, что желания учащихся оставаться покинуть Тольятти в большой степени зависят от их успеваемости [4]. Отличники и хорошисты в полтора раза чаще собираются покинуть город, чем учащиеся с низкой успеваемостью. Ученники, у которых преобладают удовлетворительные отметки, чаще собираются остаться.

Мнения отличников, хорошистов и троечников очень расходятся. Большой процент опрошенных «отличников» не желают дальше строить свою жизнь в городе, но также есть и противоположное мнение «троечников» они собираются дальше проживать в этом городе. Можно сказать, что те кто учился на отлично хотят продолжить свое обучение в более престижном вузе и т.д..

Сравнение результатов опросов, полученных в 2014 и в 2016 годах, показывает, что количество учеников, которые собираются покинуть город, увеличилось на 5 %. При этом количество подростков, которым

город не нравится, увеличилось на 7 %. Это свидетельствует, о снижении значимости региональной идентичности среди молодых жителей Тольятти.

Респондентам было предложено оценить возможности жизненных перспектив в Тольятти по трехбалльной шкале. Оценка «3» означала высокий уровень удовлетворения потребностей, «2 средний», а «1» – низкий. Перспективы создания семьи оцениваются в 2,2 балла. Перспективы трудуустройства по специальности оценены, а также получение качественного образования подростки, которые хотят остаться в городе оценивают в 2 балла. Подростки, которые хотят уехать из Тольятти оценивают эти условия, соответственно, на 0,7 и на 0,3 балла ниже. Качество жизни, уровень доходов подростки, которые хотят остаться в городе оценивают в 1,8 балла, те, которые хотели бы уехать в 1,3 балла. Возможности создания семьи желающие остаться в Тольятти оценивают выше, чем те, кто хочет уехать. Как ни парадоксально, но патриоты Тольятти ниже, чем те, кто хочет уехать, оценивают возможности приобретения жилья.

Более существенные различия между подростками, которые хотят остаться в Тольятти, или хотят уехать, прослеживаются по оценке красоты природного ландшафта (различие 0,9 балла), образа города, архитектуры (различие 0,8 балла), а также престижа города (различие 0,5 балла).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что современная школа является значимым социальным институтом, решающим проблему формирования у детей и подростков региональной идентичности в процессе как учебной, так и внеурочной деятельности. Именно в школьном сообществе у ребенка может и должно быть сформировано ценностное отношение к родному краю.

Литература

1. Zhelnina, E. V. Russia-2050: population, education, culture, production // The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. View from Russia [Electronic resource]: collected papers. The 3rd ISA Forum of Sociology «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» / Editor-in-Chief V.Mansurov. - electronic data - Moscow: RSS, 2016. – 378 P. 1 CD ROM; 12 sm - system requirements: Windows XP/Vista/7/10 - Title from disk label. – 2016. – С. 109–115.
2. Герасимов, А. С. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2003. – № 3. – С. 57 – 63.
3. Еремина, Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа Регионология. – 2011 – № 3. – С. 48 –56.

4. Цветкова И. В. Ценностные ориентации выпускников школ Тольятти по отношению к городу // Концепт. – 2014. – Спецвыпуск № 07. – ART 14593. – 0,62 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14593.htm>. – Гос. рег. Эл № ФС 77- 49965. – ISSN 2304-120X.

5. Черникова В.В. Формирование региональной идентичности в современной России // Издательство Воронежского государственного университета. — 2012. — №3. — С.81-87.

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

И.С. Дамарад

Новосибирский военный институт внутренних войск МВД России
им. генерала армии И.К. Яковлева, г. Новосибирск

Духовно-нравственный кризис восьмидесятых и особенно девяностых годов ХХ в., способствовал формированию у российского народа такого отношения к себе и к обществу, когда «национальное» стало доминировать над «гражданским», «индивидуальным» над «общественным», а «настоящее» стало противопоставляться «прошлому». Это привело к обострению конфликта поколений, а также деформации культурно-исторического опыта межнационального общения народов населяющих Российскую Федерацию. В современных условиях в войсках национальной гвардии России непрерывно возрастает количество межличностных конфликтов и противоречий этнокультурного характера, которые оказывают негативное влияние на качество общения и профессиональное взаимодействие между военнослужащими при выполнении служебно-боевых задач по обеспечению правопорядка.

П. Р. Ковалем в работе «Формирование этнической толерантности в многонациональных воинских коллективах» были проанализированы основные тенденции в развитии культуры межнационального общения у военнослужащих войск национальной гвардии России в различные исторические периоды:

- на дореволюционном (1811-1917 г.): расширение национально-культурного состава внутренней стражи и местных войск;
- на советском (1917-1991 гг.): приоритет интернациональной направленности в воспитательной деятельности должностных лиц ВЧК, ВОХР, ОГПУ, НКВД и внутренних войск МВД СССР;
- на современном (1991 г. - по настоящее время): последовательный отказ от приоритета интернационального подхода к содержанию деятельности должностных лиц внутренних войск МВД России [1].

Региональным командованием внутренних войск МВД России регулярно проводится работа, направленная на предотвращение и подавление межнациональных конфликтов во внутренних войсках МВД России.

- в ходе работы по комплектованию соединений и частей различными категориями личного состава обязательно учитываются этнопсихологические особенности военнослужащих.
- организуются и проводятся научно - теоретические и научно - практические конференции по проблемам межнациональных отношений в частях и подразделениях, факультативных занятий по тематике посвященной рассмотрению этнокультурных особенностей народов Российской Федерации и вопросов межнационального общения в воинских коллективах.
- систематически осуществляется мониторинг и оперативное реагирование при возникновении проблем в межнациональных отношениях между военнослужащими части;
- В тематике занятий по командирской подготовке должностных лиц предусмотрено обучение методике воспитательной работы в многонациональных воинских коллективах;
- устанавливается взаимодействие с местными национальными и религиозными организациями в интересах оптимизации межнационального общения военнослужащих части.

В процессе формирования межэтнической толерантности курсантов национальной гвардии России используются разнообразные формы, методы и средства: этические беседы, диспуты на этические темы, тематические вечера и др., способствующие овладению курсантами системой нравственно-этических мотивов и принципов, расширению у курсантов нравственно-этического и социального опыта по взаимодействию с представителями различных национальностей [2, С. 16].

Все вышесказанное позволяет констатировать, что развитие межэтнической толерантности военнослужащих в многонациональном воинском коллективе обеспечивает переход от внешнего, формального исполнения требований Общевоинских уставов Вооруженных Сил РФ, других нормативно-правовых документов, которые регламентируют межличностные отношения военнослужащих, к внутреннему, осознанному, целенаправленному поведению на основе принципов межэтнической толерантности, позволяющему снизить уровень преступности среди военнослужащих, грубого нарушения воинской дисциплины в межличностном взаимодействии в многонациональному воинскому коллективу. Таким образом, межэтническая толерантность военнослужащих войск национальной гвардии России рассматривается как интегративное, профессионально значимое качество личности офицера.

Литература

1. Коваль Р.П. Формирование этнической толерантности в многонациональных воинских коллективах: автореферат дис... кандидата социологических наук. – М, 2014 – 26 с.

2. Султанбеков, Т. И. Педагогические условия формирования межэтнической толерантности курсантов в образовательной среде военного института внутренних войск МВД России: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. - С-Пб, 2015. - 24 с.

СИСТЕМА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е.А. Дергунова

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»,
г. Тольятти
katarina_d95@mail.ru

Сфера услуг является одной из основных составляющих информационного общества. В результате научно-технической революции и роста доходов населения приоритет перешёл от преимущественного производства товаров к производству услуг. По международным данным статистики свыше 40 % иностранных инвестиций вкладываются в развитие рынка сферы услуг, что подтверждает актуальность и интерес перспективы развития данного сектора экономики [3, 4].

Поскольку мы рассматриваем сферу здравоохранения, относящуюся к сфере услуг, то в рамках ретроспективного социологического анализа изучалось формирование сферы услуг в целом на разных этапах становления общества. Сфера услуг зарождалась постепенно, от зарождения индустриального общества до перехода к постиндустриальному (информационному) обществу и продолжает динамично развиваться вплоть до сегодняшнего дня. Переход от аграрного общества к машинному производству породил широкое распространение промышленного комплекса, в котором наёмный труд постепенно вытеснялся автоматизацией производства. Именно тогда начала зарождаться предпринимательская деятельность, стали доминировать товарно-денежные отношения. Частная собственность способствовала появлению сферы деятельности, ориентированной на работу в сфере услуг. Уже более твёрдо закрепилась данная деятельность, когда произошла научно-техническая революция, и общество вышло на новый этап развития – постиндустриальный.

В информационном обществе главным фактором развития является человеческий капитал, профессионализм, наука и знания, именно они становятся главной движущей силой экономики. Производство товаров заменяется производством услуг. Такого же рода была обоснована и кон-

цепция профессора Гарвардского университета Дэниела Белла. Он пришёл к выводу о том, что появился новый общественный строй, где большинство населения заняты в сфере услуг. Так, роль развития науки породила современное общество, а промышленность переросла к сферам услугам.

Важную роль играет услуга здравоохранения. Её актуальность характеризуется тем, что ещё с самых древних времён человечество познаёт медицину. С древних времён по настоящее время медицина набирает обороты в своём развитии, происходит регулярная динамика и совершенствование медицинских технологий. Вклад учёных в данную отрасль бесценен и всегда будет оставаться актуальным.

Также стоит отметить, что как однажды М. Фуко [1] предложил и разработал свою археологию медицины [5], так и в наше время разрабатываются всё новые и новые технологии, позволяющие более качественно и успешно проводить операции, речь идёт о хирургии. В современной медицине, например, происходит роботизация хирургических комплексов, что не только помогает врачам в проведении операций, но и ориентирует их на постоянное повышение своей профессиональной квалификации [2].

Таким образом, с древних времён по настоящее время медицина набирает обороты в своём развитии, происходит регулярная динамика и совершенствование медицинских технологий. Вклад учёных в данную отрасль бесценен и всегда будет оставаться актуальным.

Здоровье является одним из важнейших показателей качества жизни населения. Политика государства направлена на поддержание стандартов качества жизни своего населения. Именно здоровье характеризует развитие разных сторон жизнедеятельности человека. Здоровый человек может полноценно выполнять различные социальные функции, участвовать в трудовой, общественной, семейно-бытовой и других формах жизнедеятельности.

Здоровье стоит на первом месте среди индикаторов показателей удовлетворения основных физических потребностей человека, в первую очередь характеризует качество и уровень жизни. Доступность и качество медицинского обслуживания [2] гарантируется государством, как на уровне страны, так и по субъектам РФ. Охрана здоровья населения составляет одну из основ конституционного строя России. Данное право указано в Главе 2, Статье 41 Конституции РФ.

Проведенный ретроспективский анализ позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, обращаясь к истории развития и становления общества, действительно видно, что рынок сферы услуг прошёл несколько этапов своего развития: от индустриального общества до настоящих дней. Это происходит по достаточно объективной причине, общество не стоит на месте, оно прогрессирует, нуждается в новых услугах, поэтому и происхо-

дит регулярное реформирование различных сфер услуг, их преобразования и различные нововведения. Всё это говорит о том, что в современном обществе происходит динамичное развитие рынка сферы услуг.

Во-вторых, здравоохранение выступает важной сферой услуг в жизни общества. Каждый человек нуждается в своевременном оказании медицинской помощи, которая гарантируется государством. Данная сфера услуг может оказывать и рекреационные (восстановительные) услуги: санатории, оздоровительные детские лагеря и др. При помощи государственной поддержки медицинские учреждения в полной мере оснащены специалистами, необходимым оборудованием и лекарствами. Вопрос о качестве всегда стоит на первом месте, будь то покупка какой-либо вещи, автомобиля и много другого, и не всегда оно будет хорошим. Социальная политика государства создаёт все необходимые условия, позволяющие охранять здоровье населения. Медицина совершенствуется: создаются новые технологии, разрабатываются новые лекарственные средства, проводятся проверки разных уровней, также разрабатываются государственные проекты по улучшению качества медицинского обслуживания, проводятся различные исследования.

В-третьих, совершенствование сферы здравоохранения и динамичное развитие сферы услуг в целом определяют благосостояние современного общества.

Литература

1. Википедия. Свободная энциклопедия. Мишель Поль Фуко. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фуко,_Мишель(Дата обращения: 17.10.15).
2. Желнина, Е. В., Борисова, А. А. Специфика рынка труда в сфере здравоохранения (на примере г. о. Тольятти) // X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты». Сборник материалов. Электронное издание. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – С. 470 – 471 (0,15 п. л./ 0,25 п. л.).
3. Развитие сферы услуг в современном мире. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://knowledge.allbest.ru>(Дата обращения: 07.10.2015).
4. Факторы размещения сферы услуг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.grandars.ru>(Дата обращения: 07.10.2015).
5. Фуко М. Рождение клиники. Психологические технологии. – М.: Изд-во Академический проект, 2010. – С. 134.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРИЯТИЯ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЖИТЕЛЯМИ САЯНО-АЛТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015-2016 ГГ.

А. И. Евдокимов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
aievdokimov@gmail.com

Республики Саяно-Алтайского региона последние годы испытывают все большее давление со стороны мигрантов из Центральной Азии. В качестве основных причин этого можно отметить, во-первых, общее историческое прошлое и языковую близость этносов, проживающих на территории Центральной Азии и республик Саяно-Алтая, во-вторых, географическую близость (трансграничность) и, наконец, geopolитический фактор, в результате действия которого, выходцы из стран Центральной Азии становятся агентами влияния региональной политики Российской Федерации. Рост числа мигрантов из центрально-азиатского региона влияет как на межэтнические отношения в республиках Саяно-Алтайского региона, так и на структуру социальной идентичности его жителей.

С целью выявления основных тенденций восприятия мигрантов из Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана сотрудниками Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова были проведены массовые социологические исследования: с июля по сентябрь 2015 года [2] и с июня по сентябрь 2016 года [3] на территории республик Алтай, Тыва и Хакасия. Для проведения массовых опросов использовалась целевая, непропорциональная, стратифицированная выборка. В опросах ежегодно принимали участие 1000 человек, из них: в Республике Алтай – 190 чел., в Республике Тыва – 290 чел., в Республике Хакасия – 520 чел. Опрос проводился среди представителей разных этнических, половозрастных и социально-профессиональных групп.

Результаты исследований, в целом, показали преобладание нейтрально-негативного восприятия мигрантов из стран Центральной Азии в республиках Саяно-Алтая. Так только 12,8% респондентов в 2015 г. и 13,5% респондентов в 2016 г. отметили, что положительно относятся к приезду мигрантов из стран Центральной Азии. Свое безразличное отношение в 2015 г. выразили 38,5% респондентов, и 35% респондентов в 2016 г. Отрицательное отношение к мигрантам отметили в 38,9% респондентов 2015 г. и 36,9% респондентов в 2016 г. Единственное серьезное изменение в результатах двух исследований обнаружилось в росте доли респондентов, которые затруднились ответить на вопрос об отношении к мигрантам: с 9,8% в 2015 г. до 14,6% в 2016 г.

Несколько другая картина восприятия миграционного фактора обнаруживается при сравнении ответов респондентов разной этнической принадлежности. Некоторые причины актуализации фактора «этничности» в отношении мигрантов были исследованы нами ранее [1]. За прошедший год отмечается изменение восприятия мигрантов у алтайцев и хакасов (в отрицательную сторону) и русских (в положительную сторону). Так, несмотря на то, что наибольшая доля респондентов, отметивших свое положительное отношение к мигрантам из Центральной Азии, обнаруживается среди алтайцев и тувинцев, у всех титульных этносов зафиксирована отрицательная динамика: с 17,2% в 2015 г. до 14% в 2016 г. у алтайцев и с 13,8% в 2015 г. до 12,7% в 2016 г. у тувинцев, с 8,7% в 2015 г. до 5,3% в 2016 г. у хакасов. Среди русского населения отмечается самая большая доля респондентов, отметивших отрицательное отношение к мигрантам из стран Центральной Азии, однако, она немного снизилась с 42,6% в 2015 г. до 39,9% в 2016 г.

Анализ ответов респондентов в республиках Алтай, Тыва и Хакасия свидетельствует о существовании общего нарратива восприятия мигрантов для Саяно-Алтайского региона в целом. Так доля респондентов, отметивших свое нейтральное отношение к мигрантам из Казахстана из стран Центральной Азии, в 2016 г. зафиксирована в более близком количественном отношении друг к другу, нежели в 2015 г.: Алтай – 36,3%, Тыва – 34,5%, Хакасия – 34,8% в 2016 г.; Алтай – 46,3%, Тыва – 34,1%, Хакасия – 38,1% в 2015 г.

При этом в Республике Тыва отмечается максимальный уровень положительного восприятия центрально азиатской миграции: 15,2 % в 2015 г., 16,6% в 2016г.; в Республике Алтай – минимальный уровень отрицательного восприятия: 32,1% в 2015 г., 34,2% в 2016 г.; в Республике Хакасия – наименьший уровень положительного и наибольший уровень отрицательного отношения: 10,8% и 41,5% в 2015г., 11% и 39% в 2016 г.

В результате социологических исследований было обнаружено преобладание нейтрально-негативного нарратива восприятия миграции из государств Центральной Азии в Саяно-Алтайском регионе. При этом, если по республикам в целом обнаруживаются тенденции увеличения позитивных отношений к мигрантам, то среди представителей основных региональных этнических групп можно обнаружить обратную тенденцию. Это происходит в результате роста доли выходцев из стран Центральной Азии, принимающих участие в массовых опросах. Увеличение численности и социальной активности мигрантов приводит к столкновению с интересами местного населения, что и выражается в ответах респондентов, что следует учитывать органам государственной власти при определении основных направлений развития межнациональной и миграционной политики.

Литература

1. Евдокимов А.И. Миграционный фактор социокультурной модернизации в Саяно-Алтайском регионе / А.И. Евдокимов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2016. – № 3 (59). – С. 215-223.

2. Социологическое исследование (июль - сентябрь 2015 г., Хакасия, Тыва, Алтай). Грант РГНФ по теме: «Трансформации национальной идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность» (проект № 14-03-00493). Выборочная совокупность – 1000 чел.

3. Социологическое исследование (июнь - сентябрь 2016 г., Хакасия, Тыва, Алтай). Грант Президента РФ по теме: «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)» (проект МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность – 1000 чел.

ВОСПРИЯТИЕ ИДЕИ ПАТРИОТИЗМА НОВОСИБИРСКИМИ СТУДЕНТАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Е.А. Ерашова, А.А. Вихрева.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ», г. Новосибирск
yerashova.cat@mail.ru
vihr.and@mail.ru

В современном информационном обществе закономерно происходят изменения во всех сферах жизни, в том числе в системе нормативно-ценостных ориентаций людей. В наибольшей степени эти изменения касаются молодежи, т.к. она является наиболее активной социальной группой. Изучение ценностных ориентаций молодежи имеет важное значение для прогнозирования духовно-нравственного состояния общества в ближайшем будущем. В этой связи важно изучать патриотическое сознание молодежи, поскольку патриотизм является механизмом, сплачивающим различные социальные группы.

Патриотизм – это ценностное отношение субъекта к родине, характеризующееся привязанностью к месту рождения и (или) проживания, причастностью к определенным культурным ценностям, которые воспринимаются как «свои», осознанием ответственности за сегодняшнее и будущее состояние родины [2, С. 107]. В нашем исследовании мы рассмотрели патриотизм в двух направлениях – локальном и общегражданском [4], т.е. патриотизм по отношению к стране и патриотизм по отношению к родному городу соответственно.

Исследование восприятия идеи патриотизма новосибирской молодежью проводилось в октябре 2016 г. студентами-социологами Новосибирского государственного университета экономики и управления. Было опрошено 160 студентов четырех вузов – НГУЭУ, СИУ РАНХиГС, СибУПК, НГТУ, из них 65% девушек и 35% юношей. Как показал опрос, студенты оценивают себя либо как патриотов своей страны (35,5%), либо как патриотов страны и города (32,5%). Это свидетельствует о превалировании в сознании студентов идеи общенационального патриотизма. Студенты в основном сосредоточены на эмоциональном восприятии своей Родины: треть опрошенных (29,4%) считают, что быть патриотом означает «любить Родину». Самым непопулярным является ответ «считать, что твоя страна лучше, чем другие страны» (1,9% опрошенных).

Нами было также рассмотрено распределение ответов респондентов по высшим учебным заведениям. Чаще всего понимают патриотизм как любовь к Родине студенты НГУЭУ (40%) и СИУ РАНХиГС (33,3%). Студенты НГТУ больше других готовы защитить Родину с оружием в руках (13%) и ставить государственные интересы выше своих (6,5%). СибУПК лидирует по ответу «быть патриотом значит жить и работать в России» – 3,7%. Такое распределение ответов можно объяснить профилем обучения [см. об этом: 3].

Анализ составляющих любви к родному городу показал, что на первом месте также стоит эмоциональный аспект (32%), но студенты в большей степени настроены на деятельностный и экономический аспекты локального патриотизма: ответы «участвовать общественной жизни города» и «связывать свое будущее с ним» занимают второе (22%) и третье (21,5%) место соответственно. Однако при этом 49% либо не хотят жить в родном городе после обучения, либо хотят, но по определенным причинам не могут этого сделать. Основным фактором, побуждающим студентов покинуть город, является отсутствие должного количества возможностей для самореализации (так ответило 65% опрошенных). Низкий уровень оплаты труда также может стать причиной отъезда для 52,5% респондентов, как и отсутствие перспектив трудоустройства по специальности (для 53,8%). Особенно важно отметить, что уровень преступности как фактор, подталкивающий студентов к переезду, назвали всего 3,8% студентов.

Учёные считают, что наиболее восприимчивыми к идеям патриотизма являются дети и подростки 8-18 лет [1]. Исходя из этого, мы предположили, что практика воспитания патриотизма в разных социальных институтах (семья, школа, литература и кино, СМИ) по-разному воспринимается опрошенными и не всегда эффективна. Анализ данных исследования показал, что методы воспитания чувства патриотизма в школе не являются эффективными, поскольку не способствуют формированию патриотического сознания молодежи. Семья является более эффективным

институтом воспитания чувства патриотизма, а семейные ценности – наиболее авторитетным источником любви к Родине и родному городу.

В заключении можно сказать, что идея патриотизма неоднозначно воспринимается молодежью. Наиболее эффективно чувство патриотизма прививается в семье. В этой связи для более активного формирования патриотических установок у молодежи нужна стратегия воспитания подрастающего поколения, опирающаяся на семейные ценности.

Литература

1. Давыдова Ю. А. Специфика патриотического воспитания в условиях информационной войны // Политическая система России: развитие в условиях современных внешних вызовов. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С.59–62.
2. Наливайченко И. В., Лысак И. В. Патриотизм: отжившая ценность или актуальный тренд. Таганрог: Южный федеральный университет, 2013. 163 с.
3. Тевлюкова О.Ю. Локальный и общенациональный патриотизм студенческой молодежи // Приоритетные направления развития науки и образования. 2016. № 2 (9). С. 138–140.
4. Тевлюкова О.Ю., Ровбель С. В., Наумова Е. В. Социально-политическая активность студентов крупного города (по материалам исследования) // Вестник НГУЭУ. 2016. № 1. С. 248–258.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ ИННОВАЦИИ В СТРУКТУРЕ ФЕНОМЕНА ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Е. В. Желнина

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»,
г. Тольятти
ezhelnina@yandex.ru

Роль техники и технологий в социально-экономическом развитии общества стала объектом пристального изучения представителями академической науки лишь с 60-х годов XX века. До этого времени, несмотря на значительные, гениальные технические и технологические открытия и разработки XIX века, период Великой промышленной революции (Промышленного переворота), учёные-теоретики не уделяли какого бы то ни было внимания данной области исследования. Данный факт может быть объяснён несколькими тезисами (условиями, причинами). Во-первых, были более значимые открытия в области естественных наук, которые привлекали внимание деятелей науки. Во-вторых, социальные науки в то вре-

мя находились на этапе своего становления, институционализации. Поэтому учёные-обществоведы уделяли внимание на определение границ науки «социология», её категориального аппарата, а также изучали общество в целом, его строение, функции его отдельных элементов. Процессы социальной модернизации пока ещё не входили в список актуальных научных тем и проблем в конце XIX века. В-третьих, теоретической науке того времени не была свойственна традиция, которая определяла бы социальное развитие техническим прогрессом.

Появляющиеся вновь и трансформирующиеся технологии формируют новые типы социально-экономических практик. Любые новации дают преимущества в конкурентной борьбе. Причём, данное соперничество может относиться к различного рода социальным системам и элементам. Во-первых, это традиционная конкуренция на рынке между предприятиями за расширение доли рынка, привлечение новых и удержание имеющихся потребителей продукции. Во-вторых, это может быть соревнование, между отдельными индивидами да обладание важными для них благами. Необходимо отметить, что понятие об этих благах достаточно размыто, это может быть и вакантная должность, и призовое место на конкурсе, и информация и т. п. Главное, что каждый из индивидов желает во что бы то ни стало получить данное благо в своей единоличное пользование.

Совершенно невозможно, анализируя различного рода инновации, не сказать несколько слов о социально-экономическом прогрессе, лежащем в самой основе в изучении инновационной активности промышленных предприятий. Социально-экономический прогресс представляет собой поступательное планомерное развитие общества, сопровождающееся обновлением применяемых технологий и оптимизацией социальной структуры, обеспечивающими экономическое благосостояние общества и стабильность (неконфликтность) социальных отношений. Адаптированные к конкретной социально-экономической системе и внедрённые в структуру её функционирования новые технологии способны изменить первоначальную структуру. Кроме того, нововведения ведут к отмиранию прежних практик, ценностей, отношений и т. д. Всё это создаёт благоприятные условия для экономического роста, социального эволюционирования системы. Многие исследователи утверждают, что именно нововведения, новации выводили социально-экономические системы из постоянно возникающих и развивающихся кризисов. Именно поэтому мы можем сказать, что периодические обновления (а также организационные и государственные инвестиции в эти процессы) ведут к оживлению социально-экономической системы и экономики в целом, ведут к подъёму, развитию. На инновации И. А. Шумпетер [3] смотрит как на ключевое средство предупреждения и преодоления экономической нестабильности. То есть, обнаруживая и осваивая новые способы постоянных, обычных практик, дей-

ствий и функционирования, общество страхует себя от экономических кризисов и тем самым не допускает появление другого рода кризисов: политических, социальных и т. д.

Именно данные выводы открывают перспективу для изучения инновационной активности, поскольку именно социальная структура производственной системы и производимое ею воздействие на поведение индивидов является той основой, в рамках которой возможны различного рода инновации. Создавая определённые социально-культурные условия, ценностные установки, можно воздействовать на динамику выявленных циклов развития. Теоретическое и эмпирическое исследование инновационной активности промышленных предприятий необходимо начинать с родового понятия данной категории – инновации. Данный термин происходит от английского слова «innovation» – производство чего-либо нового. Поскольку данное слово имеет иностранное происхождение, мы можем наблюдать множество его интерпретаций. Существуют достаточно развёрнутые определения [2], в которых подчёркивается более сложный характер нововведения, рассматривается его системная основа. В них инновация изучается как особого рода процесс, состоящий из ряда последовательных этапов. В этом смысле технологическое нововведение рассматривается как совокупность технических, производных и коммерческих мероприятий, приводящих на рынки новые и улучшенные промышленные продукты и обеспечивающих коммерческое использование новых и улучшенных производственных процессов и оборудования. Многие зарубежные и отечественные учёные придерживаются мнения, что инновация является конечным результатом разработки и внедрения «принципиально нового или модифицированного средства (новшества)» [1], который удовлетворяет конкретные общественные потребности и выдаёт ряд ожидаемых и латентных эффектов (экономический, социальный, экологический, моральный, психологический и так далее), не имеющие экономического эффекта ввиду различных причин, например, морального устаревания решения, но приносящие удовлетворение исследователю законченностью, завершённостью работы.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что под понятие «инновация» в промышленном производстве попадает большой спектр функционирования предприятия. Начиная с нового продукта и заканчивая социальной организацией и управлением в рамках производства традиционного продукта.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-63003.

Литература

- Гончаренко Л. П., Арутюнов Ю. А. Инновационная политика. Учебник. – М.: КноРус, 2009.
- Денисов Г. А., Каменецкий М. И., Остапенко В. В. Инновации: отечественный и зарубежный опыт (анализ, финансирование, стимулирование). – М.: МАКС Пресс, 2001.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИНФОТЕХ», 2010.
- Шумпетер, И. А. Теория экономического развития [Текст] / И. А. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2007.

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.И. Заседателева

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
e.zasedatel@mail.ru

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №16-03-00309

Зачастую образ жизни на селе отличается от городского. К этому можно отнести особенности труда, быта, социальных коммуникаций. В сельской местности зачастую бывает нехватка рабочих мест, поэтому жители вынуждены вести личное подсобное хозяйство. Возможности заработка также бывают сезонны, представители ряда профессий, таких как тракторист, полевой рабочий, могут трудиться только летом. Так как сельское поселение может быть немногочисленно, жизнь человека проходит на виду у всех жителей деревни, поэтому возможность анонимного существования или двойной жизни маловероятна или невозможна. Чем меньше численность населения в населенном пункте, тем больше жизнь человека становится известна окружающим. В связи с этим возникает ряд особенностей в самосознании сельского жителя, которые отличают их от жителей городов.

Актуальность исследования заключается в том, что выявление особенностей жизненных стратегий сельской молодежи в различных областях жизнедеятельности позволит лучше понять особенности самосознания сельских жителей и использовать эту информацию в процессе помощи сельским студентам в адаптации в учебных заведениях.

Цель исследования – выявить основные стратегии сельской молодежи и их отличие от молодежи, проживающей в городе.

Жизненная стратегия – это индивидуальная организация, постоянная регуляция хода жизни в соответствии с ценностями данной личности и

ее индивидуальной направленностью. Жизненная стратегия – это выбор, определение и реализация ценностей жизни [1]. Согласно гипотезе В. Н. Дружинина, существуют независимые от индивида, изобретенные человечеством и воспроизводящиеся во времени жизни варианты жизни. Человек в зависимости от конкретных обстоятельств может выбрать тот или иной вариант, но вариант жизни может быть ему навязан. Степень свободы индивида и мера давления на него внешнего мира социальной среды зависят от конкретных исторических условий. Понятие вариант жизни является целостной психологической характеристикой индивидуального бытия и определяется типом отношения человека к жизни. Вариант жизни формирует человеческую личность, типизирует ее. Индивид превращается в представителя жизненного личностного типа. Таким образом, под вариантом жизни понимается качественно-определенный способ осуществления личностью своего жизненного пути. Причем в этом способе интегрируются определенные ценности и смыслы жизни с инструментальными стратегиями их достижения [2]. Исходя из этих положений, можно сделать вывод, что жизнь в деревне навязывает индивиду свой образ жизни и определенные правила для того, чтобы человек не слишком выделялся из общей массы и этим не давал поле для сплетен остальным жителям села. Если варианты отхождения от нормы хоть и необычны, но не противоречат нормам морали, это может не вызывать общественного осуждения или даже одобряться обществом, но если отхождение от общепринятой нормы противоречит нормам морали, то возможны конфликты на этой почве.

Например, большинство людей, проживающих в деревне, ведут личное подсобное хозяйство с более-менее стандартным и устоявшимся набором растений и животных. Если какое-то семейное хозяйство в условиях Сибири решит выращивать персики или разводить цесарок, практически наверняка это отклонение от общепринятой нормы не будет вызывать общественное осуждение. Однако если в каком-либо домохозяйстве будет принято решение об открытии платного подобия кинотеатра, то это может повлечь общественное порицание.

Особенностью жизненных стратегий сельской молодежи является то, что сельская молодежь зачастую испытывает большее желание состояться профессионально и, возможно, для этого переехать в город, в то время как у городских жителей такая возможность уже есть с рождения и они не должны никуда переезжать. При выборе пути в жизни, молодой человек из села должен с'интегрировать свои ценности, которые присущи только ему, смысл жизни и инструментальные стратегии их достижения.

Переходным звеном между деревней и городом можно считать малый город. Обычно жители малого города задействованы в работе предприятий или других сферах жизни, а работа на приусадебных

участках и личное хозяйство может быть только дополнением, неосновной сферой деятельности человека.

В современных малых городах соединяются черты сельского поселения и города. Жизнь жителей малого города, так же как и жителей села, находится на виду у многих, может быть очень сильно общественное мнение, однако, в малом городе больше возможностей для обучения, самореализации, для этого можно не ехать в город.

Таким образом, можно сделать вывод, что жизненные стратегии сельской молодежи могут отличаться от жизненных стратегий городской молодежи. Сельская молодежь может стремиться уехать в город не только ради того, чтобы получить образование и освоить профессию, но и ради того, чтобы пожить в более свободных условиях, почувствовать себя независимым и знать, что ряд деталей биографии при желании не будут известны большинству окружающих людей.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Дружинин В. Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЕ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000. – 135 с.

НЕЙРОФИЛОСОФСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ ПСИХОПАТИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ ЛИЧНОСТИ

Е. О. Илюхина

ФГОУ ВО Новосибирский государственный медицинский
университет Минздрава России
Ilyukhina95@mail.ru

У большого процентного соотношения субъектов возникает достаточно много разнообразных размышлений об адекватности или неадекватности своей мыслительной деятельности. Страх в большинстве своем является одной из основных причин изоляции индивида от социума в последствие, во избежание отвержения и осуждения со стороны последнего. В дальнейшей ситуации, такие личности начинают упрекать свой мыслительный процесс, считать, что их подобного рода индивидуальные свойства не имеют права на существование. Лица с психическими расстройствами или, как говориться простым языком, «душевнобольные», «сумасшедшие» считают, что они сами, как существа, не имеют права на существования себя в принципе [1]. Таким образом, формируется вывод, что данный исход восприятия своей собственной личности, своего Эго, это один из шагов к психозу. Скопление неотреагированной и неконтролируемой

агрессии, фрустрированные желания быть любимыми и иметь счастье, приводят всю психическую деятельность субъекта в тупик, что вызывает в дальнейшем разного рода позитивные психотические симптомы, такие как бред, галлюцинации, диссоциации, дереализацию, деперсонализацию и так далее.

В большинстве случаев психические расстройства возникают на уровне корковых отделов головного мозга, которые преимущественно отвечают за произвольный и сознательный контроль, а произвольный и сознательный контроль существенно предполагает, что индивид самостоятельно контролирует и регулирует все психические процессы, свойства и состояния своего организма. Из всего вышесказанного вырабатывается умозаключение, которое заключается в том, что индивид, он же субъект общественных отношений своей собственной психической и мыслительной деятельностями в совокупности приводит себя в психопатическое состояние самостоятельно и сознательно.

В данной статье употребляется выражение «психопатическая личность», которое чаще всего можно перепутать с психопатией в принципе. Но, между душевнобольными и психопатами есть крайне существенные различия. Одно из них заключается в том, что лица с психическими расстройствами законодательно являются невменяемыми личностями, а психопаты в данном случае являются полностью вменяемыми и первых при совершении преступлений отправляют в психиатрическое лечебное отделение, а вторых - в тюремное заключение. Второе отличие заключается в том, что психическое расстройство является приобретенным или же врожденным, но в случае органической травмы отделов головного мозга человека, в тоже время психопатия формируется по генетическим причинам до рождения человека и остается на протяжении всей жизни, а также является не излечимым фактором. А в некоторых случаях определенного рода терапия существенно ухудшает состояние психопатов, что пагубно влияет на состояние общества в целом. Так как у психопатов абсолютно не работает аппарат сочувствия, и они совершают противоправные действия сугубо для удовлетворения постоянно возникающих своих собственных квазипотребностей. Более подробно о психопатах описывается в книге «Лишённые совести. Пугающий мир психопатов» Хаэра Роберта Д [4].

В гештальтпсихологии существует понятие: цикл контакта. Данное понятие заключается в том, что у субъекта происходит возникновение потребности и этапы ее удовлетворения, которые гештальт-психологи разделили на свои этапы. В данной теме исследования будет обозначен только необходимый этап. Это этап мобилизации энергии. На предложенном этапе индивид пробует различные варианты своих действий и наблюдает разными вариантами исхода событий. При «уходе от контакта» с потребностью, а точнее при возникновении этого защитного механизма (о кото-

ром будет говориться далее) возникает уход от контакта с потребностью. Данным защитным механизмом является интроекция. Защитный механизм интроекция, как описывает его Анна Фрейд, заключается в том, что ребенок в детском возрастном периоде от взрослого человека: от родителей, учителей и других авторитетных лиц, усвоил какую-то «истину», не разобравшись в ней, не «прожевав» ее. Таким образом, закрепившаяся «истина», как установка личности, существует в психической деятельности индивида и со стороны бессознательного управляет его поведением и деятельностью. В конце концов, благодаря возникшей установке, субъект лишает себя каких-либо действий в сторону потребности, так как у него существует мнение о неприемлемости своих потребностей и желаний [2]. На основе изложенных фактов, можно предположить, что причины психозов скрываются во взрослых (чаще родительских) «итроектах» детского периода жизни и вторично в непонимании субъекта, что его мыслительная деятельность в сторону определенных потребностей имеет права на существование и нормальна в принципе (в пределах разумного соответственно).

От большинства субъектов общественной деятельности слышатся слова такого рода: «я боюсь, что сойду с ума». Таким образом, выходит, что индивиды боятся стать психически неуравновешенными, утратить свою как личность, так и индивидуальность. Но, процесс разрушение психической деятельности, о чем говорилось ранее, не является самостоятельным процессом, то есть не происходит «сам по себе» без участия внешних или внутренних факторов, которые этому способствуют. Существование личности в этих факторах происходит частично бессознательно и сознательно тоже. Отчего можно сделать вывод, что страх и тревога стать «сумасшедшим» без видимой на то причины не является оправданным. Благодаря сознательному контролю и регуляции психической деятельности и жизни индивидуума, времяпрепровождение в более благоприятных условиях для собственной психики, есть большая возможность избежать разрушения психики в принципе. А также профилактировать заболевание, если есть наследственная предрасположенность. И в дополнении к этому осознание существующего неосознаваемого интроекта психики позволит перестать испытывать тревогу из-за неожиданного возникновения психического заболевания.

Подобного рода мысли делают психику человека уязвимой перед манипулятивной деятельностью со стороны кровожадных особей, ищущих выгоду во всем, где она позволяет себя искать благодаря сомнениям человеческой мысли, а может быть это и есть манипуляция, а не только родительский интроект, что в принципе так и есть [3].

Литература

1. Нэнси Мак-Вильямс «Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе». Москва, Независимая фирма “Класс”, 2001
2. Перлз Ф., Гудман П., Хефферлин Р. Практикум по гештальтерапии / Фредерик Перлз, Пол Гудман, Ральф Хефферлин. — М.: 2005
3. Илюхина Е. О. Дефрагментирование информации в нейрофилософском аспекте // Международная научная конференция «ШЕСТЬИ ШПЕТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»: Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX-XXI веков. 1-7 июня 2015 г., г. Томск – С. 26-27
4. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов: Пер. с англ. — М.: ООО "И. Д. Вильямс", 2007. — 288с.: ил. — Парал.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ДЕНЕЖНОГО ОБМЕНА

М.В. Каширина

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
ProstoVerner@mail.ru

*Статья подготовлена при финансовой поддержке
гранта Президента Российской Федерации № МК-7733.2016.6.*

Денежный обмен, безусловно, является неотъемлемым элементом всех экономических процессов, и в этом отношении исследование данного явления должно проводиться в рамках экономической теории. Но вместе с тем, нельзя отрицать того, что денежный обмен является ещё и отдельным видом социального взаимодействия, происходящего как между отдельными людьми и малыми группами, так и между большими социальными структурами, что делает возможным рассмотрение данного явления в русле социологии и философии.

Деньги, с точки зрения социологии, не автономны по отношению к культуре. Они способны выражать социальные отношения, ценности и потребности людей в числовом значении. Но, в тоже время, социальные ценности и потребности наделяют деньги символами и значениями. Отношение к деньгам определяется как личными индивидуальными особенностями, так и общими, социокультурными факторами [1, С. 13].

Согласно теориям постструктурализма, деньги – это феномен, который, как и другие объекты действительности, существуют не потому что они реальны, объективны и независимы от нас, а потому что люди действуют в отношении них таким образом, что поддерживают их существование.

ние. Иначе говоря, если какое-то событие или явление определяется людьми как реальное, то оно становится таковым.

Деньги не существуют и не могут существовать объективно, вне общества, поскольку являются искусственно созданной социальной абстракцией. Они появились тогда, когда в процессе взаимодействия у людей возникла потребность в неком универсальном средстве обмена, которое смогло бы выразить многообразные качества и свойства предметов обмена в определённой единице измерения [2].

Именно деньги призваны количественно выражать качественные свойства материальных и нематериальных благ. При этом в обществе принято считать, что чем выше цена, тем лучше тот или иной товар; но в действительности не всегда количественное (стоимостное) значение отражает качество.

Следует отметить, что таких предметов действительности, наделённых определёнными функциями и качествами, которые им несвойственны множество: обручальные кольца, амулеты, обереги, значки, погоны и т.д. И с этой точки зрения деньги – это тоже символ, материальная форма которого может быть различной (бумажная купюра или металлическая монета, американский доллар или российский рубль и т.д.), но социальное значение одинаково – выполнение функции эквивалента.

По факту деньги, являясь выражением стоимости каких-либо материальных и нематериальных ценностей, способствуют обмену товарами и услугами. Но вместе с тем, деньги в такой коммуникации являются ещё и своеобразным «символическим посредником»: актор, приобретает определённый товар (или услугу), наделённый символом и имеющий для него особый смысл, ценность и значимость; и отдает за него другой символ – деньги – в соответствующем эквиваленте [5].

При этом, как отмечает Гарькуша М.С. в своем диссертационном исследовании, «происходит изменение системы товарно-денежных отношений в направлении нематериальной сферы, что связано с развитием научно-технического прогресса и изменением экономических отношений в обществе» [4, С.7].

Появление электронных денег привело к установлению и укоренению новых правил и норм денежного обмена: всё чаще люди пользуются мобильными приложениями, кредитными картами, системами электронных платежей и переводов, электронными кошельками; множество организаций выплачивает заработную плату сотрудникам не наличными деньгами через кассу, а перечислением электронных денег на банковский счет; благотворительные фонды осуществляют сбор денежных средств посредством отправки смс-сообщений и т.д. Всё это свидетельствует об институционализации электронных денег, что является наиболее показательным примером проявления символического характера сущности денег.

Теоретическое исследование институционализации электронных денег включает в себя как минимум три аспекта [3]:

1. Следование теории о «платоновском» характере денег и принятие той позиции, что деньги – это лишь форма, выражающая символ, влечет за собой и принятие того, что совершенно не важно, в какой форме этот символ выражать. Будут ли это купюры в кошельке, или монеты в копилке, или записи на банковском счете, или, может быть, средства на балансе сим-карты, – в данном контексте это не имеет значения. Главной характеристикой денег выступает не их форма выражения, а их количество. Но с другой стороны, обществу свойственно не только наделять деньги символом стоимостного эквивалента, но и неким социальным контекстом их происхождения. Легкие деньги – легко тратятся, а деньги, заработанные нечестным или постыдным образом, не принято жертвовать на совершение добрых дел.

2. Второй аспект рассмотрения данной проблемы можно сформулировать в виде вопроса: а имеет ли вообще значение материальная форма денег? Если да, то почему люди всё охотнее пользуются виртуальными системами платежей, хранят деньги на счету в банке или же пользуются услугами кредитной карты? И если нет, то тогда почему все стремятся избавиться от мелочи и наоборот не разменивать по мелочам крупные купюры? С точки зрения экономики 5000 рублей одной купюрой – это тоже самое, что 50 купюр по 100 рублей, но в социальном восприятии – это две разные суммы.

3. Третий аспект связан с социально-психологической особенностью субъектов нематериального денежного обмена. Оплачивая покупки или услуги путем осуществления электронного платежа, люди оперируют не денежными единицами, а числовыми значениями, и потому способны потратить гораздо большее количество денег, нежели чем при оплате реальными деньгами.

Комплексное рассмотрение всех трех обозначенных нами выше аспектов институционализации электронных денег значительно расширит теоретические знания многих междисциплинарных направлений (таких как «Философия денег», «Экономическая социология», «Философия хозяйства ит.д.); и потому представляется актуальным и перспективным в плане дальнейших научных исследований.

Литература

1. Абрамова С.Б. Деньги в социальном взаимодействии: опыт исследования актуальной денежной культуры: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. - Екатеринбург, 2002. - 22 с.

2. Болдырев И. Абстракция и денежный обмен [Электронный ресурс] // ПостНаука URL: <https://postnauka.ru/video/17048> (дата обращения: 15.10.2016 г.).

3. Вахштайн В. Виртуальные деньги [Электронный ресурс] // ПостНаука URL: <https://postnauka.ru/longreads/20444> (дата обращения: 15.10.2016 г.).

4. Гарькуша М.С. Электронные деньги как феномен виртуальной экономики: функции и способы институционализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. - Ростов-на-Дону, 2010. - 31 с.

5. Мануйлов А.С. Конец денег [Электронный ресурс] // ЛитРес. URL: <https://www.litres.ru/a-s-manuylov/konec-deneg/chitat-onlayn/> (дата обращения: 15.10.2016 г.).

БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ПРОЕКТОВ

О.Е. Комаров, М.В. Мессмер

ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль

oleg93komarov@mail.ru

Краудсорсинг представляет собой передачу некоторых производственных функций большому кругу лиц, либо разрешение силами добровольцев общественно значимых проблем в рамках, которые координируются при помощи использования современных информационно-коммуникационных технологий [2, 288]. Большинство отечественных компаний и организаций стремится быть представленными в Интернете, организовать эффективное взаимодействие со своими партнерами и клиентами в виртуальном пространстве, использовать ИКТ для повышения эффективности своей деятельности. В рамках данной сети востребованность такой технологии, как краудсорсинг, выходит на совершенно иной уровень, потому что Интернет позволяет осуществить кооперацию граждан из любой точки мира за считанные секунды. В настоящее время потенциал краудсорсинга полностью не реализован. Это обусловлено наличием комплекса барьеров, которые не позволяют максимально эффективно применять технологию краудсорсинга на практике. Первым препятствием на пути к успешной реализации технологии краудсорсинга можно назвать барьер финансирования. Последствия введенных санкций предопределили появление экономического кризиса в Российской Федерации. Это приводит к тому, что средства на создание и эффективную реализацию краудсорсинговых платформ в настоящее время также сокращаются. Большое количество потенциально эффективных и интересных проектов не получают своего реального воплощения, не доходят до граждан, оставаясь лишь в формате идеи. Из предыдущего барьера вытекает проблема неэф-

фективной рекламы некоторых проектов. Функциональная характеристика краудсорсингового проекта предполагает привлечение максимального количества участников. Отсутствие продвижения проекта в массы снижает его степень узнаваемости, большое количество людей могут просто о нём не знать вне зависимости от качества данного проекта. Существенное влияние на развитие краудсорсингового проекта оказывает мотивационный фактор. К примеру, в отличие от краудсорсинга, аутсорсинг предполагает денежное вознаграждение за оказываемую услугу [1, 4]. В современном мире заставить человека выполнить какую-либо работу без определённого денежного финансирования достаточно сложно. Создатели краудсорсинговых проектов вынуждены находить новые, менее затратные методы мотивации. Зачастую, мотивы участия в проекте основаны на получении удовольствия и общности интересов. Для множества людей данная деятельность представляет собой хобби, интересное занятие, которым можно разбавить досуг с удовольствием, либо быть ориентированными на повышение своего статуса. Также люди могут быть стимулированы поиском единомышленников, расширением круга знакомств и общения и другое.

Нельзя не отметить также существующий барьер неравноценной конкуренции. Многие проекты созданы при непосредственном участии государственных структур, а, значит, имеют значительную финансовую, информационную и административную поддержку. В тоже время, многие краудсорсинговые проекты не имеют необходимого административного ресурса, и опираются в рамках деятельности, в большинстве случаев, лишь на профессионализм руководителей и команды. Краудсорсинг как технология генерации идей и решений особую популярность приобрёл в сети Интернет. Однако многие ещё не в полной мере готовы к участию в политической жизни региона, особенно посредством сети Интернет. При этом большая группа населения индифферентна по отношению не только к краудсорсингу, но и к сети Интернет в целом. Современные краудсорсинговые проекты, в большей степени, предполагают привлечение новых людей посредством новейших ИКТ и Интернета. Поэтому участие людей, не имеющих к данным технологиям доступа, оказывается невозможным. Поэтому целесообразно выделение такого барьера, как технологический.

Важным барьером развития краудсорсинга является психологический. Зачастую, в рамках краудсорсинговых проектов возникают трудности в управлении и контроле над большими массами людей. «Crowd» в переводе с английского означает толпа, а она, как известно, трудно управляема. Кроме этого, для краудсорсинговых проектов характерна легкость возникновения манипулирования при обсуждении различных мнений. Часто общественное признание получает тот, кто является наиболее активным. Степень объективности полученной информации не находится в

прямой зависимости от активности отдельного участника. В рамках психологического барьера возможно выделение более узкой проблемы - коммуникативный барьер. Эффективный краудсорсинг может осуществляться только при наличии качественных обратной связи и взаимодействия руководителей и участников. В то же время многие проекты фактически являются закрытыми, то есть обратная связь с руководителями проекта отсутствует. Данный фактор порождает возникновение других барьеров, указанных ранее – мотивационных, психологических. Для психологического барьера также характерен фактор недоверия. Это связано с тем, что встречаются проекты, создателями которых являются недобросовестные руководители, в том числе и мошенники. Подобные проекты формируют негативный образ технологии краудсорсинга в целом.

По результатам использования краудсорсингового проект возникает трудность обработки полученной информации, особенно в ситуациях, когда она дублируется. Чтобы произвести обработку полученных идей и решений, осуществить их ранжирование, исключить некачественные инициативы, требуется колоссальное количество затраченного времени. Поэтому значимым становится временной барьер. Также существует невозможность контролировать ход реализации проекта (возникают трудности планирования результата по срокам).

Наличие существующих барьеров значительно осложняет развитие данной технологии. Однако, при грамотном управлении краудсорсинговым проектом, при правильной постановке целей и задач, проработке резервных путей решения проблем, насколько автор мотивирован достижению цели проекта при непосредственном применении технологии краудсорсинга, влияние данных барьеров можно свести к минимальному значению.

Литература

1. Сивакс А.Н. Краудсорсинг как способ оптимизации функционирования предприятий // Науковедение. 2015. №1. С. 4-8.
2. Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: «Альпина Паблишер». 2012 – 288с.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПОДАРКА СОЦИАЛЬНЫМИ НАУКАМИ

А. Е. Котомкина

Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет, г. Пермь
kotomkina95@mail.ru

Обмен подарками занимает заметное место в индивидуальном потреблении. «Подарок - это товар, в котором ключевое место занимает социальная ценность, поскольку его главная функция - создание и поддержание социальных сетей» [1, С. 270].

Основы изучения данного феномена были заложены антропологами, в частности Моссом. В своих исследованиях он делает акцент на юридическом и экономическом основании дарообмена в архаических обществах. Дар, по мнению Мосса – это универсальная составляющая общества. Он описывает принципы обмена дарами, которые в дальнейшем стали основой концепции изучения дара как социокультурного феномена в любом типе общества. Работа М. Мосса «Очерк о даре» раскрывает особенности и специфику отношений обмена в архаичных обществах, которые помогают нам при анализе процесса дарения в наши дни. Критический анализ труда М. Мосса сделал М. Годелье в своей работе «Загадка дара». Годелье подчеркивает вопрос, поставленный ещё Моссом о том, что вещь обладает силой, эта сила соединяет вещь с тем, кто её подарил. Эта сила имеет двойную связь, так как помимо связи с дарителем эта вещь начинает оказывать влиянием и на получателя подарка. Одним из недостатков, выделенных Годелье в теории Мосса, является абсолютизация роли обмена и отсутствие анализа того, что обмену не подлежит.

Ещё одним исследователем теории дарообмена является Н. Зибер. В своих очерках он рассматривал обмен и дар как самостоятельные явления и исследовал их свойства и функции в отдельности. При этом автор соединил явления гостеприимство и дарение. Зибром была закреплена идея о том, что дарить и получать подарки является обязанностью всех членов общества, которая необходима для поддержания социальных связей: «Прямой целью дарения является поддержание взаимных общиннородовых связей» [2, С. 17].

Среди экономистов исследованием данного вопроса занималась А.Б. Фенько. Она рассуждает о том, что для производителей и продавцов чрезвычайно важно знать правила и привычки тех, кто делает подарки, так как большинство современных подарков покупаются в магазине, и необходимо знать какие товары будут приобретать чаще. Особенность изучения экономики подарка – вопрос о том, представители каких социально-демографических групп делают больше подарков, по каким случаям и кому, а так же, сколько денег люди в среднем тратят на подарки.

В психологической литературе одним из первых упоминаний о подарке было замечено в работе «Психологические заметки», автором которой является Л. Перлз. Она дает следующее определение подарку: «Подарок – это то, что просто есть, что предложено... Подарок – это не жертва, а то, что дают легко, не ожидая ничего взамен» [3, С. 61]. Интересным

направление в психологии подарка является соотношение психотипа личности с формой подарка. Психологами разработан ряд советов и рекомендаций касаюю выбора и преподнесения подарка индивиду, в зависимости от его индивидуальных особенностей.

Теоретико-методологические основы изучения подарка социологами заложил В.И. Ильин. В своих публикациях в первую очередь, он останавливает свое внимание на купле-продаже и дарении. Проводит разграничение между ними и выделяет характерные для каждого явления черты. И главным отличием между ними он называет то, что «дарение носит бескорыстный, а продажа – корыстный характер» [4]. Ильин так же пытает провести грань между подарком и взяткой и приходит к выводу, что подарок – это замаскированная форма взятки, проявляющаяся в условия когда, подарок выступает как плата за конкретную услугу, либо если он используется в отношениях людей, не являющихся членами одной социальной сети. Помимо этого Ильин обращает свое внимание на социальное конструирование подарка и самого процесса дарения. Он говорит о том, что процесса дарения имеет ритуализированный характер, который буквально соответствует формуле «повор + вещь + ритуал + сетевые отношения» [4]. А вещь становится подарком лишь тогда, когда подарок становится неким напоминанием, что даритель и получатель принадлежат к одной социальной сети. Так мы переходим к следующему аспекту исследований В.И.Ильина «подарок как инструмент поддержания социальных сетей». В.Н.Ильин утверждает, что подарок является средством поддержания социальных сетей, которые можно разбить на 4 основные группы: семья, родные и близкие, не входящие в данное домохозяйство, члены неформального круга друзей и коллеги.

Для того, чтобы социальные сети не разрушились их нужно постоянно поддерживать. Условием поддержания ее рабочего состояния являются «инвестиции» в нее. Другими словами, сеть будет давать отдачу при условии вложений в нее средств, сил, внимания, душевной теплоты. Она строится на принципе взаимности. Если одна сторона вкладывает ресурсы в поддержание сети, а вторая только пользуется ими, то сеть может приобрести неустойчивый характер или вообще разрушиться.

Литература

1. Ильин В.И. Потребление как дискурс: учеб.пособие. – Спб., 2008. – 446 с.
2. Смелова Е.З. Культурная специфика и функции дарения в советской России первой половины XX века: автореф. дис. канд. культурологии. Москва, 2013.

3. Попова Л.В. Социально-психологические факторы процесса дарения в российской культуре // Северо-кавказский психологический вестник. 2011. №2. С.59-62.

4. Ильин В.Н. Подарок как социальный феномен [Электронный ресурс] // электрон. журн. Рубеж (альманах социальных исследований). 2002. № 16-17. URL: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/volumes.html> (дата обращения: 15.10.2016).

5. Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц., послесловие и комментарии А. Б. Гофмана. М.: 1996. 169 с.

ЭТИКА И ПРАГМАТИКА ПОСТУПКА В ВИДЕОИГРАХ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА RPG-ИГР).

И.С. Кудряшов

Новосибирский государственный университет
Новосибирский государственный медицинский университет,
г. Новосибирск
ioann1983@yandex.ru

Видеогames стали обыденным явлением, поэтому актуально их философское осмысление. Исследования виртуальной реальности редко обращаются к логике, по которой моделируется поведение игрока. Потребность в изучении организации компьютерной игры связана с обвинениями, инкриминирующими играм формирование психологической зависимости и неадекватных моделей поведения. Нужен обоснованный анализ фактов, который предпочтительнее объяснений *post hoc, ergo propter hoc*. На основе аналогий можно обвинить и увлечение шахматами в том, что оно формирует воинственное (шахматы – модель войны) и цинично-бессердечное (жертвуя пешку, получаешь преимущество) поведение.

Предлагая определенные условия и правила действия в виртуальном мире, игра может создать шаблон, который явно или неявно будет использован субъектом для организации поведения в других жизненных ситуациях. Здесь возникает ключевая проблема: провести четкую границу между прагматикой и этикой в играх сложно, т.к. последствия выборов ограничены запрограммированными вариантами виртуального мира игры (и игроку это известно).

Возникает два методологических вопроса. Считать ли выбор и поступок в игре идентичными выборам и поступкам в реальной жизни? Правомерно ли рассмотрение действия через виртуального персонажа и/или в отношении таковых в этике, или это только заданные правилами игры логические возможности? Имплицитная позиция «обвинителей игр» состоит

в положительном ответе на оба вопроса. Мы представим более сложный взгляд: выбор в игре является моделированием ситуации реального выбора, но не может отождествляться с ним, т.к. тело человека не присутствует в ситуации. Поступок возникает лишь в силу воли и сознания, воплощенных в теле, следовательно, действие через виртуального посредника в большей степени будет восприниматься как информация о поступке, чем как личное действие. Но компьютерные игры могут вовлекать игрока настолько, что он испытывает реальные эмоции в отношении игрового персонажа или других. Схожее происходит при чтении художественной литературы: главный герой

воспринимается как модель решения проблем, но за счет симпатии и идентификации с ним, у читателя возникает ощущение проживания некоторых поступков героя как своих. В видеоигре эта идентификация усиlena за счет субъективной реакции игрока на последствия своих выборов: вина или неудовольствие ретроактивно создают автора поступка. Поэтому второй вопрос мы решаем в пользу этики. Опосредованный виртуальной реальностью поступок (в отношении как неигровых персонажей, так и управляемых другими людьми) подлежит этической оценке, т.к. может вызывать реакцию субъективного принятия и дальнейшего воспроизведения в реальных ситуациях. Подлежащую моральной оценке активность в виртуальной среде мы определяем термином «эмультация» поступка. Этот термин предпочтительнее «кимитации» или «симуляции», т.к. этимологически намекает на способность конкурировать по действенности с оригиналом.

Виртуальная реальность ограничена программой [см. 2], однако, воспринимая игру через чувственные образы, мы можем как подражать, так и делать определенные умозаключения о логике взаимодействия этих образов (в рамках логики произведения, а не в логике программы, стоящей за ним). Подкрепление действий последствиями в виртуальной реальности усиливает этот эффект. Поэтому виртуальный мир – это тоже пространство для проявления воли субъекта, а там, где действует воля рано или поздно возникает вопрос о нормативности и, следовательно, об этике.

В качестве основного объекта анализа выбран жанр компьютерных игр ролевая игра (CRPG или RPG, от англ. computer role-playing game). RPG обладает сложной системой персонального взаимодействия, что делает актуальными вопросы прагматики и этики выбора. По своей организации RPG, делая серьезную ставку на нарратив, уникальность игрового мира и развитие героя, стремится к динамичному взаимодействию игрока с компьютерными персонажами. Многие определяют специфику жанра через переживание личного выбора и возможность тестирования моделей поведения. Уорен Спектор ключевой чертой CRPG называет «отыгрыш роли»: «Отыгрыш – это свобода игрока действовать по своему усмотрению».

нию в рамках предложенной нами истории. (...) Это возможность спокойно опробовать модели поведения перед тем, как перенести их в реальный мир» [3]. Этическая составляющая игровых вызовов связана и с одним из источников CRPG – с настольной игрой Dungeons&Dragons [1, С. 12]. В D&D существует система мировоззрений (alignment), которая отражает моральные нормы персонажа для отыгрыша игроком. Моральный облик героя определялся по двум линиям «добро- зло» и «порядок- хаос», с возможностью нулевого (нейтрального) положения. Эта система используется как для детального прописывания конкретного персонажа игры, так и для общей характеристики расы, группы или класса. Учитывая сильные симпатии некоторых игроков к той или иной расе или классу, вероятно и сознательное подражание соответствующей мировоззренческой позиции (в около-игровой деятельности, а затем и в повседневности).

Проанализировав опыт создателей игр и игроков, мы выделили три основных модели для стратегических и тактических решений в RPG-играх. Игроки комбинируют их, хотя многие тяготеют к одной. Это три модели прагматического восприятия выбора и поступка, предопределенные самой структурой игрового мира и его возможностей. В то время как этический аспект возникает лишь при условии возникновения дополнительного фактора, помимо понимания требований успешной игры (эффект иммерсии, эстетическое принятие и др.).

Литература

1. Barton M. Dungeons and Desktops: The History of Computer Role-Playing Games. Taylor & Francis, 2008.
2. Карпицкий Н.Н. Онтология виртуальной реальности. [Электронный ресурс] URL: <http://tvfi.narod.ru/virtual.htm>
3. Спектор У. Забывшие о роли в ролевых играх. [Электронный ресурс] URL: http://core-rpg.ru/publ/rpg/genre_about/uorren_spektor_zabyvshie_o_rolи_v_rolevykh_igra_kh/3-1-0-77, размещено: 27.07.2013 (дата обращения: 11.10.2015).

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ СОСТАВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТУРЫ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1943)

A.C. Кусторовская

Новосибирский Государственный Университет, г. Новосибирск
Lieben-08@mail.ru

Адвокатура – особая корпоративная группа в составе отечественной юридической интеллигенции, которая пережила драматические

трансформации в первой половине XX в. Будучи накануне Первой мировой войны одной из наиболее авторитетных социально-профессиональных страт российского социума, в эпоху войн и революций ее статус фактически был низведен до одной из низших групп в новой советской судебно-юридической системе. В дальнейшем произошла терминологическая замена «адвоката» на «защитника». Формально в 1920-1930-е гг. сохранялись элементы самоуправления, но коллегии защитников строго контролировались со стороны органов юстиции. С начала 1930-х гг. состав коллегий подвергся ускоренной «советизации», происходила форсированная и целенаправленная смена поколений. После интенсивных «чисток» 1937 - начала 1939 гг. корпорация, по мнению властей, приобретает требуемый социально-политический облик. Все «враждебные элементы» были исключены, частью репрессированы, и на смену им пришли новые выдвиженцы из «трудовой» среды. Признаком лояльности власти к корпорации явилось возвращение ей в канун начала Второй мировой войны прежнего названия «адвокатура».

Политика государства 30-х годов по отношению к институту адвокатуры отражала все стадии и механизмы становления в стране тоталитарного режима. И именно адвокаты как никто другой ощутили на себе эти глобальные изменения. Политическое давление в отношении адвокатуры усиливалось, а «чистки» и массовые репрессии изменили состав и повлияли на качество оказываемых населению юридических услуг. «Классовый подход» к решению любых проблем становился преобладающим, осуществлялся переход от частной практики к коллективным формам работы адвоката. Важной особенностью периода явился факт постепенного внедрения в ряды корпорации членов партии [1, С. 70-73, 102].

С началом Великой Отечественной войны положение, состав, функции адвокатуры существенно изменились. Обострившийся дефицит юридических работников потребовал экстренных решений. На протяжении лета 1941 г. юридические школы страны выпустили около 1500 слушателей, а в крупных городах организовались шестимесячные курсы, готовившие стажеров, в т. ч. для адвокатских коллегий. Изменения, вызванные войной, в полной мере затронули и новосибирскую адвокатуру: в связи с мобилизацией менялся ее состав, в Новосибирск с осени 1941 г. прибывали эвакуированные адвокаты, которые пополняли коллегию.

За период 1941-1942 гг. работа Президиума Новосибирской областной коллегии адвокатов по подбору кадров и укомплектованию районов характеризовалась следующими данными: общее количество адвокатов в 1941 г. составило 140 человек, в 1942 г. – 126 человек, таким образом за данный период состав областной коллегии сократился на 10 %, среди мужчин показатель за 1942 г. снизился на 22 человека, среди женщин, наоборот, показатель увеличился на 8 человек по сравнению с прошлым го-

дом. К 1943 г. количественный состав коллегии по-прежнему продолжал снижаться, составив 104 адвоката. Несмотря на отрицательную динамику, основные задачи корпорации продолжали оставаться прежними в виде оказания правовой поддержки населению, однако к этому в особом порядке добавлялись оказание юридической помощи военнослужащим, инвалидам и семьям ушедших на фронт. Помощь данным категориям граждан оказывалась на бесплатной основе, участвовали в ней наиболее квалифицированные кадры.

На момент второго полугодия 1942 г. адвокаты Новосибирской области приняли участие в оборонных мероприятиях, проводимых как на местах, так и по указанию центральных органов, а именно вносили значительные суммы на производство военной техники. К тому же, в годы войны адвокаты проводили общественную работу в госпиталях Новосибирска, а также перечисляли средства в Фонд обороны. Показатели оказания юридической помощи населению по области на 1 января 1943 г. составили более 23 тысяч обращений, данный факт свидетельствует о том, что несмотря на снижение численности коллегии адвокатов, функционирование данного общественного института в условиях военного времени являлось одним из необходимых факторов в стабилизации порядка.

Социальный состав адвокатов был разношерстным, но с явным преобладанием в нем выходцев из среды крестьянства. Такие показатели, как доля партийной и комсомольской прослойки к 1942 г. заметно снижаются на 16-20%. Образовательный облик адвокатуры к 1942 г. в Новосибирске претерпел изменения: доля имевших высшее юридическое образование увеличилась на 56% (с 20 человек в 1941 г. до 45 в 1942 г.), имел место прирост на 32% числа лиц с неоконченным высшим юридическим образованием (в 1941 г. – 13 человек, 1942 г. – 19), но появляются и лица, прошедшие лишь полугодовые и трехмесячные курсы [2].

Война оказала значительное воздействие на адвокатуру, однако это влияние носило разнородный характер. Социальный состав корпорации, благодаря новой генерации, стал более «народным», но при этом сохранил свою пестроту и неоднородность. Беспартийность осталась доминирующей характеристикой политического облика адвокатуры. Рост групп с высоким образовательным цензом «гасился» наплывом в корпорацию лиц с незначительным стажем юридической деятельности. Рост объемов юридической помощи, где значительной оказывалась доля бесплатных консультаций, не влиял на уровень жизни адвокатов, снизившийся в военное время.

Литература

1. Быковская Е. А. Адвокатура Новосибирской области в 1920-1980-е годы. 2003. С. 70-102.

ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ДИНАМИКУ ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

А.А. Леонова

Новосибирский государственный университет
nastleon@inbox.ru

На протяжении последних двадцати лет экономическое развитие в России сопровождалось проявлениями отрицательных процессов, таких как снижение численности населения, падение реального дохода, «устаревание» основных средств, ухудшение системы образования, «утечка умов». При этом благосостояние любой страны тесно взаимосвязано с качеством труда, в основе которого лежат способности каждого определенного человека использовать знания наилучшим образом и расти за счет обучения. Именно поэтому сегодня человеческий капитал необходимо рассматривать в качестве основного фактора, обеспечивающего экономический рост.

В этом отношении теоретическое и методологическое развитие подходов к анализу оценки человеческого капитала оказывает влияние на производство, темпы экономического роста и научно-технического прогресса, а также на методы оценки их влияния.

Существует острая необходимость в развитии и обосновании теоретических и методологических подходов к измерению и количественной оценке человеческого капитала, а также к макроэкономическому эмпирическому анализу его влияния на экономическое развитие.

В Российской Федерации крупные города, такие как Москва и Санкт-Петербург, а также плотно населенные и урбанизированные регионы причисляются к регионам с большим уровнем накопленного человеческого капитала. По большому счету в них и в городах-миллионерах, находятся конструкторские, научно-исследовательские и проектные организации, передовые научно-исследовательские и высшие образовательные учреждения.

Производство, накопление и применение новых знаний очень интенсивно происходит в научно-технических центрах, что по небезосновательным предположениям проявляется в более высоких доходах населения и более высокой производительности всех факторов производства в сравнении с менее населенными и менее урбанизированными территориями.

В современной урбанизированной экономике увеличивающаяся плотность населения, вызванная его ростом, способствует специализации людей и росту инвестиций в человеческий капитал, а также ускорению

накопления нового знания. Самый важный общий фактор увеличения эффективности экономики - рост ее масштабов с ростом населения, его плотности и урбанизации. Кроме того, плотное население способствует передовой профессиональной специализации, а также образованию новых знаний и навыков, мотиваций для следующих поколений.

Для оценки величины накопленного человеческого капитала был использован метод непрерывной инвентаризации (perpetual inventory method), применяемый для расчета стоимости основного капитала. В этом случае основной капитал трактуется как сумма накопленных капиталовложений всех предыдущих лет за вычетом стоимости выбывшего капитала. В данном подходе учитывались не только инвестиции в образование, но и в здравоохранение, физическую культуру и спорт, образование и культуру. При этом за рассматриваемый период прирост составил 145,5 %. Таким образом, было получено важное свидетельство особого значения величины накопленного человеческого капитала в развитии России в целом.

ПРОБЛЕМА ТИПОВ ВИКТИМНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

М.В. Логинова

Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск
christmasbells@yandex.ru.

Актуальность данной темы определяется противоречием между потребностью в философском осмыслиении понятий «виктимность» и «жертва» в контексте современного общества для нужд практики и односторонностью рассмотрения этой проблемы в современной гуманитарной науке.

Социально-философский анализ основных подходов и трактовок понятия «виктимность» и понятия «жертва» в различных отраслях гуманитарного научного знания показал, что, несмотря на наличие в истории философской мысли значительного количества работ, посвященных концепту «жертвы» (например, [1; 2; 5]), занимающиеся вопросом виктимности современные гуманитарные науки, а именно юриспруденция, социология, психология и, как это ни странно, виктимология, на эти работы не опираются. В результате содержание понятие «жертва» сужается и теряется возможность анализа таких явлений как жертва-дар, жертва-посвящение, жертва-служения (например, [3; 4; 6]). Иными словами, можно констатировать появление в современных гуманитарных науках методологической

лакуны в исследовании проблемы виктимности. Данная статья предлагает способ решения данной методологической проблемы.

Будем рассматривать виктимность как комплексное личностное свойство, побуждающее человека к такому поведению, которое нарушает нормы безопасности (см., например, [6]). Следует отметить, что такое определение виктимности обнаруживает амбивалентность данного явления – каждый может представить себе множество ситуаций, где нарушение норм безопасного поведения является при этом социально одобряемым и востребованным действием.

В отличии от утвердившейся в виктимологии точки зрения на виктимность как однозначно деструктивное свойство личности-жертвы выделим конструктивную (социально-одобряемую) и деструктивную виктимность. Этим двум типам виктимности личности можно дать следующие определения. Будем называть *конструктивной виктимностью* комплексное личностное свойство, побуждающее человека нарушать нормы личной безопасности для защиты системы, в которую он включен, в условиях угрожающих ее развитию и/или существованию. *Деструктивная виктимность* это комплексное личностное свойство, побуждающее человека нарушать нормы личной безопасности для разрушения или причинения вреда существующему порядку в системе. Типы виктимности предполагают существенные различия в содержании мировоззрений, в комплексе личностных свойств. В обоих случаях человек полагает, что при определенных обстоятельствах он может рискнуть и даже пожертвовать своей жизнью, однако в целом стоящие за готовностью к риску мировоззрения совершенно различны и, соответственно, тип ситуаций, в которых эти готовности реализуются, также различны, что отражено в Таб. 1.

Таблица 1. Характеристики виктимного мировоззрения

Характеристики мировоззрения	В случае конструктивной виктимности	В случае деструктивной виктимности
Идентификация с группой	является актом выбора	требует постоянного подтверждения
Ценность собственной личности	признаётся на независящих от группы основаниях	не признаётся, либо признаётся по условию принятия группой
Границы ответственности	Принятие личной ответственности за свой выбор	Отказ от индивидуальной ответственности за свой выбор
Вектор целеполагания	интересы группы	соблюдение групповых требований и норм
Высший уровень реа-	служение делу	гибель за дело

лизации		
Модель героического	свершение, достижение	мученичество
Архетип	подвиг Прометея, Сократа, Христа	жертвоприношение, «козёл отпущения»
Отношение к риску и потерям	риски и потери могут быть оправданной ценной результатом	риски и потери добавляют результату ценности

Можно предположить, что различные ценностные основания этих видов виктимности приведут к разным модусам функционирования конструктивно и деструктивно виктимной личности в сходных типах социальных ситуаций. Кроме того, у конструктивной виктимности есть значительная мотивационная продуктивность, она участвует в формировании субъективной осмысленности жизни, позволяет избежать «экзистенциального вакуума».

Поэтому необходимо осмысление механизмов формирования конструктивной и деструктивной виктимности в условиях современного общества.

Литература

1. Жирар, Р. Козел отпущения. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. –274 с.
 2. Маритен Жак. Человек и государство / Пер. с англ. Т. Лифинцевой. М: Идея—Пресс, 2000. — 196 с.
 3. Руденский, Е.В. Деформация Я—концепции как предмет социально—педагогической виктимологии (опыт экспериментального исследования)/Е.В. Руденский. — Новосибирск: Сиб. ПСИ, 2000. — 59 с.
 4. Селигман, М. Новая позитивная психология. Новый взгляд на счастье и смысл жизни/М. Селигман. —ООО Изд—во «София». —368 с.
 5. Соловьёв, В. С. Оправдание добра. Изд—во: Академический проект, 2010 г. — 671с., 315
- Туляков В. А. Виктимология.— Одесса: Юридична література, 2006. –348 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В 1920-1930-Е ГГ. В ХАКАСИИ

Е.А. Лыщицкая

Институт истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова г. Абакан

Коренные народы являются носителями национального самосознания, и именно они вырабатывают основные формы национальной идеологии. Советское государство представляло собой крупное многонациональное территориальное образование. Для внедрения и принятия коммунистического строя в регионах столь большой страны советской власти приходилось прилагать колоссальные усилия, для обучения малых национальностей и приобретения ими достойного уровня образования, базирующегося на принципах марксистской идеологии.

Интеграция коренного населения в советскую государственность и приобщение коренных национальностей к новой советской идеологии было возможно через национальные кадры, которые являлись носителями этнической самобытной культуры.

В случае их способности к восприятию и переработке основных социалистические догм, идея интеграция коренного населения в советскую государственность была осуществима.

Основным слоем национальной интеллигенции были учителя. Поэтому от того какую позицию займет уительство зависел успех борьбы за новую культуру, подготовку кадров [1, с. 31].

В рамках существующей к тому времени действительности, в Хакасии остро стоял вопрос подготовки педагогических кадров нового типа, с марксистско-ленинским мышлением и готовностью к организации всеобуча и ликбеза.

Важнейшей была проблема подготовки учителей из коренного населения. Для осуществления данной задачи наиболее эффективными были краткосрочные педагогические курсы.

Во второй половине 1920-х гг. были организованы шестимесячные курсы по подготовке хакасских учителей в количестве 200 чел. для начальных школ и годичные курсы для подготовки учителей повышенной школы на 80 чел. В 1921 г. в Минусинске трехмесячные курсы окончили 20 учителей-хакасов. В 1923-1924 гг. в школах Хакасии работал 81 учитель, из них 18 хакасов [2, с. 75].

В 1924 г. группа хакасов была направлена в Красноярскую Советскопартийную школу и Коммунистический университет трудящихся Востока, а в 1925 г. были направлены еще 7 чел [2, с. 73]. В связи с нарастающими изменениями в содержании обучения требовалось: культураторы, ликвидаторы безграмотности, учителя и другие специалисты. Решение задач подготовки и переподготовки педагогических кадров стояла очень остро.

В 1924 г. работало 38 хакасских школ с 18-ю учителями-хакасами, обучалось 2228 учащихся-хакасов. В 1937 г. работало уже 60 начальных, 8

неполных средних и 1 средняя хакасская школа, в которой преподавало 165 учителей [3, с. 48]. С 1926 г. стали открываться национальные отделения Советских партийных школ. В Хакасском отделении Красноярской Совпартшколы в 1926 г. обучалось 18 хакасов.

21 человек из Хакасии в 1927 г. были направлены в Сибирскую партийную школу, из них: русских – 6, хакасов – 15, потом еще дополнительно: русских – 2, хакасов – 8. 22 человека в 1927 г. были командированы на рабочие факультеты вузов, из них 5 русских, 16 хакасов. Окончили подобные трехмесячные курсы 17 человек, которые были направлены на рабфак, из них 13 хакасов. 19 человек – в совпартшколу, из них 11 хакасов [2, с. 74].

С 1924 по 1928 гг. на учебу в Совпартшколы, техникумы и вузы Москвы, Красноярска, Томска и других городов страны было направлено 140 человек, из них хакасов – 83 человека [4, с. 61]. При отправлении на учебу предпочтение отдавалось лицам коренной национальности.

Первая Хакасская областная партийная конференция, проходившая 3-5 февраля 1931 г. предложила предстоящий набор в школу Колхозной молодежи обеспечить полностью за счет хакасов, в Черногорский горпромуч принять 200 чел. из коренного населения, а в Саралинский горпромуч – не менее 50% лиц хакасской национальности. Для учащихся хакасов организовывались специальные учебные и производственные группы [5, с. 74].

В 1931 г. подготовка кадров заметно улучшилась. Количество учащихся в советско-партийной школе возросло с 128 в 1930 г. до 275 в 1931 г., соответственно число хакасов увеличилось с 81 до 160 человек.

В педагогическом техникуме число учащихся возросло с 110 до 284, из них хакасов с 60 до 126 человек. Были созданы хакасские отделения при краевой профсоюзной школе с количеством обучающихся – 94 чел. и в Высшей колхозной школе – 38 чел. Всеми курсовыми мероприятиями было охвачено 1147 человек, из них хакасов – 563 [5, с. 75].

Таким образом, государство предоставило все возможности для ускоренной подготовки специалистов и повышения квалификации национальных кадров всех отраслей экономики и культуры. В результате культурного строительства к концу 1930-х гг. в целом хакасы были полностью включены в «единую братскую семью советских народов».

Литература

1. Тихоньких В.П. Привлечение старой национальной интеллигенции к социалистическому строительству в Хакасии (1920-1937 гг.) / В.П. Тихоньких // Великий Октябрь и социалистическое строительство в Хакасии. Материалы обл. науч. конференц. Абакан: Хакасское отделение книжного издательства, 1988. – 253 с.

2. Асочаков В.А. Культурное строительство в Хакасии (1917-1937) / В.А. Асочаков. Абакан: Хакас. отделение Красноярского кн. изд-ва, 1983. – 120 с.
3. Савилов С.И. Письменность и развитие народного образования в Хакасии (в годы советской власти) / С.И. Савилов // 40 лет хакасской письменности: материалы науч. конф. Абакан: Хакасское отделение книжного издательства, 1967. – 80 с.
4. Ултургашев С.П. Из истории формирования советской интеллигенции в Хакасии / С.П. Ултургашев // Уч. Записки ХакНИИЛИ. Абакан: Хакасское отделение книжного издательства, 1963. – 129 с.
5. Нагрузов Д.И. Деятельность Хакасской областной партийной организации по подготовке национальных кадров (30-60-е годы) / Д.И. Нагрузов // Великий Октябрь и социалистическое строительство в Хакасии. Материалы обл. науч. конференц. Абакан: Хакасское отделение книжного издательства, 1978. – 197 с.

ЭТНИЧЕСКИЕ АНКЛАВЫ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

С.А. Мадюкова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
sveiv7@mail.ru

*Работа выполнена при поддержке РГНФ: Проект №16-03-00144а
«Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества:
построение системы показателей и апробация в деятельности
органов муниципального управления города Новосибирска»*

Одной из характеристик современных российских мегаполисов является наличие в них этнических анклавов трудовых мигрантов. Само понятие «анклав» происходит от латинского *inclusus* — «закрытый, запертый» и изначально обозначает часть территории государства, полностью окружённую территорией другого государства. Однако в настоящее время все более очевидной является именно тенденция этнической анклавизации. Наиболее часто этнический анклав понимается как место компактного проживания одного народа, окруженное территорией проживания другого народа. Мы будем понимать под этнической анклавизацией концентрацию людей по этническому признаку в местах проживания, в разделении труда по «этническому признаку» и пр.

Стоит согласиться с В. И Мукомелем и И. М. Кузнецовым, что «анклавизация - результат политики принимающего общества. И дело не только в бытовых, чаще всего не складывающихся отношениях между

представителями общины и местным населением. Огромное значение приобретает действенность социальных, экономических, культурных институтов, призванных обеспечивать социализацию населения. Однако в современных условиях они слабо ориентированы на социализацию мигрантов, прибывающих из других социумов» [Кузнецов И. М., Мукомель В. И. С. 34]. Одной из ключевых причин возникновения этнических анклавов, на наш взгляд, является рост антимигрантских настроений у принимающего сообщества в современности. Представители принимающего сообщества руководствуются популярными в обществе стереотипами и предрассудками, проецируя их «по умолчанию» на всех этнических мигрантов. Нами выявлен ряд таких стереотипов и заблуждений в восприятии мигрантов:

1. Гомогенность. Принимающее сообщество воспринимает мигрантов как гомогенную группу, с общими целями и едиными поведенческими практиками, но с увеличением миграционных потоков, увеличивается и разнообразие целей прибытия мигрантов на территорию России, средств достижения этих целей и личностных характеристик мигрантов.

2. Временность. Принимающее сообщество воспринимает мигрантов, как людей, приехавших в Россию временно, на короткий срок, на сезон, тогда как большинство мигрантов приезжают в Россию на достаточно длительный срок, в том числе – на постоянное место жительства.

3. Искаженное восприятие исторического и географического контекста. Отношение к мигрантам из регионов Средней Азии и Кавказа в целом хуже, чем, например, к современным жителям Германии (они не воспринимаются как «потомки фашистов»), несмотря на то, что представители этих регионов до недавнего времени были жителями одной страны (СССР), а некоторые и в настоящее время являются россиянами (выходцы из Дагестана, Чечни и т.д.).

4. Социокультурная специфика. Отличия в языке, религии, антропологические отличия, отличия в системе ценностей создают эмоциональный фон, в рамках которого принимающим сообществом мигранты воспринимаются как иные, чуждые, и при этом «пришедшие в Тулу со своим самоваром».

5. Иррациональный характер этнического неприятия. Нередко встречается этническое неприятие мигрантов, не подкрепленное (и не нуждающееся в подкреплении) никакими объективными фактами [Мадюкова С. А. С. 47].

Такие стереотипы и заблуждения препятствуют успешной интеграции мигрантов, запуская процесс анклавизации, воспроизведения своей традиционной жизненной среды внутри мегаполиса. Справедливо замечание И. М. Кузнецова и В. И. Мукомеля о том, что «анклавизация тех или иных этнических общин в общественном мнении россиян трансформиру-

ется в подозрительность, обвинения в клановости, мафиозности, замкнутости» [Кузнецов И. М., Мукомель В. И.С.35].

Важно отметить, что анклавизация - чаще всего осознанная стратегия адаптации к принимающему обществу, обусловленная низким уровнем готовности самой мигрантской общины к интеграции с местным сообществом. Бюрократичность процедуры оформления регистрации и разрешения на работу, плохое знание русского языка и российского законодательства, представление (не безосновательное) о принимающей среде, как настроенной враждебно – всё это вкупе приводит к воспроизведству патриархальной структуры на новой территории, что, с одной стороны, имеет положительные стороны, упрощая для мигранта, чаще всего, выходца из села, процесс адаптации, беря на себя роль «посредника» во взаимодействии с принимающим обществом. Обратной стороной медали анклавизации и опоры на традиционные структуры является то, что сельский мигрант не социализируется в принимающем сообществе, не приобретает опыта адаптации к городской среде, не учит русский язык, не получает профессиональной квалификации. Кроме того, «проблематичность существования такой среды в том, что она имеет тенденцию превратиться в устойчивую, преемственную и саморазвивающуюся теневую достаточно сильно коррумпированную субкультуру с соответствующей обслуживающей инфраструктурой, включающей местных жителей и официальных лиц разного уровня и с вероятной привязкой к определенным территориям принимающего сообщества, т.е. в некоторый конфликтогенный многонациональный анклав городской среды» [Кузнецов И. М., Мукомель В. И.С.33]. Сегодня о существовании этнических анклавов и связанных с этим проблем можно говорить как о свершившемся факте. Успешность взаимной адаптации принимающего сообщества и мигрантов является актуальнейшей задачей современности, которая ждёт своего решения.

Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., Институт социологии РАН, 2005, 51 с.

Мадюкова С.А. Стереотипы и заблуждения в восприятии мигрантов принимающим сообществом / Россия – пространство диалога народов: Материалы всероссийской научно-практической конференции / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2016. – 112 с. С. 47.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАГНОСТИКИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

А.С. Насонов

ФГБУ ВО НГТУ, г. Новосибирск

artyr19barca@gmail.com

Актуальность исследования. Современный город – пространство многообразных отношений, среди которых межэтнические отношения занимают особое место, выступая основой диалога между людьми различных этнических и культурных групп. Общество объединяется в зависимости от факторов, побуждающих к действию – экономических, трудовых, этнических. В Новосибирске, как и во множестве других современных городов, увеличивается качественное разнообразие и количество различных этнических групп. По данным Новосибстата более пятидесяти этнических групп проживающих сегодня в городе.[3]

Проблема состоит в том, что поведение людей зависит от их ценностных ориентиров и способствует интерпретации фактов через призму социального поведения, роли, идентичности этнической группы.[1] Новосибирск – представляет широкий спектр различных профессий и видов занятости, и поэтому многие стремятся попасть в этот город. Попадая в незнакомый для себя населенный пункт, приезжие, особенно представители других национальностей, неизбежно сталкиваются с проблемой адаптации. Они встречают другую организацию жизни. Поэтому обращение к ресурсам интернета, где можно найти объединения, объединённые по этническому, земляческому признаку, для него особенно актуально. В интернете не существует пространства и времени, и тем самым связь осуществляется «здесь и сейчас». В масштабе такого пространства действия индивидов направленны на поиск популяции «своих».

Интернет – среда служит средством информирования и коммуникации, где есть возможность формирования своей этнической группы. Тем самым происходит сближение по национальному признаку для решения задач. Возможно, что это группа будет размещена для освоения определенной территории и станет неким убежищем и картой в незнакомой области жизни. Зачастую такие групповые объединения являются «консервантами», которые организуют рамки своей группы для поддержания и сохранения своих культурных ценностей. Также сообщества могут служить отражением действительности – недостаток ресурса, желание в работе, желание проявить свою жизненную позицию. В результате сближения нескольких национальных групп происходит адаптация и обмен культур-

ными ценностями, обмен технологиями. Также это может являться средством мобилизации для решения значимых проблем.

Объектом исследования являются новосибирские группы «ВКонтакте» консолидированные на национальной и территориально – географической принадлежности.

Предмет исследования: конфликтологический анализ сетевых отношений этнически маркированных интернет - сообществ, идентифицирующих себя как новосибирские, взаимосвязь групп между собой.

Целью исследования является выявление и картирование этнических сообществ и социальных сетей выходцев из Средней Азии, объединённых по признаку проживания в городе Новосибирск в интернет - среде.

Метод: Социальные отношения получили своё развитие в виртуальной среде, и имеют своё условное распространение и развитие среди других общностей. Каждая такая группа обладает своими качественными характеристиками. Соотношение групп на едином пространстве и отображение их характеристики позволяет выстроить гипотезы, выделить качество связи, как между группами, так и количество с другими. Построение условий для отображения объектов пространства посредством метода картирование. Изображение предоставит материал, через который можно дать описание объединениям групп, определить входные точки в конфликт, и вести прогноз относительно интернет сообщества. Метод картирования подразумевает моделирование, визуализацию, графическую презентацию любой пространственной – локализованной информации в соответствии с задаваемыми параметрами с целью познания изображаемых явлений.[2] В соответствии с определением картирование, исследование, проведенное в рамках социальной сети в интернет – среде будет именоваться сетевым картированием.

Индикаторы: количество участников по национальному признаку, записи с национальным признаком в контексте группы, связи групп между собой по количеству участников, цель группы.

Результатами исследования являются:

1. Идентификация членов группы прослеживается, как и в этническом отношении, так и в территориальном отношении. Например: «Казахи Новосибирска» указывает на наличие в группе казахов ранее проживавших в Казахстане, приезжих и живущих на постоянной основе.
2. Многочисленное взаимодействие групп объединённых по этническому признаку, обусловлено близостью по родству и культуре поведения.
3. Каждая группа обладает своими характеристиками, и в результате исследования были выявлены категории групп: информационная, где в большей степени присутствуют записи, публикованные от имени группы; коммуникационная, где участники ищут общение, знакомства; содейст-

вующая, в таких группах предлагается помочь в качестве места работы, обучения.

4. Многие группы связанны с сообществом «Новосибирские татары». Может сказать о том, что татары имеют некоторый статус в городе, и условно, являться посредником в отношениях с другими национальными группами.

5. На карте можно выделить сплоченность казахских объединений, несмотря на их распространённость в других сообществах.

Литература

1. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.: Этносоциология. М.: Аспект -Пресс, 1999. С. 11.
2. Вавилина Н. Д., Скалабан И. А. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории. Новосибирск: «Сибпринт», 2015. С. 17.
3. Национальный состав населения муниципальных образований Новосибирской области // <http://novosibstat.gks.ru/> (дата обращения: 5.10.2016).

ЭТНОЭКОНОМИКА КАК ДЕТЕРМИНАНТА РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Персидская О.А.

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
olga_alekseevna@mail.ru

Считается, что экономическая деятельность максимально рациональна. Однако, в реальном экономическом поведении людей всегда присутствуют некоторые иррациональные компоненты. Часто в научной литературе иррациональный компонент экономической деятельности связывается с особенностями этнической культуры. Механизм проявления этнического «бэкграунда» в экономическом поведении можно описать следующим образом: этнические свойства культуры сообщества, регулярно повторяясь в практиках ведения хозяйственной деятельности, в конечном счете приводят к закреплению паттернов экономического поведения представителей этнической общности.

Очевидно, что связь экономического развития и этнического фактора осознается на государственном уровне, так как сбалансированное, комплексное и системное развитие крупных экономических регионов нашей страны прописано в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (которая является основным документом, регулирующим область национальных отношений) в качестве одной из основных целей.

Регионы Российской Федерации существенно различаются как в экономическом, так и в социокультурном и этническом отношении. Специфика каждого региона обусловлена его историко-культурными особенностями и этносоциальными процессами, протекающими в нем [5, с. 123]. В условиях современного подъема этничности «реэтнизация», то есть яркое проявление этнической составляющей, усиливает свое присутствие во всех сферах жизни современных обществ: социальной, политической, духовной и экономической. В связи с этим, эвристичной для поиска эффективных стратегий экономического развития видится установка на рассмотрение региона как целостной специфичной системы, ядро которой составляет локальное межэтническое сообщество. Таким образом, игнорирование этнической составляющей в анализе экономических процессов регионального уровня может означать игнорирование потенциала развития территорий.

Благоприятной для социально-экономического развития ряда этнических регионов видится реализация моделей региональной политики, акцентирующих необходимость формирования условий для интеграции этноэкономического уклада в систему региональной экономики [3]. Этноэкономика представляет собой «совокупность обусловленных традиционными институтами этноса экономических и неэкономических социальных отношений, выступающих в качестве экономических» [4, с. 4]. Исследования показывают, что этноэкономическая деятельность обладает значительным потенциалом для развития прежде всего сельских территорий, так как предполагает экстенсивный тип занятости с использованием преимущественно аграрного сырья [2].

Этноэкономическая деятельность, на продолжительном историческом этапе развивающаяся и изменяющаяся вместе с развитием этноса, соответствует его психологической природе и укорена в культуре, традициях, укладе жизни в целом. Такая деятельность является наиболее адекватной стратегией для той географической, природной и социальной среды, в которой исторически формировалась. При этом феномен этноэкономики основан на том, что она не просто является совокупностью архаических форм хозяйственного производства, но обладает высокой степенью жизнеспособности на индустриальных и даже постиндустриальных стадиях общественного развития.

Представляется, что продуманная на уровне государственной политики стратегия внедрения элементов этноэкономики в систему хозяйствования может служить нескольким целям. Прежде всего, это манифестирувшаяся в Стратегии цель повышения сокращения экономической дифференциации регионов. Такая цель достижима за счет стабилизирующей функции этноэкономики, проявляющейся, когда она несет на себе функции каркаса аграрной сферы экономики в рамках полигэтнического региона, а

также ее амортизирующей функции – смягчении разрушительных последствий кризиса на экономику региона [6]. Не менее важной для полигничного сообщества представляется цель позитивного укрепления этнической идентичности через сохранение и воспроизведение в ежедневной деятельности традиций и обычаев этносов.

В целом, этноэкономика может быть рассмотрена как стратегический ресурс социально-экономического развития региона. Таким образом, в число ориентиров этнонациональной политики представляется обоснованным внести следующие меры по интеграции элементов этноэкономики в системы хозяйствования регионов:

- Разработка этноэкономических профилей регионов Российской Федерации, учитывающих специфику моделей исторически и культурно имманентных для этнических групп региона форм хозяйствования;
- Формулирование и совершенствование нормативно-правовой базы по внедрению этноэкономики в систему хозяйствования;
- Создание социально-экономических и организационных предпосылок для формирования кластера мелких этнически-ориентированных товаропроизводителей, развивающих сеть отраслей этноэкономики [1];
- Стимулирование развития потребительской кооперации в сфере переработки и реализации сельхозпродукции [3, с. 135];
- Повышение роли образовательных учреждений в возрождении старых знаний, навыков и умений сельского населения и использовании их в условиях современной рыночной экономики через включение в региональные компоненты образовательных программ новых учебных дисциплин и спецкурсов по направлениям этноэкономики;
- Проведение активной маркетинговой политики по продвижению этнической продукции, введение системы льгот для бизнесов, занимающихся созданием этнически брендированных товаров.

Литература

1. Ахметов В.Я., Бердникова Г.И., Шагибалова Г.И. Этноэкономика и сельское развитие: опыт локального исследования в этнически однородном территориальном сообществе // Региональная экономика: теория и практика. 2010, №29. С. 36-42.
2. Гонтарь Н.В. Этноэкономика в контексте регионального развития: структурные особенности и характер влияния на социально-экономические процессы [Электронный ресурс] URL: <http://uecs.ru/marketing/item/3839-2015-11-30-06-49-12> (дата обращения: 27.10.2016).

3. Киселева Н.В., Браткова В.В. Проблемные регионы: сущность и идентификационные признаки // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016, №4(30). С. 131-135.

4. Лавренко А.В., Ултургашева О.Г. К вопросу применения методов оценки этнокультурного потенциала региона // Вестник КрасГАУ, 2011, №4. С. 3-6.

5. Мадюкова С.А., Персидская О.А. Этносоциальные процессы и механизмы реализации модели государственной национальной политики в Республике Алтай / Региональные модели государственной национальной политики современной России: в 2 ч. / М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков; под ред. Попкова Ю.В.; ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Манускрипт, 2016. Ч. I. – 176 с. С. 121-160.

6. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118-123.

ОТНОШЕНИЕ К МОЛОДЕЖНЫМ СУБКУЛЬТУРАМ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

К. В. Попкова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления г. Новосибирск
kristina-popkova-1996@mail.ru

Молодежная субкультура – это относительно новое явление, о котором стали говорить недавно. В широком смысле оно обозначает совокупность взглядов, ценностей, норм поведения и моды, присущих подросткам в возрасте от 13 до 19 лет и старше.[1]

Устойчивый интерес к изучению молодежи, в частности, молодежных субкультур у отечественных исследователей возникает в период с 60 – 70 гг. XX века. Одной из причин данного проявления является то, что неформальные молодежные объединения стали важным источником трансформации современного общества, одним из главных элементов механизма культурных инноваций. Среди отечественных ученых, исследующих данную тему, выделяются С.И. Левиков, В.Т. Лисовский, А.В. Мудрик, Т.Б. Щипанская и др.

Российская молодежь к концу ХХ – началу ХХI вв. стала одним из самых активных социальных субъектов. От ее экономических, политических и культурных выборов во многом зависит развитие современного общества.

Широкое распространение и влияние культуры молодежных неформальных объединений способствовало усилиению интереса к исследованию данной темы. Так для выяснения степени осведомленности студен-

тов о существовании популярных современных молодежных субкультур, качества отношения к ним, а также возможной субкультурной самоидентификации респондентов в 2010 году НИИ ИО ТюмГНУ было проведено социологическое исследование, анкетный опрос которого охватил 633 студента ТюмГНГУ, 481 студента филиалов ТюмГНГУ в ХМАО и ЯНАО (Сургут, Когалым, Лангепас, Нефтеюганск, Нягань, Нижневартовск), 300 студентов Иркутского университета, 213 студентов Ульяновского университета, 347 студентов Северо – Западной академии государственной службы (г. Санкт – Петербург), 121 студента Российского государственного гуманитарного Университета (г. Москва). Объектом опроса были студенты 2 – 4 курса, естественнонаучной, технической и гуманитарной специальности. [2]

В ходе анализа результатов исследования было выявлено, что наиболее приемлемым для большинства опрошенных является нейтральное отношение к влиянию субкультурной среды на человека. Устойчивое положительное отношение опрошенных студентов вызывают субкультуры престижного развлекательного молодёжного мэйнстрима – хип – хоп и R'n'b гламур. Позитивное восприятие данных групп демонстрируют от трети (32,2% положительно настроенной к хип – хопу молодёжи Ульяновска), до половины респондентов (51,4% студентов Санкт – Петербурга воспринимают R'n'b культуру положительно). Наибольшее количество отрицательных эмоций вызывают такие представители субкультурной среды как скинхеды, сатанисты, гопники (более 50 % в зависимости от региона). [2]. Толерантное отношение к некриминальным молодёжным субкультурам, не связанным с развлекательным культурным мэйнстримом, декларирует лишь около 40% студентов.

При изучении особенностей процесса социализации современной молодежи нельзя не принимать во внимание значимость социализирующющей роли молодежных субкультурных сообществ.

В 2013 году для анализа данного утверждения было проведено исследование среди учащейся молодежи города Саранска в возрасте от 14 до 22 лет, главной целью которого являлось получение информации о степени распространения субкультурного образа жизни среди молодежи. Отбор опрашиваемых осуществлялся пропорционально (генеральная совокупность равна 37 488 чел.). Объем выборки из каждого слоя пропорционален доле этого слоя в объеме генеральной совокупности (32% учащиеся о бщеобразовательных учреждений, 52% – студенты вузов и 16% – учащиеся ссузов): В рамках данного исследования был опрошен 621 человек. [3].

Так, большинство молодых людей (47%) не участвовали в деятельности молодежных субкультур. Прямое отношение к субкультурной среде имеют только 21% опрошенных. Безразличное отношение является наиболее популярным, так ответили 45,7% респондентов. Положительное

отношение к молодежным субкультурам относится к 39% опрошенных. Более 21% считают, что такое культурное явление как молодежная субкультура, носит отрицательный характер.

Анализируя результаты исследования, было выявлено, что информированность молодежи о существовании в обществе неформальных молодежных объединений высока; непосредственными участниками субкультурных организаций являются лишь пятая часть опрошенных респондентов; деятельность субкультур не является интересной для 46% опрошенных, они относятся к этому безразлично.

Результаты исследований, проводимых в других регионах РФ, дают информацию о том, что в молодежные субкультурные сообщества вовлечено от 10 до 30% городской молодежи, как и в городе Саранске.

Таким образом, результаты исследований показали, что большинство опрошенных нейтрально относятся к существованию в обществе молодежных субкультур и, соответственно, не заинтересованы принимать участие в их деятельности.

Литература

1. Кравченко А.И. Культурология: словарь. М.: Академический проект, 2000. – 671 с.
2. Латышева Т.В. Феномен молодежной субкультуры: сущность, типы // Социологические исследования. 2010, №1. С. 93 – 101.
3. Шумкова Н.В. Молодежные субкультуры как фактор социализации учащейся молодежи // Интеграция образования. 2014, №1. С. 116 – 120.

УНИВЕРСИТЕТ КАК ИНДИКАТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

А.И. Потцељева

Институт философии и права НГУ, г. Новосибирск
potselueva.26@gmail.com

Основная цель университета – это не только распространение и развитие знания, но и формирование гражданина. Проблема, которая возникла и все ярче проявляется себя, заключается в растущей асимметрии между запросами среды и способностью университета адекватно отвечать на них. Если ранее основной функцией системы университетского образования выступала социализация человека через трансляцию исторически хорошо апробированных социальных знаний, умений и навыков [1], то в обществе, основанном на знании, на систему образования возлагается более важная функция – формирование у индивида системы адаптации к соци-

альной жизни в условиях огромных потоков информации и ее организации на основе быстро изменяющегося знания.

Университет – это не только профессорско-преподавательский состав, научные исследования, технологии производства фундаментального знания, но и студенчество, которое представляет основной человеческий потенциал университета. В Средние века термин «университет» употребляли для обозначения в первую очередь организованного союза людей [2]. Сами учебные заведения университетского типа назывались первоначально *studium generale*, что означало, что данная школа предназначалась для учителей и учащихся всех государств, а полученные в ней учёные степени признавались в странах западного христианства. Университеты в то время предназначались не для того, чтобы передавать знания или обучать людей способу приобретения средств к жизни и существованию. Цель университетов состояла в том, чтобы подготовить образованных и способных людей. Первоначально в Европе возникло два типа университетов: болонский и парижский. Первый был образован студентами, прибывшими в Болонью из различных стран. Студенты стремились оградить себя от всевозможных посягательств на их права городских властей, обеспечить допустимые условия жизни и заключать контракты с преподавателями, которые могли дать наилучшие и качественные знания. В Париже университет возник вокруг теологических школ, в которых преподаватели объединились для защиты своих собственных интересов.

В поздние годы Средневековья меняется социальная составляющая студенчества, а вместе с этим и образ жизни большого количества студентов. В XIV в. потребности развития культуры и экономики вызвали необходимость открытия университетов во все новых регионах. В XV–XVIII вв. в связи с возникновением в некоторых странах (например, в Праге, Вене, Кракове и др.) Академий научная деятельность переходила туда, а роль университетов как центров науки снижалась, их авторитет падал [2]. В начале XIX в. В. Гумбольдт провел объединение Берлинского университета [3], в результате чего был создан университет, где обучение тесно связано с исследованием. Основные принципы такого университета: свобода преподавания и свобода учения. Первая из перечисленных означает, что каждый преподаватель может иметь право выбирать системы и методы для свободного исследования, а вторая свобода подразумевает, что студент имеет право учиться в университете под руководством любых из профессоров. Гумбольдт видел назначение личности в «целостном и сопротивлении развитии ее сил, непременным же условием такого развития должны стать свобода и разнообразие: любое ограничение вредно для роста духовности человека, народа или науки».

Но в современных социокультурных условиях социализация человека и воспитание его как гражданина в университете образования

отходят на второй план, уступая место стремлению индивида получить как можно больший объем узконаправленного практического знания с целью его дальнейшей коммерциализации [4]. Если произойдет актуализация научного сознания в современном обществе и закрепление конкретных социально значимых шагов, которые заставят общество не только пользоваться результатами, но и сознательно выбирать научно-ориентированный тип восприятия реальности, то университет будет определять кадровый потенциал не только инновационного развития, но и развитие всего общества, а также рациональное использование постоянно воспроизводимого знания для этого общества.

Литература

1. Задонская И. А. История развития университетского образования // Философский век // Альманах. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. – №29, Том №2. – С. 141-147.
2. Аврус А. И. История российских университетов // Очерки // Московский общественный научный фонд. – Москва, 2001. – 85 с.
3. Кочеткова Т. О., Носков М. В., Шершнева В. А. Университеты Германии: от реформы Гумбольдта до Болонского процесса / Высшее образование в России. 2011. № 3. – С. 137-142.
4. Петров В. В. Университет мирового класса: американская модель в российских условиях / «Третья миссия» университета в современной России: новации и интеллектуальные традиции // Сборник научных трудов V Сибирского философского семинара / НГУ – Новосибирск, 2016. – С. 173-180.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «СОЦИАЛЬНОГО» И «РАЦИОНАЛЬНОГО» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.И. Репина

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск
japeronopomareva@bk.ru

Проблема рациональности в современном обществе находит отражение в концепциях, которые абсолютизовали значение научно – технических и технологических факторов рационализации социума. Размышления над «фацио» как одной из сторон действительности актуализируют проблему взаимодействия рационального и социального планов в поведении и жизнедеятельности человека, в частности, в рамках современного, постиндустриального, технологически развитого, общества.

Несомненно, рациональность вплетена в ткань социальной, культурной, нравственно – ценностной реальности, они сосуществуют и взаим-

модействуют друг с другом. Как подчеркивает А. А. Новиков, рациональность – как действительно разумное человеческое развитие – не только продуманный, рассчитанный, сбалансированный, но и нравственный путь, когда альтруизм, милосердие, строго говоря, нерациональные факторы, гармонично сосуществует с прагматичностью, критическим мышлением, знаниями [2, с. 97]. Пол Фейерабенд высказывает схожее мнение по проблеме взаимодействия «рацио» и нравственности, которая является своего рода сдерживающим фактором рациональности. «Разум включает в себя такие абстрактные чудовища, как Обязанность, Долг, Мораль, Истина...» - отмечает П. Фейерабенд [4, с. 322].

В относительной противоположности представлению П. Фейерабенда находится понимание рациональности Карлом Поппером. Для него «открытое общество» характеризуется способностью человека к принятию личных решений, а «закрытое общество» охвачено рационализацией и сопутствующими ей: ответственностью, социальными запретами, давлением авторитетов [3, с. 218]. Это говорит о необходимости «гибких рациональностей», имеющих вариативный характер, для того, чтобы действия людей в рациональном духе сопровождались успешностью, творчеством и согласованностью с социокультурным идеалом.

Юрген Хабермас видит в «рацио» продуктивную силу. По его мнению, именно «рацио» помогает учесть неограниченный поток информации, обдумать и пересмотреть свои взгляды и, тем самым, отнести к своей позиции рефлексивно. Однако, возможный «иррациональный» момент также может быть полезен в повседневной жизни, поскольку он привносит неожиданные, новаторские решения, амбициозные стремления, эмоциональные переживания [2, с. 100].

Интересны в данном контексте рассуждения Артура Шопенгауэра об иррациональном начале человека и бытия. Он обуславливает разделение людей на рационалистов и нерационалистов особенностями духовно – психической конституции человеческой мысли. Таким образом он объясняет, почему рационалистический человек активно откликается на возможность достижения успеха и получения пользы, стремится к удовлетворению своих интересов и ориентируется в большей степени на интеллект и сознание в отличие от носителя иррационалистического начала. Последний при достижении личных целей часто уходит в мир миражей, опасается непредвиденных последствий, испытывает душевную боль и ностальгические чувства [2, с. 99].

Нередко рассуждения о широте и многозначности процессов рационализации несут на себе отпечаток технической цивилизации. Современная «instant – культура» (о которой говорит Элвин Тоффлер), характеризующаяся быстротечностью повседневной жизни, новизной, изобилием новшеств, заставляет человека сталкиваться с непривычными ситуациями

и осознавать непостоянство жизни. В связи с этим члены постиндустриального социума должны быть готовы к явлениям, которые сопровождают рационализацию общественной жизни. Усиливающаяся индивидуализация, разрыв связей между людьми, проблема «сверхвыбора» альтернатив – все это требует от современного человека четко сформулированной системы ценностных ориентиров [1, с. 161 – 162].

Э. Тоффлер как теоретик постиндустриального общества призывает стимулировать и развивать в человеке чувство будущего, побуждать к размышлению о будущем, проектировать его, воображать, анализировать, оценивать будущие возможности и вероятности [1, с. 163].

Анализ особенностей взаимодействия и взаимовлияния социального и рационального аспектов в жизнедеятельности людей демонстрирует многозначность самой рациональности в ее видовой специфике, типологических разновидностях и воплощении в прикладной реальности. На этой основе представляется актуальным и необходимым исследование комплекса значимых социально – гуманитарных и узкоспециальных проблем, связанных с рационализацией общественного сознания.

Литература

1. Заборская, М. Г. Неклассическая рациональность и субъект образования / М. Г. Заборская // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. – 2005. - №10. Т. 5. – 158 – 171.
2. Кролевец, Ю. Л. Многообразие рациональностей / Ю. Л. Кролевец // Омский научный вестник. – 2008. - №5 (72). – С. 97 – 100.
3. Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. – М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1. - 448 с.
4. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М.: Прогресс, 1986. – 543 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МОЛОДЫХ БРИГАДИРОВ СОВЕТСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ГОДЫ ВОЙНЫ 1941-1945: ФЕНОМЕН «КОРОТКОГО» ЛИФТА МОБИЛЬНОСТИ

P.E. Романов

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
gromanov1981@mail.ru

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 14-18-01725)*

Великая Отечественная война привела к массовой мобилизации молодежи в ведущие отрасли народного хозяйства. В этих условиях ее социально-профессиональные перемещения активизировались, что было связано с ускорением производственного обучения и подъемом соцсоревнования. Одной из форм соревнования являлись комсомольско-молодежные бригады, создававшиеся благодаря выдвижению сотен тысяч юных стахановцев в бригады. Изучение данной группы производственников позволит выявить социальные характеристики контингента рабочих, отличавшихся высокой мобильностью.

В отечественной историографии вопрос о движении комсомольско-молодежных бригад в годы войны получил широкое освещение. Показаны динамика численности и роль данных коллективов социально-профессиональном росте рабочего юношества, в том числе в выдвижении стахановцев на должности бригадиров [1; 2]. Вместе с тем, не уделялось внимание специальному изучению бригадирского корпуса предприятий советского тыла. В связи с этим целью данного исследования является выявление социального портрета наиболее мобильных рабочих военного времени.

Возникновение комсомольско-молодежных бригад в советской промышленности обуславливалось развитием стахановского движения в годы довоенных пятилеток. В годы войны масштабы функционирования «молодежного» лифта на производстве резко возросли. Если в середине 1942 г. на предприятиях СССР действовали 10 тыс. бригад, в которых было занято 100 тыс. чел., то в середине 1945 г. – 155 тыс. бригад и более 1 млн. чел. [1, с. 308, 369]. Всего за три года число молодых бригадиров выросло в 15,5 раз.

Социальный портрет бригадирского корпуса позволяют реконструировать статистические материалы справки от 28 февраля 1944 г., подготовленной отделом рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ на имя его секретаря Н.А. Михайлова. В документе содержатся сведения о составе участников совещаний бригадиров по 14 отраслевым наркоматам. Эти данные позволяют охарактеризовать их состав по полу, возрасту, образованию, квалификации, стажу работы.

Анализ половозрастной структуры бригадиров осуществлялся по материалам всех производственных совещаний. Доля мужчин среди 1579 участников совещаний достигла 56%, женщин – 44%. Рабочие в возрасте до 20 лет составляли 48%, от 20 до 30 лет – 43%, от 30 лет и старше – 9% [3, л. 69]. Абсолютное большинство руководителей бригад являлись мужчинами, что было нетипично для «феминизированного» рабочего класса. Около половины изучаемого контингента еще не достигло двадцатилетнего возраста, девять десятых – тридцатилетнего. Основная масса молодых

рабочих, добившихся карьерного роста, находилась в юношеском возрасте.

Состав лидеров молодежных коллективов по образовательному уровню характеризовался по данным о 1455 участниках совещаний. Удельный вес лиц, окончивших четыре класса, достигал 13%, от пяти до семи классов – 57%, от восьми до десяти классов – 20%, техникум или вуз – 10% [3, л. 69]. Более половины бригадиров получили начальное образование, а также учились в пятых – шестых классах. Эти показатели вполне соответствовали образованию рабочей молодежи, приближавшемуся к уровню неполной средней школы [2, с. 142].

Профессиональный облик самых младших «командиров» военно-промышленного производства устанавливался на основе сведений об их разноколичественных контингентах. Данные о квалификационном составе работников, возглавлявших молодежные бригады, охватывали 713 чел., о сроке их занятости на предприятии – 1092 человек. Прослойка рабочих первого – третьего разряда составляла 8%, четвертого – пятого разряда – 54%, шестого – восьмого разряда – 20%, мастеров – 11%. Трудовой стаж до одного года имели 8% бригадиров, от одного года до трех лет – 50%, свыше трех лет – 42% [3, л. 70]. Более половины глав объединений юных тружеников обладали средней квалификацией. Заводская биография у большинства из них началась в 1941–1943 годах. В целом на советских предприятиях к концу войны преобладали в основном рабочие с третьим – четвертым разрядом и производственным стажем до трех лет [1, с. 460]. Квалификация бригадных начальников превышала аналогичный показатель профессионализма обычных рабочих. В то же время их стаж совпадал со средними показателями по всей заводской молодежи.

Обобщение проанализированного статистического материала позволяет сконструировать социальный потрет наиболее массового и типичного представителя новой бригадирской когорты, сформировавшейся в составе рабочей молодежи в военное время. В рассматриваемый период комсомольско-молодежные бригады возглавляли, как правило, юноши в возрасте до 25 лет с образованием от пяти до семи классов, освоившие квалификацию четвертого – пятого разряда, проработавшие на предприятиях не более трех лет. Руководители производственных коллективов отличались от подавляющего большинства юных заводчан гендерными и квалификационными характеристиками, а по уровню образования и трудового стажа – полностью сливались с ними. Следует отметить, что лишь немногие из них выдвигались на должности мастеров, возглавлявших смены или участки цехов.

В годы Великой Отечественной войны для юных заводчан преимущественно действовал «короткий» лифт, позволявший многим ее представителям подняться от учеников до организаторов небольших тру-

довых коллективах. Этот лифт функционировал на нижних этажах служебной иерархии военно-промышленного производства, поскольку бригадиры формально не выходили за рамки рабочего персонала. В лучшем случае бригадирское место могло стать «перевалочным пунктом» для подъема молодежи в промежуточную между рабочим и инженерно-техническим персоналом прослойку мастеров. Должность начальника смены или участка являлась «потолком» служебной мобильности юношей и девушек. Для дальнейшего карьерного роста требовалось среднее специальное или высшее образование, которое у них в основном отсутствовало.

Литература

1. Митрофанова А. В. Рабочий класс Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 525 с.
2. Романов Р. Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск: Параллель, 2012. 430 с.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 8. Д. 95.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Д.В. Руденкин

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
г. Екатеринбург

*Материал подготовлен в рамках работы по гранту
Российского фонда фундаментальных наук
(проект № 16-29-09512 «Интернет как инструмент формирования
психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению»).*

Специфические политические, экономические, культурные процессы, которые происходили в российском обществе в 1990-х и 2000-х гг., уже неоднократно становились предметом разработки российских социологов и политологов. Хотя характер этих различий является предметом порой весьма принципиальных дискуссий, само их существование по сути никем не оспаривается. Реже ставится кажущийся очевидным вопрос о том, привели ли изменения, случившиеся в жизни российского общества между 1990-ми и 2000-ми гг., к формированию в стране нового поколения молодежи, настроения и поведенческие практики отличаются от тех, что были характерным молодым россиянам прежде. В данной работе мы намерены обратиться к одному из частных аспектов этого вопроса и сравнить практики политического поведения молодежи 1990-х и 2000-х гг.

Эмпирическую основу нашей работы составили фокус-групповые дискуссии и опрос представителей молодежи 1990-х и 2000-х гг., проведенный нами в Екатеринбурге. Методологической особенностью нашего подхода стала попытка сравнить ретроспективные ответы российской молодежи 1990-х гг. (ныне фактически уже людей среднего возраста) о своих прежних политических настроениях и формах политического поведения с ответами современных молодых россиян об их актуальных политических настроениях и формах политического поведения. И среди молодежи 1990-х гг., и среди молодежи 2000-х гг. было опрошено по 300 человек.

Сама процедура исследования предполагала два этапа. Во-первых, при проведении серии интервью и фокус-групповых дискуссий мы получили базовый список поступков, которые сами представители молодежи могут оценить как способ участия в политической жизни общества. В этот список вошли: голосование на выборах, работа в молодежной организации, работа в политической партии, творчество на политическую тему, посещение дискуссионных мероприятий по политическим вопросам, просветительская работа, посещение протестных акций, а также изучение культуры, истории своей страны. Все эти поступки традиционно описывались российскими исследователями как формы участия молодежи в политике (почти такой же перечень приводят Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин и Н.А. Зоркая [3; с. 62], Ю.В. Андреева и И.В. Костерина [1; с. 406]). Во-вторых, в ходе опроса мы спрашивали респондентов о том, что из этого они считают формой политического участия, а что совершили сами (*См. Таблица 1, Таблица 2*). Для содержательной полноты выводы сопоставлялись с результатами вторичного анализа данных, полученных другими учеными.

Таблица 1.

*Мнение российской молодежи 1990-х -2000-х гг. о том,
какие действия являются формой участия в политике*

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля от числа ответивших среди молодежи 1990-х (%)</i>	<i>Доля от числа ответивших среди молодежи 2000-х (%)</i>
Голосование на выборах	59,61	62,31
Участие в протестных акциях	46,62	37,45
Участие в работе партии или движений	40,43	42,92
Творческая деятельность на поли-	37,00	40,90

тические темы		
Просветительская работа	34,21	35,70
Изучение культуры, истории своей страны	28,15	38,31
Посещение дискуссионных мероприятий	26,72	52,59
Участие в работе молодежной организации	20,50	35,10
Всего	100,00	100,00

*Реальный опыт политического поведения
российской молодежи 1990-х – 2000-х гг.*

Таблица 2.

<i>Варианты ответа</i>	<i>Доля от числа ответивших среди молодежи 1990-х (%)</i>	<i>Доля от числа ответивших среди молодежи 2000-х (%)</i>
Голосование на выборах	59,61	56,51
Просветительская работа	25,33	24,72
Творческая деятельность на политические темы	22,62	21,44
Посещение дискуссионных мероприятий	19,90	27,30
Изучение культуры, истории своей страны	18,51	28,63
Участие в протестных акциях	15,21	10,55
Участие в работе молодежной организации	8,93	9,71
Участие в работе	6,75	3,66

партии или движений	
Общее число ответивших	100,00

Наш анализ этих практик позволил выявить ряд тенденций.

Во-первых, самой главной формой своего политического поведения и российская молодежь 1990-х гг., и российская молодежь 2000-х гг. считают голосование на выборах. Данные, которые получили мы, подтверждают и результаты других исследований – по работам В.Б. Звоновского [5, С. 58], М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги [2, С. 134], именно участие в выборах является доминантной формой политического поведения для молодых россиян: все остальные абсолютное большинство из них просто игнорирует. Более того, данные опросов и электоральной статистики, которые приводят Р.А. Захаркин, подтверждают, что и в 1990-е гг., и в 2000-е гг. интерес российской молодежи к выборам был относительно высок [4, С. 112].

Во-вторых, молодежь 2000-х гг. оказалась в меньшей степени ориентирована на участие в акциях политического протesta. Это отчетливо видно и по тому, как молодежь 2000-х гг. относится к таким акциям, и по тому, каков ее реальный опыт участия в них. Разное отношение к акциям протеста показывают и данные репрезентативных опросов. Столкнувшись с последствиями экономического кризиса в 2010 г., лишь около 20% молодых россиян допускали свое участие в акции протеста [6]. На экономический кризис 1998 г. молодежь реагировала иначе: в пользу протестных акций высказывались тогда до 54% молодежи [2, С. 152].

В-третьих, данные нашего исследования позволяют констатировать декларативность политического поведения многих представителей российской молодежи 1990-х – 2000-х гг. Мы обнаружили, что оценка опрошенными большинства из предложенных действий как форм политического поведения заметно выше, чем их реальный опыт выполнения соответствующих действий (это видно, если сопоставить показатели в таблицах 1 и 2).

В целом же анализ, проведенный нами в ходе исследования, позволяет говорить об определенной преемственности в политическом поведении российской молодежи 1990-х и 2000-х гг. Расходясь между собой в частных нюансах и оценках, эти поколения постсоветской российской молодежи, тем не менее, демонстрируют предрасположенность к одним и тем же формам политического поведения.

Литература

1. Андреева Ю.В., Костерина И.В. «Нам нужны права, а не обязанности»: гражданская активность современной молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 3. С. 397-418.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
3. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. – М.: Московская Школа Политических Исследований, 2011. 96 с.
4. Захаркин Р.А. Молодежный абсентеизм в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 111-114.
5. Звоновский В.Б. Политика в пространстве жизненных интересов молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1 (87). С. 54-61.
6. Молодежь 18–25 лет: портрет на фоне лета-2009 // Официальный сайт фонда «Общественное мнение» - <http://bd.fom.ru/pdf/d29molod.pdf> (запрос сделан 23.09.2016 г.)

ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ В АЛТАЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Р. Д. Сакоева

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС

г. Новосибирск

RuzikSakoeva@mail.ru

Образ национального героя в сознании народа играет ключевую роль в формировании этнической идентичности. Его изучение позволяет сформировать целостное представление о состоянии сообщества в тот или иной отрезок времени. Традиции исследований национальных героев складывались на фоне дискуссий о природе национального государства и его отношении к другим международным субъектам. Изучение истоков героического образа намекало на связь между гражданским гуманизмом и национальной идентичностью, которые играют составляющую роль в формировании традиций национального героя. Иными словами, идея национального героя неразрывно связана с вопросом о гражданском состоянии. Таким образом, распространение традиций народного героя может указывать на гражданский характер национальной идентичности. [1, С. 47-48]

В целях выявления национальных героев в сознании алтайцев, мною был проведён социологический опрос, в виде интервьюирования. Основой для работы с респондентами стала анкета-таблица, представляющая собою «матрицу идентичностей». Она включает следующие пункты: «Территория», «Происхождение», «Известные исторические события»,

«Известные представители», «Самобытные черты культуры\характера» и «Источники». В данной статье, исходя из целей, внимание будет заострено на пункте опроса «Известные представители», который будет рассмотрен в рамках различных уровней идентичности: «Сёок (род)», «Народ», «Население республики», «Большой Алтай (братские народы)» и «Тюркские народы».

В рамках исследования было опрошено 90 человек, в возрасте от 17 до 76 лет. Интервьюирование проводилось в основном в районном центре – с. Кош-Агач, но, также были совершены поездки в близлежащие деревни. Социологический опрос был проведён в форме: «вопрос – ответ». Необходимо уделить внимание тому факту, что респонденты не ставились ни в какие количественные рамки, и могли давать неограниченное количество ответов.

Касаемо первого уровня «Сёок» необходимо пояснить, что в опросе участвовали представители 16 алтайских сёоков. На данном уровне будут рассмотрены результаты опроса представителей наиболее крупных сёоков. Так, все респонденты называли своих современников, за исключением представителей сёока «Кобок», которые называли таких исторических личностей как: зайсан Очурдяп и богатырь Ярынак. Интересно то, что среди представителей всех сёоков наибольшей популярностью пользуются персоны, связанные с историей профессионально: К.А. Бидинов, Б. Я. Бедюров и В.К. Майхиев. 40% респондентов и вовсе не владеют никакой информацией об известных представителях своего рода.

Переходя к следующему уровню необходимо отметить, что 42% респондентов причисляют себя к теленгитам, а 58% к алтайцам, так называемым «Алтай кижи». На данном уровне 24% респондентов не имеют сведений об известных представителях своего народа. Главными национальными героями здесь также являются К.А. Бидинов, Б. Я. Бедюров, представители семьи Очурдяповых и В.К. Майхиев. Также следует отметить, что некоторые респонденты отметили как известных представителей теленгитов такие известные личности как: Г.И. Чорос-Гуркин, А.И. Адиков, В. И. Чаптынов, данный факт говорит о том, что, несмотря на то, что алтайцы и теленгиты являются разными народами, герои в их сознании – общие.

Говоря об уровне «Население республики», хотелось бы уточнить некоторый интересный момент: несколько респондентов подразумевали под населением республики теленгитов, а не алтайцев, так как, по их мнению, не теленгиты являются составной частью алтайцев, а наоборот - алтайцы являются частью теленгитов. Уровень незнания известных представителей заметно снижается и составляет всего 3%. На данном уровне наиболее популярны деятели, так или иначе связанные с формированием Республики Алтай - Г.И. Чорос-Гуркин, В.И. Чаптынов. А также известные

писатели, чей образ засел в сознании людей, посредством влияния школы и библиотек – Л.В. Кокышев, П.В. Кучияк, А.И. Адаров, Э.М. Палкин, М.В. Чевалков.

Касаемо двух следующих уровней: «Большой Алтай (братские народы)» и «Тюркские народы», необходимо подчеркнуть, что ответы респондентов на вопрос об известных представителях заметно перекликаются. На обоих уровнях популярны С.К. Шойгу, Чингисхан, Батый, Тамерлан, Мамай, Тохтамыш и Ч.Т. Айтматов. Осведомлённость респондентов на уровне «Большой Алтай (братские народы)» составляет 17%, а на уровне «Тюркские народы» - 28 %.

Во-первых, стоит отметить, что в целом количество вовлечённых в процесс организации идентичностей на всех уровнях оказалось относительно низким. При этом необходимо отметить, что в организацию идентичностей на всех уровнях, в основном, оказываются не вовлечёнными женщины.

Во-вторых, самыми популярными героями в сознании алтайцев на всех уровнях являются персоны ХХ в., в частности, второй половины ХХ в., и деятели ХХI в., что говорит о том, что в сознании алтайцев основными героями являются те, кто появились в сравнительно недавний период времени.

В-третьих, исключительное разнообразие подчёркивает на условность единства на всех уровнях идентичности. 34% респондентов на уровне «Тюркские народы» дали уникальные ответы, а на уровне «Народ» - 65%.

В-четвёртых, видение национальных героев на разных уровнях идентичности не имеет принципиальных отличий. В частности, национальные герои перекликаются на уровнях «Сёок», «Народ» и «Население республики», аналогичная ситуация происходит на уровнях «Большой Алтай (братские народы)» и «Тюркские народы».

Литература

1. National Heroes and National Identities Scotland, Norway, Lithuania. - PIE Peter Lang, Brussels, 2004. 320 s.

СЕМИОТИКА ЯЗЫКОВ ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

А. С. Силинская

НИ Томский Государственный Университет, г. Томск
gella5@yandex.ru

Сфера искусства, несомненно, представляет собой специфический способ человеческого восприятия и постижения внешних объектов, явлений и их взаимосвязи, а также способ создания, накопления и передачи неповторимого человеческого опыта. Художественная деятельность может включать в себя средства выражения вербального языка, но не становится из-за этого его частью или в какой-то мере зависимой от него. Если определить искусство как язык в самом широком его понимании, то художественная реальность, несомненно, говорит на своем особом языке, который в корне отличается от языка естественного. Язык искусства имеет свои особые признаки, например, континуальность, невозможность ясного выделения слова каких-либо дискретных значащих единиц, интуитивность восприятия, чувственная выразительность и сосредоточенность на наличном материальном воплощении художественной мысли, неповторимость и оригинальность произведений искусства, невозможность полного перевода средствами дискретного вербального языка, доминирование структуры и формы над смысловым содержанием, преимущество эстетического созерцания над процессом означивания.

Семиотика искусства исследует процессы означивания и смыслообразования, происходящие при создании, презентации и восприятии художественных произведений. Семиотическая теория сталкивается с различными трудностями в попытках четко определить схему формирования знака и смысла в искусстве, авторы по-разному интерпретируют само понятие знака и применяют его к художественной деятельности. Для более ясного понимания возникновения значения и смысла в сфере языков искусства необходимо реконструировать основные концепции семиотики искусства и выявить расхождения, мешающие осмыслить процесс означивания в художественных произведениях в едином ключе.

Любое художественное произведение, по мнению Пирса, будет являться сообщением, которое несет информацию об идеях автора, заключенных им в произведении. Основным универсальным типом знака для искусства является иконический, без него искусство не может существовать. Таким образом, суть иконического знака представляет собой некоторую логическую или математическую форму, которая становится основой для любого вида искусства. Пирс стремился подвести произведения искусства под законы логики, рассматривая их как особого рода умозаключения со своими предпосылками, аргументами и выводами. Эстетическая ценность существует сама по себе вне какого бы то ни было объекта, реализуется же она при восприятии произведения искусства и возникновении определенного рода эмоций, называемой эмоциональной интерпретантой, которая иногда является единственным результатом воздействия знака, в том случае, когда знак представляет чувство.

Лотмана для определения понятия художественного языка и художественной реальности использует концепцию моделирующих познавательных систем. В процессе познания окружающей реальности человек использует замещение реальных объектов моделями, которые репрезентируют их внутреннюю и внешнюю структуру. Моделирующие системы делятся в свою очередь на системы первого и второго порядка. Основная моделирующая система первого порядка – естественный язык, который лежит в фундаменте человеческого сознания. Искусство рассматривается Лотманом в качестве вторичной моделирующей системы, оно является репрезентацией реальности в сознании субъекта, которая в свою очередь переводится на язык искусства. Лотман разделяет понятия знака и модели на основе того, что замещение объекта знаком обусловлено сообществом, использующим язык, а модель замещает объект, воссоздавая его структуру. Только один вид знака может совмещать в себе эти два понятия – это иконические знаки, которые, по мнению автора, являются фундаментом в искусстве.

С точки зрения информационного подхода Л. Ф. Чертова к пониманию знаковой коммуникации, художественные символы отличаются от символов верbalного языка тем, что в них связь между формой высказывания и его смысловой интерпретацией гораздо более тесная. Для интерпретации художественного произведения не требуется использование знакового дискурсивного кода, понимание в первую очередь опирается на индексальные и иконические средства и соотносит их непосредственно с мысленным содержанием, таким образом, происходит интуитивное постижение объекта без перевода на вербальный язык. Форма художественного символа неразрывно связана с мысленным содержанием, тогда как для символа вербального языка или для знака форма выражения выполняет всего лишь роль средства соотнесения мысленного содержания с соответствующим объектом. Здесь мы уточним, что и в процессе использования художественного символа, и символа вербального языка репрезентируемых объектов является отсутствующим в какой-то конкретной ситуации, но в случае с произведением искусства с помощью индексальных и иконических средств информационного обмена создается некий «эффект присутствия» объекта, поэтому форма для художественных символов играет такую большую роль.

Аффективные эмоциональные состояния могут выражаться как знаковыми, так и незнаковыми средствами, например, сигнальными или индексальными, тогда как сознательный рациональный опыт может быть выражен только знаками. Знак должен иметь устойчивый способ выражения, единный способ интерпретации и фиксированный культурный код, в то время как художественное произведение всегда оригинально и создается индивидуально.

Литература.

1. Пирс Ч. Логические основания теории знаков [Т. 2]. - СПб.: Алетейя, 2000.
2. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства.- СПб.: Акад. проект, 2002.
3. Чертов Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. 1993. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.

ХРОНОТОП В РОМАНЕ УМБЕРТО ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»

Э. В. Тарасенко

Новосибирский государственный университет. г. Новосибирск
emitarasenko@gmail.com

Изучение когнитивных человеческих взаимодействий немыслимо без анализа текстуального и семантического аппарата. Окружающие его тексты, как создаваемые, так и интерпретируемые служат способом миро-восприятия и средством анализа и изучения субъективных трактовок человека относительно объективной действительности. Трактовка субъективной действительности становится особенно актуальной в контексте исследований восприятия человечком объективной реальности, его понимания окружающей среды. Современные исследования бытийности мира интерпретаций отталкиваются от осознания его конкретными субъектами. Важную роль в данной сфере играет понятие хронотопа.

Цель данной работы – анализ посредством методов М.М. Бахтина исторического романа Умберто Эко "Имя розы" как одного из наиболее характерных в данном жанре позволяет выявить особенности передачи предложения и его восприятия через пространственно-временную связку.

Реальность для человека существует исключительно посредством элементов, маркирующих заданный набор ситуаций, сопоставлением с которыми воспринимается и трактуется данная действительность. Зависимость субъективного восприятия от подобного символического набора легко прослеживается в художественной литературе, где образ действительности создается посредством описательных конструкций. Характерной чертой конструирования автором и последующего восприятия читателем реальности в романе является хронотоп. Связь между читателем и автором, субъективное представление автора, передающееся через текстуальные конструкции, определяется М.М. Бахтиным при помощи диалогической модели: «Всякое высказывание ... имеет своего автора, которого мы слышим в самом высказывании как творца его. О реальном авторе, как он существует вне высказывания, мы можем ровно ничего не знать...мы слышим в нем

(произведении) единую творческую волю, определенную позицию, на которую можно диалогически реагировать. Диалогическая реакция персонифицирует всякое высказывание, на которое реагирует». [1, С.395]

В передаче этой связи, самим инструментом и каналом трансляции мировосприятия, служит концепция хронотопа, рожденная в области физики и затем переосмысленная Бахтиным М.М.. Хронотоп определяется как неразрывная связь между пространством и временем, формирующая понятие действительности. Понятие хронотопа оказывается в основе формирования любого художественного текста, позволяя ему обрести форму доступную читателю. Представляя собой неразрывное единство, физическое пространство романа и время повествования создают реальность, имманентную читателю. Маркеры, знакомые, повторяющиеся ситуации, проходящие в строго определенное время в строго определенном месте, формируют своей взаимосвязью целостную действительность, доступную для восприятия. По Бахтину в романе акт конструирования мира характеризуется взаимным проникновением времени и пространства, когда первое, уплотняясь, становится практически "художественно-зримым", второе рассеивается, вовлекается в исторический контекст. Время существует в деталях пространства, пространство же понимается исключительно в условиях данного времени. [2, С. 235]. В работе «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» М.М.Бахтин иллюстрирует этот процесс рядом примеров, в которых, благодаря связи между пространством и временем романа персонажи обретают реалистичные и исторические черты.

Четкого определения хронотопа не существует, однако, выделяются несколько его подвидов, регламентируемых масштабами.

- Микрохронотопы. Отдельные языковые конструкции, придающие тексту характерное для выбранного пространства и времени звучание.
- Мелкие хронотопы. Всеобъемлющее историческое звучание включает в себя множество мелких мотивов. Примером этого типа служит хронотоп дороги, города, порога.
- Доминирующие хронотопы
- Абстрактные родовые хронотопы [2, С.400]

Для характеристики определенного жанра и восприятия читателем текста делается акцент на доминирующем хронотопе, включающим в себя всё повествование. Для конструирования среды средневекового монашества в романе Эко использует прием ограничения пространства. Большая часть действия происходит в библиотеке, что создает впечатление закрытой среды, куда не имеет доступа сторонний человек. Сама структура повествования напоминает схоластический метод, популярный в средневековье, мир анализируется исключительно дедуктивски. Текст построен многослойно, в связи с чем по-разному воспринимается различной аудитори-

ей: в этом проявляется диалогический аспект повествования. Для современного читателя роман представляется:

1. Детективом в средневековых декорациях
2. Историческим романом в детективном обрамлении
3. Философской научной работой.[3]

Для каждого из этих уровней восприятия характерен свой набор малых хронотопов, по которым он интерпретируется и узнается.

Так, для первого, наиболее общего пласта характерен хронотоп детектива, основанный на выяснении обстоятельств убийства. Сюда же стоит отнести актуальное для современного читателя сопоставление главных героев с героями К. Дойла. Второй пласт сопровождается многочисленными ссылками к специфической литературе, характерной для средних веков, в том числе к работам Ансельма Кентерберийского и Уильяма Оккама. Третий пласт заключает в себе мировоззренческий конфликт между средневековым и современным человеком, характеризующийся противопоставлением философских течений, взглядов на вопросы о природе и назначении литературы, её соотношении с религией.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского, Киев: , 1994. 509с
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике// Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 234-407.
3. Суини М. Обзор романа У.Эко «Имя розы»// Лекции по средневековой философии/ пер. А.К. Лявданского, М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А.Шичалина, 2001

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

И.С. Тарбастаева

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
inna-tarbastaeava@yandex.ru

В настоящее время проблема оценки эффективности региональной этнонациональной политики стоит довольно остро. После утверждения в 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики» в субъектах активно начался процесс ее всесторонней реализации на местах. В большинстве из них приняты соответствующие государственные или целевые программы, определены источники финансирования, разработаны планы мероприятий. Другими словами, проводится обширный объем работы, затрагивающий человеческие, денежные ресурсы. Однако эксперты, ис-

следователи в области межнациональных отношений критически оценивают показатели эффективности, проводимой политики, указанные в программных документах [4]. Отчасти это объясняется общим невысоким уровнем существующих методик по оценки государственных программ. Об этом неоднократно писали Р.Н. Хасанов, М.И. Ядринцев, В.И. Шарин и другие. Ситуация осложняется спецификой самой национальной (этнической) сферы общественной жизни – ее практически невозможно измерить в экономических показателях. К тому же проблема заключается не просто в недостаточной проработке системы индикаторов, но и в отсутствии в ней отражения региональных особенностей местного локального сообщества. Если исходить из дифференцированного подхода к реализации этнонациональной политики, учитывающего этносоциальную специфику региона, то нужно последовательно признать и необходимость оценки ее эффективности с учетом конкретных обстоятельств. Вместе тем, в региональных программах данный момент не учитывается, а показатели отличаются формальностью и по большей части повторяют федеральные.

Согласно последним изменениям, эффективность региональной этнонациональной политики можно оценивать с двух позиций: 1) эффективность деятельности органов исполнительной власти субъектов и муниципальных органов по гармонизации межнациональных отношений; 2) эффективность программ, принятых в регионах в целях реализации федеральной Стратегии. Начнем с первой позиции.

Следует отметить положительную динамику в этом направлении. Начиная с 2012 г. в показатели эффективности деятельности органов исполнительной власти на законодательном уровне включили показатели в области региональной этнонациональной политики (Постановление Правительства РФ «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»). Ежегодно экспертная группа проводит оценку одного из данных индикаторов: доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных и доля граждан, положительно оценивающих состояние межконфессиональных отношений. Регион вправе самостоятельно определять, какой из показателей ему представлять в текущем году. Тем не менее, есть подозрения, что регионы склонны игнорировать данную практику. Так, в докладах Губернатора Новосибирской области о фактически достигнутых показателях для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти за 2014 и 2015 гг. не содержится такого показателя как «межнациональные отношения» [5]. Хотя на законодательном уровне его наличие в итоговых отчетах обязательно.

Также существует проблема оценки эффективности органов местного самоуправления в области этнонациональной политики. Дело в том,

что в принципе отсутствуют какие-либо показатели, отражающие их деятельность в этой области (Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»). Остается неизвестным, каким образом Федеральное агентство по делам национальностей будет оценивать эффективность деятельности муниципалитетов по данному вопросу.

Что касается оценки эффективности региональных программ, то здесь в каждой программе стандартно прописываются важнейшие показатели и индикаторы. При этом совершенно не учитываются региональные особенности протекания этносоциальных процессов. Об этом писала, в частности, М.А. Абрамова, когда анализировала современную программу по национальной политики в Республике Саха (Якутия) [1]. Возьмем для примера государственную программу Республики Тыва «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2014 – 2016 годы». Хотя главной целью в ней провозглашается укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и Республики Тыва, все же основной акцент сделан на сохранение этнокультурного многообразия в регионе. Даже сам текст программы логически выстроен таким образом, чтобы максимально продемонстрировать значимость и фактическое присутствие различных этнических общностей на территории республики [7]. Это вызвано продолжающимся с 1990-х годов миграционным оттоком русского населения, вследствие чего их численность сократилась до 16,3% [2].

Несмотря на серьезную проблему моноэтничности региона, в итоге реализации программы ожидаются следующие три результата: 1) доля граждан Российской Федерации, считающих себя «россиянами» или причисляющих себя к российской нации – 60%; 2) уровень толерантного отношения к представителям другой национальности – 70%; 3) доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, от общего числа жителей Республики Тыва – 70%. В связи с этим возникает вопрос: каким образом данные результаты будут способствовать увеличению численности представителей других народов, в частности, русского населения? Далее, если учитывать, что тувинцы составляют 82% от общего численности и их межкультурные контакты малочисленны, то маловероятно, что состояние межнациональных отношений большинством населения будет оцениваться как негативное.

Таким образом, положительным моментом является то, что оценка эффективности региональной этнонациональной политики проводится по двум государственным каналам. В тоже время требуется качественная разработка системы показателей ее эффективности с учетом особенностей местного локального сообщества.

Литература

1. Абрамова М.А. Формирование современной модели государственной национальной политики Республики Саха (Якутия) / Региональные модели государственной национальной политики современной России: в 2 ч. / М.А. Абрамова и другие; под ред. Попкова Ю.В.; ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Манускрипт. Ч. I. – С. 56-121.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. 2013: 166.
3. Морозова Н.М. Критерии оценки эффективности национальной политики // Власть. 2012. №5 С.88-90.
4. Правительство Новосибирской области. URL: <https://www.nso.ru/page/2406> (дата обращения: 25.10.16.гг.).
5. Тарбастаева И. С. Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 — наст. вр.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016, № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (дата обращения: 25.10.16.гг.).

ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

И. Д. Украинцева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ
ukraintseva-id@bk.ru

В условиях модернизации современного российского общества становятся актуальными вопросы создания безбарьерной среды для людей с ограниченными возможностями. Инклюзивное образование, как одна из форм создания безбарьерной среды, подразумевает обеспечение всех необходимых условий для совместного обучения детей-инвалидов со сверстниками в общеобразовательных учреждениях. Само понятие «инклюзивное образование» сформировалось из убеждения в том, что образование является одним из основных прав человека и создает основу для более справедливого общества. Интерес к данному вопросу вызван высокими показателями численности людей с инвалидностью, в особенности среди детского населения. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, на 1 января 2016 года в России насчитывается 12751 тыс. человек, имеющих инвалидность, из которых 613 тыс. – дети. В Республике Бурятия ситуация следующая: на 1 октября зарегистрировано всего инвалидов 79075 тыс. человек, из них на долю детского населения приходится 4876 тыс.

В ряде европейских стран и США, начиная примерно с 1970-х гг., ведется разработка и внедрение пакета нормативных актов, способствую-

ших расширению образовательных возможностей инвалидов. За эти годы накоплен богатый опыт в данной области и разработаны различные подходы и методики для корректного внедрения инклюзивного образования [1]. В нашей стране возможности создания безбарьерной среды и внедрения инклюзии стали активно рассматриваться в 90-е гг. XX века. На данный момент на основе опыта зарубежных стран и собственных исследований разрабатываются комплексные подходы для реализации этих процессов с учетом специфики российского общества. При этом внедрение инклюзии в России происходит неравномерно по регионам.

В республике Бурятия инклюзивное образование в рамках создания безбарьерной среды официально продвигается с 2004 г. По инициативе Регионального общественного фонда инвалидов-колясочников «Общество без барьеров», совместно с детским фондом «АОН Юнеско», при поддержке региональной общественной организации инвалидов (РООИ) «Перспектива» (г. Москва), реализуется проект «Развитие инклюзивных школ в Республике Бурятия». В настоящий момент проект инклюзивного обучения детей реализуется на базе трех школ в г. Улан-Удэ: № 4, № 20, № 13 и школы № 2 в г. Кяхта Кяхтинского района республики [2]. На 2014-2015 учебный год общее число учащихся данных школ составило 2487 человек, из них 36 – дети с ограниченными возможностями. Основной проблемой, с которой столкнулись школы г. Улан-Удэ, является архитектурная недоступность. Эти школы были построены в XX веке, когда обучение детей-инвалидов осуществлялось в строго специализированных учреждениях. В то время как школа №2 г. Кяхта была построена в 2012 г. уже с учетом всех требований, предъявляемых к инклюзивным учреждениям. Еще один барьер на пути к инклюзии – недостаточность знаний о проблемах инвалидности у большинства учителей и директоров школ и их неготовность к включению детей-инвалидов в процесс обучения. Серьезной проблемой, с которой столкнулись школы, стало определение степени обучаемости ребенка с тяжелыми формами инвалидности, в особенности детей с ментальными нарушениями и умственной отсталостью. Проект «Развитие инклюзивных школ в Республике Бурятия» включает в себя комплекс мероприятий, направленных на планомерное решение этих проблем. Первым этапом стало оснащение школ необходимыми приспособлениями, такими как пандус, поручни, специальные парты, расширение дверных проемов и т.д. Для педагогов организуется обучение методикам преподавания и оценивания детей с инвалидностью, основам детской психологии. Для детей без инвалидности и их родителей специалистами Фонда «Общество без барьеров» проводятся «Уроки доброты», целью которых является формировании толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями.

Опыт школ, участвующих в этом проекте, даже на начальном этапе показывает, что обучение детей-инвалидов в общеобразовательной школе идет им на пользу. Дети с инвалидностью получают шанс реализовать в большей мере свои возможности, раскрыть способности, пообщаться со сверстниками и завести новые знакомства. Им оказывается необходимая поддержка со стороны сверстников и учителей. Но самое главное, что в процессе совместного обучения, дети-инвалиды меняют свое отношение к себе, а также меняется отношение обычных детей к проблеме инвалидности.

Учитывая тенденцию к увеличению числа детей-инвалидов, потребность в инклюзивных школах в Бурятии достаточно большая. Требуется дальнейшее внедрение инклюзии, но к сожалению, в Республике еще не созданы в полной мере все необходимые условия. Для выявления оставшихся и скрытых проблем, разработки рекомендаций и предложений по корректному внедрению инклюзивного образования в другие школы республики нами проводится комплексное социологическое исследование. Объектами исследования являются учащиеся общеобразовательных инклюзивных школ республики и эксперты в данной области. Завершение и обобщение результатов планируется к концу 2017 года. Принимая во внимание имеющийся опыт других стран и городов, собственный опыт Республики, необходимо разрабатывать актуальные способы решения локальных проблем. Только масштабное внедрение инклюзивного образования в России предоставит детям с инвалидностью равные возможности во всем для достижения полноценной жизни.

Литература

1. Ярская-Смирнова Е.Р., Лошакова И.И. Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социологические исследования. Май 2003. № 5. С. 100-106.
2. Украинцева И.Д. Инклюзивное образование детей с ограниченными возможностями в республике Бурятия: состояние, проблемы и перспективы // Baikal Research Journal. 2014. №3. С. 22.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В. М. Филатова

Институт философии и права

Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск
Valentinafil26@gmail.com

Термин «толерантность» первоначально использовался в естественных науках, где и приобрел множество различных оттенков истолкова-

ния. Так в медицине данный термин обозначает либо абсолютную невосприимчивость к определенному веществу, либо привыкание, при котором следующая доза необходимо должна превышать предыдущую для достижения того же эффекта. Показательно, что только два этих определения уже диаметрально противоположны. В биологии толерантность – подобие пластичности, т.е. организм в состоянии подстраиваться и переносить без угрозы для жизни различные климатические, экологические отклонения от условий привычной среды обитания. Толерантность химических веществ означает неспособность вступать в реакцию, по сути, способность «игнорировать».

Таким образом, применительно к социальным наукам и обществу в целом, толерантность также имеет множество различных определений. Зачастую под толерантностью подразумевают терпимость [2], но рассматриваемый термин носит намного более глубокий и многогранный характер. В Новой философской энциклопедии толерантности дается следующее определение: «...это качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостойной личности и выражющееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т.п.). Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим, признание и уважение его права на отличие» [3].

Толерантность есть не терпение и не привычка. Терпимость – представляет собой скорее пассивность, покорность или смиренение, в т.ч. с причиненным ущербом. Можно привыкнуть терпеть, но это не означает «быть толерантным». Толерантность – это, в первую очередь, понимание, благодаря которому появляется возможность примирения с мировоззрением, убеждениями, образом жизни другого.

Современное общество претерпевает изменения, затрагивающие весь системный фундамент: от производственных отношений и технологического уклада до политических, духовных и культурных основ. Происходящие изменения характеризуются разными терминами, такими как «глобализация», «век информации», «постиндустриальное общество» и т.д., тем не менее, многими исследователями подчеркивается, что общество будущего основано на информации и знаниях [1, С. 124]. В процессе становления информационного общества происходит изменение критериев нравственных и социальных ценностей [4, с. 66]. В частности, информация выходит на первый план, становится базовым аксиологическим основанием современного общества. Постоянно возрастающая скорость распространения информации посредством продуктов информационного общества – сети Интернет и СМИ – приводит к тому, что сообщаемая массе людей информация о событии может преподноситься с совершенно разных

ракурсов, не достаточно ясно, точно и правдиво изображающих действительное положение дел.

Таким образом, если речь заходит о толерантности в современном обществе, то, в первую очередь, толерантность, понимание и критическое осмысление должны происходить не в отношении произведенного действия, а в отношении преподносимой информации.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. – 788 с.
2. Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО, 1995.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд [электронный ресурс]. URL: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> (Дата обращения: 23.10.2016).
4. Петров В.В. Модернизация российского общества: комплексный подход к реформе образования // Профессиональное образование в современном мире. 2014. № 2. С. 64-73.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНБАССА)

А.В. Чеботарева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
abc5071@mail.ru

На всех этапах развития того или иного государства, в определении государственного курса ведущую роль играли представители управленческого звена. В соответствии с особенностями становления государственно в СССР формирование системы органов власти на местах имело свои отличия. После революционных событий 1917 года, большевики столкнулись с проблемой создания организованного, дисциплинированного государственного аппарата для восстановления народного хозяйства и эффективного претворения в жизнь социалистических идей. Процесс становления, укрепления и функционирования советских управленческих, судебных, карательных структур является изученным в достаточной мере, но, остаются вопросы, которые требуют нового исследования и осмыслиения. Кем были те люди, которые пришли во власть на первом этапе советских преобразований? Откуда они взялись? Какую социальность несли на себе те, кто вошел во власть в провинциях в начале 1920-х годов?

Вопрос о руководящих должностях на местах решался в основном за счет партийных большевистских кадров, проявивших себя в подпольной и революционной деятельности.

Вся работа по подбору и расстановке кадров сосредоточивалась в высших партийных учреждениях. Для формирования партийно-государственного аппарата в апреле 1919 г.. ВЦК КП(б)У был создан учетно-распределительный отдел, который занимался учетом, «мобилизацией, перемещением и назначением» членов партии [3, С.241].

Так, в период с ноября 1920 г. по февраль 1921 г. ЦК РКП(б) направил в Донбасс 233 коммуниста, с ноября 1920 г. по апрель 1921 г. по решениям ЦК КП(б)У в Донбасс было направлено более 1000 коммунистов. Большинство из них возглавили партийные и советские органы, важные промышленные предприятия - шахты, заводы, фабрики [4, С.159].

После установления Советской власти в Донбассе в 1920 г. основной упор в кадровой политике регионального управления был сделан не на местных сотрудников, а на выходцев из других регионов бывшей Российской империи. Эти мероприятия были связаны с унификацией, определенной универсализацией управленческого механизма для преодоления отчуждения между различными регионами и регионами и столицами.

Кроме ЦК роль «кадрового агентства» взяла на себя Красная Армия. Именно Гражданская война стала тем социальным пространством, которое позволило сформировать целую «армию новых людей». Таких людей, кто не просто признал Советскую власть, но и прошел боевые тесты на лояльность.

Графа «служил в Красной Армии» была так же обязательна в анкете ответственного работника, как и, графа «партийность», «партийный стаж». Количество представителей власти на местах, которые служили в Красной Армии, было выше, чем количество членов большевистской партии. Так, согласно списку учета ответственных работников Донецкого губисполкома за 1923 год из 27 человек только 4 (14,8%) не служили в армии (из них – 2 чел. - женщины), а не были членами партии 8 чел., почти 30% [1, д.166, л.272]. Если на губернском уровне количество бывших армейцев составляла 85,2%, то на уровне секретарей сельских советов - 66,3%, а на уровне членов сельских советов – 22,09% [3, С.243].

Чтобы в полной мере представить социальный портрет провинциальных чиновников в 1920-е гг., необходимо обратить внимание на их национальный и возрастной состав. Так, среди 835 председателей сельских советов в Донбассе в 1923 году немцев было 12 человек (1,44%), «других» (поляки, греки, евреи, белорусы, армяне) - 30 человек (3,59%) [1, д.166, л.273]. Однако чем выше было звено управления, тем больше становился в ней процент тех самых «других». Среди 27 сотрудников Донецкого губисполкома в 1923-1924 гг. «других» было 52% (9 евреев, 2 немца, 1 латыш, 1

поляк, 1 грек), русских - 37% (10 чел.), украинцев - 11% (3 чел.) [1, д.166, л.272]. Таким образом, национальный состав работников местного управления полностью отображал национальную структуру населения Донбасса.

Исследование возрастной структуры ответственных работников Ново-экономического района Донецкой губернии, показало, что средний возраст 35 сотрудников составлял 29 лет (возраст от 20 до 30 лет имели 23 чел. (65,7%), от 31 до 40 лет – 9 чел. (25,7%), старше 41 года – 3 чел. (8,6%) [2, д.237, л.6-9]. Следовательно, что в руководящее звено региона включены лица в возрасте полного физического и духовного совершенства, а с другой стороны, это возрастная группа вынесла на своих плечах весь цикл событий военного и революционного времени.

Одним из основополагающим критерием подбора на руководящую должность было социальное положение претендента. Лицом власти на местах стали рабочие, крестьяне, интеллигенты и «письмоводы». Относительное количество представителей рабочего класса в губернских, окружных, районных и сельских учреждениях власти составляло более 30%, то есть – третью часть. Треть составляли «письмоводы», еще треть – представители крестьянства, интеллигенции, служащих и «других» [1, д.166, л.2, 272, 276-277]. Приведенные факты подтверждают классовый принцип комплектования аппарата управления на местах.

Подводя итоги, отметим, что большевистская власть на начальном этапе становления Советского государства формирует новый тип чиновника, который отличался от старого своим социально-классовым происхождение, профессионально-квалификационным уровнем, политическими взглядами.

Литература

1. Государственный архив Донецкой области (Далее – ГАДО). - Ф. Р.-1146. – Оп.1.
2. ГАДО – Ф.68. – Оп.1.
3. Стяжкіна О. В. Бути владою: антропологічні коди провінційних радянських керівників 1920-х років (на матеріалах Донбасу)//Нові сторінки історії Донбасу: Зб. ст. Кн. 17/18 – Донецьк, ДонНУ, 2009. – С.239-263.
4. Очерки истории Ворошиловградской партийной организаци/Шараев Л.Г, Гончаренко Н.Г. и др.–Киев: Политиздат Украины, 1979.–470с.

КАТЕГОРИЯ «ПОВСЕДНЕВНОСТЬ» В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Э.Е. Шумилова

Институт истории Сибирского отделения РАН

e-shumilova@yandex.ru

Теоретические подходы к исследованию истории повседневности в исторической науке существенно различаются в зависимости от используемых понятий, методов работы с историческими источниками и их интерпретации. Использование термина «повседневность» в разных контекстах может быть определяющим с точки зрения логики и обоснованности выводов исторического исследования.

Само понятие «повседневности» в исторической науке наиболее детально было раскрыто в исторических трудах представителей школы «Анналов» (Ф. Бродель, М. Блок, Л. Февр), в особенности в работах Ф. Броделя, где большое внимание было уделено не только описанию внешней социальной среды, но и восприятию исторической эпохи и ее культурных проявлений в жизни людей, их отношение к происходящим историческим событиям [1, с. 39-40; 2, с. 26-27]. При этом для изучения повседневности привлекались общенаучные методы и подходы других гуманитарных наук, что наиболее ярко было отражено в работах А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана и др. [3, 4]. К пониманию повседневности как структуры, определяющей связи и отношения между эпохой и личностью, а также вниманию к внутреннему миру человека, призывали работы российских ученых и философов И.Т. Касавина, С.П. Щавелева, В.Н. Сырова, П.Н. Кондрашева [5, 6, 7].

В исторической науке при изучении повседневности также существуют различные методологические подходы, в которых повседневность может быть интерпретирована как взаимодействие макро- и микро-процессов (Б.Г. Могильницкий) [8], а также в контексте поиска достоверной информации о внутреннем мире и восприятии эпохи людьми, отраженной в исторических источниках (А.Н. Медушевский) [9]. Тем самым среди множества определений понятия «повседневность» в научной литературе наиболее приемлемым представляется определение П.Н. Кондрашева и К.Н. Любутина о том, что повседневность – это «форма непосредственной человеческой деятельности, представляющая собой совокупность повседневного бытия, то есть того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей трудовых будней и домашнего быта, и обыденного сознания, то есть того, в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей» [10, с. 261-262]. Такой подход

обоснованно раскрывает не только социально-исторические условия, например, городской жизни, но и характеризует социальное положение и повседневную жизнь горожан, их восприятие исторической эпохи, которые проявляются как в их трудовой деятельности, так и в формах обыденной жизни, творчества, культуры и самоопределения. Тем самым в таком подходе будут синтезированы как принципы и идеи школы «Анналов», так и общенаучные принципы когнитивного подхода к истории.

Изучение повседневной жизни – одна из самых сложных проблем современного исторического дискурса, что связано, в первую очередь, с включённостью самого исследователя в сферу повседневности, ведь она – это тот мир, в котором мы все рождаемся, проводим свою жизнь и умираем, поэтому исследование происходит «внутри» объекта. С другой стороны, феномен повседневной жизни, как и реконструкция её в условиях конкретной исторической эпохи, сравнительно новое научное направление, что подразумевает дискуссионность, разнообразие подходов и размытость терминов. Окончательное признание научным обществом истории повседневности произошло сравнительно недавно и состоялось лишь в конце 1980-х гг. Действительно, категория «повседневность» в качестве общего понятия для различных форм общности и взаимодействия слишком аморфна. Со временем романтизма повседневность видится как «пошлость жизни», застой и повторение, лишенные поэтического смысла.

Развивая это направление, австрийский социолог и философ А. Шюц дифференцировал все «жизненные миры» на «конечные области значений» (религия, сон, игра, научное теоретизирование, художественное творчество, мир душевной болезни и пр.), то есть знаково-символические сферы языковых конструкций, переход из которых требует определенного смыслового скачка. «Архитектор» социальной феноменологии выделил шесть конституирующих элементов повседневности, провозглашенной им «верховной реальностью»:

- трудовая деятельность, ориентированная на внешний мир;
- специфическая уверенность в существовании и достоверности восприятия внешнего мира;
- активное и напряженное отношение к жизни;
- восприятие времени через призму трудовых ритмов;
- определенность личностной самоидентификации;
- особая форма социальности как мира социального действия и коммуникации [3].

Повседневность можно определить как обычное ежедневное существование со всем, что окружает человека: его бытом, средой, культурным фоном и языковой лексикой. Но эта самоочевидность повседневности делает ее особенно неуловимой. «Повседневное» это то, что происходит «каждый день», в силу чего не удивляет. Оно

обнаруживается в форме рутины, привычки и многочисленных знакомых явлений.

Интересный подход к изучению будничной жизни был предложен В. Н. Сыровым. По его мнению, повседневность было бы эффективнее рассматривать как некоторую структуру или тип структуры, продолжая тем самым путь, проложенный А. Шюцем [6]. В контексте этого пути повседневность связывается не с какими-либо объектами, доступными для обыденного познания, и не с доминирующими предметами интереса в виде дома, семьи, работы. Повседневность рассматривается как один из способов освоения действительности.

Базисные компоненты обыденного мира в таком случае концентрируются вокруг вопроса «как», а не «что». Тем самым повседневность предстает перед нами в виде своеобразной машины по производству значений, по созданию и преобразованию всевозможных объектов. Автор отметил такие существенные характеристики повседневности, как персонификацию (превращение понятия в образ), реификацию (представление процессов в виде предметов) и рецептуризацию (превращение предмета в список способов обладания им). Именно стремление человека сделать окружающий мир понятным, ожидаемым, предсказуемым и в конечном итоге полезным составляет, по мнению В.Н. Сырова, основное содержание его будничного существования.

В современной российской исторической науке развилась самостоятельная дискуссия по вопросу соотношения и содержания понятий «быт» и «повседневность». Понятие «быт», встречавшееся в российских работах как в прошлом, так и в настоящее время, является, по сути, синонимом понятия «повседневность». Понимание быта, повседневности претерпело эволюцию – от учета ее внешне-событийных и предметных проявлений к синтезу мыслительных и материальных структур повседневности. Именно такой синтез позволяет увидеть за внешне-предметными и событийными проявлениями повседневности внутренние, знаковые и символические смыслы, постичь повседневность как часть культуры.

В отличие от бытописателей XIX в. в работах современных ученых наметилась тенденция рассматривать быт, повседневную жизнь не изолированно, не как сферу, оторванную от больших исторических событий, политики, научного и технического прогресса, но как область, в которой проявляются, преломляются магистральные исторические процессы и которая, в свою очередь, оказывает влияние на ход истории. Появление темы повседневности в исторических исследованиях связано с утверждением нового понимания истории, согласно которому ее ход определяется не только политическими событиями, экономическими

законами, выдающимися личностями, но и неприметным ходом обыденных дел, «жизнью незамечательных людей».

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. - М., 1986;
2. Л. Февр отмечает, что «предмет наших исследований - не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является» (Февр Л. Бой за историю. – М., 1991. – С. 26-27).
3. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1993. - № 2. – С. 129-137;
4. Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. – М., 1996. – С. 535-538.
5. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М., 2004;
6. Сыров, В.Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) / В.Н. Сыров // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. – Спец. вып. 1 (6). – С. 147-159.
7. Кондрашев П.Н. Исторические структуры повседневности: попытка марксистского анализа. – LAPAcademicPublishing, 2012.
8. Могильницкий Б.Г. Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». – 2009. – № 2 (6). – С. 14-21;
9. Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. – 2009. – С. 3-22.
10. Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: методологический подход. - Екатеринбург, 2007.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Е.С. Юдицкая

Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск
E_Yuditskaya@mail.ru

22 июня 1941 года – исторический день нападения фашистских войск на Советский Союз. С этого дня началась еще одна страница нашей страны. Не осталось ни одной семьи, ни одного дома, кого бы обошла стороной большая беда. Великая Отечественная война – огромная душевная

рана в человеческих сердцах, уроки которой необходимо усвоить всем ныне живущим поколениям.

Но годы идут, и постепенно уходят из жизни реальные очевидцы этой войны, стирается «живая память», остаются жить лишь образы и воспоминания. В связи с этим, особая роль отводится нынешней молодежи как, возможно, единственному объекту, способному сохранить и передать будущим поколениям память о войне. Тем самым проблема сохранения исторической преемственности, передачи накопленного опыта, чувства гордости за героическое прошлое выступает в качестве одного из наиболее важных вопросов развития современного общества. Историческая память, по мнению Ж. Т. Тощенко, определенным образом «сфокусированное сознание», в котором информация о прошлом концентрируется и приобретает актуальность, благодаря её тесной связи с настоящим и будущим [6].

Для всестороннего изучения вопроса сохранения исторической памяти необходимо обратиться к междисциплинарному подходу. Он позволяет отразить важную характеристику – главным предметом истории становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлился у переживших его участников и современников, реконструировался в последующих поколениях с помощью методов исторической критики [3]. Память о войне – это память о наших предках, их подвигах и героизме, дань уважения к случившимся событиям и основа каждой семьи и страны в целом.

В настоящее время, сложность и острота поставленных задач сохранения исторической памяти осложняется рядом противоречий. Во-первых, в условиях неопределенности и трансформации общества осуществляется иной процесс социализации детей и подростков. В связи с этим, необходимо усиление использования социально-исторического опыта в деле воспитания для того, чтобы облегчить их дальнейшее существование и самоопределение. Во-вторых, увеличиваются варианты и разнообразие социального, духовного, политического, экономического развития общества, поэтому необходимо обеспечить целостное функционирование исторической памяти.

Что знают о Великой Отечественной войне нынешняя молодежь, в том числе школьники и студенты? Откуда они берут информацию и как относятся к ней? В чем для себя видят главные уроки Великой Победы? Для поиска ответов на эти вопросы в поствоенное время проводилось множество социологических исследований. Можно обратиться к некоторым из них.

Накануне 65-летия Победы – в декабре 2009 года было проведено социологическое исследование «Великая Отечественная война в исторической памяти россиян». Выборочная совокупность составила 700 человек – представители Санкт-Петербурга, Пензы и других городов России. Целью

исследования было изучение функционирования исторической памяти о войне у различных групп населения [7].

Результаты опроса показали, что среди опрошенных не нашлось ни одного человека, которого совсем не интересовали бы события Великой войны. У учащихся в возрасте 16-20 лет и молодежи от 21 до 30 лет просматривается явный интерес к изучению истории войны (см. рис. 1). Тем не менее, в ходе исследования было выявлено, что распределение уровня интереса может зависеть от возраста: в старших поколениях отсутствуют те, кого война мало интересует, а в младших поколениях таковых от 10 до 19%.

Интерес к событиям Великой Отечественной войны связан, во-первых, с ее масштабом и личным вкладом каждой семьи в ее исход. Во-вторых, война определила исход мировой истории, а не только истории одной конкретной страны. Это та точка отсчета, сквозь призму которой формируется оценка прошедшего и конструируется алгоритм понимания настоящего и будущего [7].

В советское время практически каждому были известны имена Зины Портновой, Николая Гастелло, Виктора Талалихина, Ивана Кожедуба и Зои Космодемьянской. Согласно исследованию, проведенному в 2014 году среди студенческой молодежи города Оренбурга, большинство помнит З. Космодемьянскую (33%) и Г. Жукова (21%) [1]. Молодежь интересуется жизнью героев той войны. Знания обычно передаются внутри семьи, ведь практически у каждого родители, бабушки, дедушки либо воевали, либо были военврачами, либо изготавливали военную технику и вооружение на военных заводах, были донорами в период войны.

Важнейший индикатор характера восприятия Великой Отечественной войны – оценка роли И. В. Сталина в ней. В целом почти две трети респондентов оценили её положительно, однако значения этого показателя в возрастных группах существенно различаются. Если в самой младшей возрастной группе (до 20 лет) его значение равно 47,6%, то в самой старшей (70 лет и старше) - 84,4% [5]! Сравнение материалов других исследований разных лет показывает, что авторитет Сталина в памяти народа возрастает: в 1990 г. высоко оценили его историческую роль всего 6% опрошенных, а в 2001 г. – уже 32,9% [4].

Сравнительный анализ данных опросов, проведенных в 2001-2015 гг. показывает, что Великая Отечественная война – знаковый символ, включающий пережитый старшими поколениями опыт, трансформировавшийся в ценности настоящего времени. Самое главное, что нынешняя молодежь помнит и чтит память о Великой Победе, что создает базу для единения всех поколений россиян.

Литература

1. Молодежный научный форум: Общественные и экономические науки. Электронный сборник статей по материалам XIII студенческой международной заочной научно-практической конференции. – Москва: Изд. «МЦНО». – 2014. – № 6 (13) [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_social/6\(13\).pdf](http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_social/6(13).pdf) (дата обращения: 20.10.2016)
2. Мысливец Н.Л. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи: социологический анализ // Актуальные социологические исследования. – 2015. – №1. – С. 23-29
3. Немирова Н.В. Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт качественного социологического исследования // Ученые записки ЗабГУ. – 2015. – № 4. – С. 157-165.
4. Результаты опроса населения Российской Федерации по проблемам исторического сознания // Социология власти. – 2001. – № 5. – С. 18.
5. Тавокин Е.П., Табатадзе И.А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 62-66
6. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память // Парадоксальный человек. – М., 2001.
7. Чернова О.В. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Политическое просвещение. – 2011. – №1(60). – Режим доступа: <http://www.politpros.com/journal/ID=138&journal=68> (дата обращения: 22.10.2016)

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИКАО ОТНОСИТЕЛЬНО ОГРАНИЧЕНИЙ НА ПОЛЕТЫ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ

Л. М. Белкин

Адвокатское бюро Марка Белкина «Эталон», г. Киев
belkinleonid@ukr.net

В практике гражданской авиации возникают ситуации, когда необходимо ограничить полеты в той или иной части международного неба для обеспечения безопасности полетов. В частности, это бывает необходимо в условиях военной активности.

Однако принятие таких решений часто сталкивается с проблемой экономической целесообразности, в первую очередь, для самих авиаперевозчиков, а также пассажиров. Авиаперевозчикам выгодно выбирать кратчайшие маршруты, даже если они пересекают районы боевых действий. Для авиакомпаний лететь в обход – ощутимые траты. Это и дополнительные расходы топлива, оплата работы экипажа. Кроме того, это сдвиги по расписанию, которые чреваты проблемами для пассажиров стыковочных рейсов. И так далее [1]. Следует иметь в виду, что абсолютная безопасность дорого стоит. Поэтому обществу всегда приходится выбирать между затратами и риском, применяя, конечно, меры снижения последнего. Так, в фундаментальном учебнике [2, с. 59] указывается, что требование абсолютной безопасности подкупает своей гуманностью, однако оборачивается трагедией для людей, потому что обеспечить нулевой риск в действующих системах невозможно, и человек должен быть ориентирован на возможность возникновения опасной ситуации, то есть ориентирован на соответствующий риск. Современный мир отверг концепцию абсолютной безопасности и пришел к концепции «приемлемого» (допустимого) риска.

Согласно п. а) ст. 9 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагская конвенция), каждое Договаривающееся государство может по соображениям военной необходимости или общественной безопасности ограничить или запретить на единообразной основе полеты воздушных судов других государств над определенными зонами своей территории при условии, что в этом отношении не будет проводиться никакого различия между занятыми в регулярных международных воздушных сообщениях воздушными судами данного государства и воздушными судами других Договаривающихся государств, занятых в аналогичных сообщениях. Такие запретные зоны должны иметь разумные размеры

и местоположение, с тем, чтобы без необходимости не создавать препятствий для аэронавигации.

То есть суть заключается не в обязанности запретить полеты, а в требованиях осторожно применять такие запреты.

В пунктах 6.3, 10.6 Руководства ICAO Doc 9554-AN/932 (далее – Руководство) о мерах безопасности, принимаемых в связи с военной деятельностью, потенциально опасной для осуществления полетов гражданских воздушных судов, используются формулировки соответственно: «в том случае, когда гражданским воздушным судам разрешено пролетать через район военной деятельности...» и «если полеты гражданских воздушных судов через район конфликта разрешены...». Это означает, что запрет на полеты через район военной деятельности не является абсолютным.

Согласно п. 3.2 Руководства, видами военной деятельности, которая может создавать угрозу гражданским воздушным судам и которая должна координироваться с органами обслуживания воздушного движения (ОВД), являются следующие: а) учебные стрельбы или испытания любого вида оружия класса «воздух-воздух», «воздух-земля», «земля-воздух» или «земля-земля», которые осуществляются в данном районе или осуществляются таким образом, что это может затрагивать гражданское воздушное движение; б) некоторые действия военных воздушных судов, например воздушные парады, тренировочные полеты или преднамеренные сбросы предметов или авиадесантников; с) запуск и возвращение космических кораблей; и д) операции в конфликтных районах или в районах потенциальных военных конфликтов, если они представляют потенциальную опасность для гражданского воздушного движения.

Вместе с тем, согласно п. 2.16.1 Руководства, подготовка к деятельности, создающей потенциальную опасность для гражданских воздушных судов над территорией государств или над открытым морем, согласуются с соответствующими полномочными органами ОВД. Эта координация осуществляется достаточно заблаговременно для обеспечения своевременной публикации информации о такой деятельности... Если соответствующий полномочный орган ОВД находится не в том государстве, где расположена организация, которая планирует такую деятельность, координацию сначала следует осуществлять через полномочный орган ОВД, ответственный за воздушное пространство над государством, где эта организация расположена. Координация имеет цель обеспечить оптимальные условия, которые позволят избежать создания опасности для гражданских судов и свести к минимуму помехи нормальному производству полетов таких воздушных судов, исключения блокирования наиболее экономичных эшелонов полета.

Согласно пунктам 10.3, 10.5 Руководства, основываясь на имеющейся информации, государство, отвечающее за обслуживание воздушного движения, должен определить географический район конфликта, оценить опасность или потенциальную опасность для выполнения полетов гражданских воздушных судов международной авиации и определить, следует избегать полетов в районе конфликта или через него или полеты могут продолжаться при соблюдении определенных условий. Меры безопасности, которые следует принять, будут зависеть от оценки государства, ответственного за обеспечение обслуживания воздушного движения, характера и степени опасности или потенциальной опасности для гражданских воздушных судов и решения о том, могут ли полеты гражданских воздушных судов через район конфликта выполняться без риска.

Литература

1. Доспехова Е. Как защитить пассажирские самолеты от обстрелов в зонах боевых действий? // Деловая столица [Электронный ресурс]. – 23.07.2014. – Режим доступа: <http://www.dsnews.ua/world/kak-zashchitit-passazhirskie-samolety-ot-obstrelov-v-zonah-23072014123200>
2. Надежность технических систем и техногенный риск : Учебное пособие / В.А. Акимов, В.Л. Лапин, В.М. Попов и др. – М. : ЗАО ФИД «Деловой экспресс», 2002. – 368 с.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРАВА НА ПРАВОВУЮ ПОМОЩЬ

М. Л. Белкин

Юридическая Компания «MORIS GROUP», г. Киев
belkinmark@list.ru

Европейский суд по правам человека(далее – ЕСПЧ) неоднократно признавал неприемлемыми злоупотребления правоохранительных органов пробелами в законодательстве с целью исключить и/или ограничить реализацию права граждан на правовую помощь.

Так, в п. 50 Решения от 18.12.2008 г. по делу «Луценко против Украины» ЕСПЧ отметил, что господин Н.Л. дал свои признательные показания во время допроса его как свидетеля. Суд отмечает, что, в отличие от подозреваемого или обвиняемого, которые согласно действующему законодательству пользовались правом «на молчание», свидетель был обязан сообщить всю известную ему информацию, иначе он бы нес уголовную ответственность. Более того, в отличие от подозреваемого или обвиняемого свидетель не имел предусмотренного законом права проконсультироваться с адвокатом перед первым допросом. ЕСПЧ признал использование

таких свидетельств недопустимыми.

Впп. 53-57 Решения от 19.02.2009 г. по делу «Шабельник против Украины» ЕСПЧ отметил, что, как правило, уже в начале полицейских допросов обвиняемому должна предоставляться возможность пользоваться помощью защитника. Права защиты будут в принципе непоправимо нарушены, если при осуждении лица судом будут использоваться обличительные показания, полученные во время допроса без присутствия защитника (дело «Сальдуз против Турции», от 27.11.2008 г.). Относительно использования доказательств, полученных с нарушением права задержанного на молчание и права не свидетельствовать против себя, Суд напомнил, что это – общепризнанные международные стандарты, которые являются основными составляющими понятия справедливого судебного разбирательства. Установление таких стандартов объясняется, в частности, необходимостью защиты обвиняемого от неправомерного давления со стороны органов власти, что позволяет избежать ошибок при осуществлении правосудия и реализации целей статьи 6 Конвенции. Право не свидетельствовать против себя требует, в частности, от стороны обвинения в уголовном деле не допускать – при попытках доказательства своей версии против обвиняемого – использование доказательств, полученных с помощью методов принуждения или давления, вопреки воле обвиняемого. С учетом изложенного, Суд отметил, что с первого допроса заявителя стало очевидным, что его показания были не просто показаниями свидетеля преступления, а фактически признанием в его совершении. С того момента, когда заявитель впервые сделал признание, уже нельзя было утверждать об отсутствии у следователя подозрения о причастности заявителя к убийству. Существование такого подозрения подтверждалось тем фактом, что следователь предпринял дальнейшие меры для проверки достоверности признательных показаний заявителя, проведя воспроизведение обстановки и обстоятельств событий, то есть следственные действия, которые обычно проводятся с подозреваемым. По мнению Суда, положение заявителя стало значительно уязвимее сразу после принятия серьезных следственных мероприятий по проверке подозрения относительно него и подготовки версии обвинения (см. дело «Х. против Соединенного Королевства» от 11.05.1978 г.). Итак, учитывая обстоятельства рассматриваемого дела, ЕСПЛ признал показания, когда заявитель признался в убийстве г-жи К. без присутствия адвоката недопустимыми, и отклоняет предварительное возражение Правительства.

В Решении ЕСПЧ от 21.04.2011 г. «Нечипорук и Йонкало против Украины» ЕСПЧ критически отнесся к практике использования правоохранительными органами административного задержания для «выбивания» необходимых правоохранителям показаний, касающихся уголовно наказуемых действий. Так, в п. 178 Решения ЕСПЧ отметил: «Что касается

первичного трехдневного задержания первого заявителя с 20 до 23 мая 2004 г., оформленного милицией как основанного на подозрении в административном правонарушении, ЕСПЧ отмечает, что во время этого задержания жалобщик фактически рассматривался как подозреваемый в уголовном преступлении – убийстве г-жи И. Жалобщик был допрошен следователем по этому убийству, и он признался в нем, после чего милиция провела обыск в его зарегистрированном и фактическом местах проживания. Исходя из этих фактов, ЕСПЧ считает, что административное задержание заявителя было на самом деле его арестом в соответствии со статьей 5 § 1 (с) Конвенции как лица, подозреваемого в убийстве, без, однако, обеспечения его процедурных прав как подозреваемого, особенно без обеспечения права на защиту (см. Kafkaris v. Cyprus[GC], от 19.02.2009 г.). В precedente Doronin ЕСПЧ осудил такое поведение власти как несовместимое с принципом юридической уверенности и которое является произволом, что противоречит принципу верховенства права. В п. 264 Решения ЕСПЧ вновь подчеркнул, что тем, что милиция формально оформила административное задержание заявителя, но фактически рассматривала его как подозреваемого в совершении уголовного преступления, милиция лишила его доступа к адвокату, который был обязан согласно украинскому законодательству для лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, по которому он фактически допрашивался.

Следовательно, отражая суть Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ЕСПЧ признал, что использование показаний лиц, которые они давали без участия адвоката или другого специалиста в области права даже до предъявления официального обвинения, для дальнейшего обоснования вины в совершении преступления является нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции.

РАЗВИТИЕ ГЧП В РОССИИ В ФОРМЕ КОНЦЕССИИ

Ф. А. Бобров

БФУ им. И.Канта, г. Калининград

Bobrov.filipp@yandex.ru

Для эффективного функционирования экономики страны необходимо ее развитие. В рыночных условиях государство не способно всецело поддерживать все отрасли хозяйственной деятельности, в связи с чем возникает необходимость в инвестициях со стороны частного бизнеса. В связи с этим в последнее время в России становится популярным такой механизм привлечения частных инвестиций, как государственно-частное партнерство (ГЧП). В РФ одной из востребованных форм ГЧП представляется

как концессия. А на данный момент, в условиях введенных санкций в сторону РФ, ощущается острые нехватка инвестиционных ресурсов, в связи с чем концессионную модель можно рассматривать как перспективную и привлекательную форму привлечения инвестиций. Все вышесказанное предопределяет актуальность проведенного исследования.

Прежде, чем приступить к непосредственному анализу концессии как формы ГЧП, представляется целесообразным привести определение ГЧП, законодательно закрепленное в ст. 3 ФЗ № 224-ФЗ [1].

Так, государственно-частным, а также муниципально-частным партнерством признается юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с ФЗ в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества.

Концессию как форму ГЧП регулирует ФЗ от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [2].

Согласно ст. 3 указанного ФЗ, по концессионному соглашению одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет создать и (или) реконструировать определенное этим соглашением имущество, право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности.

Анализ положений ФЗ № 115-ФЗ позволил выделить следующие характерные признаки концессии:

- предметом является государственная (муниципальная) собственность
- одним из субъектов концессионного соглашения выступает государство (муниципалитет)
- имеет договорную основу (концессионное соглашение)
- опирается на возвратность предмета соглашения.

В ходе данного исследования был проведен сравнительный анализ норм и положений закона о ГЧП и закона о концессионных соглашениях, в результате чего были сделаны следующие выводы и определены следующие проблемные вопросы.

1. Закон «О концессионных соглашениях» не в полной мере отражает тонкости концессионных механизмов- закон не предусматривает определения концессии, он посвящен процессу заключения концессионного соглашения.

2. ФЗ напрямую не предусматривает минимальный срок, на который может быть заключено концессионное соглашение (п.1 ст.6). Размер срока заключения соглашения в сфере ГЧП не менее, чем на три года, следует из ФЗ № 224-ФЗ (ст.3). В ситуации отсутствия минимального определенного срока существует вероятность возникновения риска массового заключения концессионных соглашений на минимальный срок с последующим внеконкурсным приобретением имущества.

3. ФЗ № 115-ФЗ не предусматривает четких критериев оценки эффективности и сравнительного преимущества проекта.

4. Отсутствие по большинству нормативно-правовой базы на уровне субъекта, определяющей, в частности, порядок инициации и заключения концессионных соглашений, где четко прописаны принципы их заключения, сроки, ответственные субъекты. Наличие таковой могло бы способствовать повышению заинтересованности частных партнеров к концессионному соглашению вследствие определенности и наличия разъяснений.

5. Ст. 17 ФЗ № 115-ФЗ не предусматривает возможность передачи споров на рассмотрение в международный арбитраж, тем самым ограничивая возможность участия в заключении концессионного соглашения зарубежных лиц.

Для решения актуальных проблем правового регулирования концессии как формы ГЧП и в целях дальнейшего его совершенствования можно предложить следующие мероприятия по обозначенным проблемам.

1. Дополнить ФЗ № 115-ФЗ определением «концессии».

2. Дополнить п. 4 ст. 4 Закона №115 – ФЗ положением о минимальном сроке концессионного соглашения.

3. Обозначить критерии, которыми могла бы руководствоваться комиссия при выборе наиболее подходящего проекта. Включить в форму предложения о заключении концессионного соглашения пункт, содержащий данные об опыте потенциального концессионера в части реализации аналогичных проектов.

4. Организовать в субъектах РФ специализированные государственные органы или структуры, обладающие необходимыми компетенциями и полномочиями на проработку и сопровождение проектов ГЧП.

5. Внести дополнение в ст. 17 ФЗ № 115-ФЗ о возможности передачи споров на рассмотрение в международный арбитраж, что повысит привлекательность участия зарубежных частных партнеров в сфере заключения концессионных соглашений.

Таким образом, наличие проблемных вопросов в законодательстве в сфере регулирования государственно-частных отношений, в частности, в сфере концессионных соглашений, свидетельствуют о необходимости дальнейшего дополнения законодательных актов. Предлагаемые мероприятия могли бы помочь избежать определенных правовых трудностей, возникающих в сфере ГЧП и дать толчок развитию данного института.

Литература

1. ФЗ от 13.07.2015 № 224-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»
2. ФЗ от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О концессионных соглашениях»

ПРОБЛЕМЫ «МНОГОЛИКОСТИ» ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ООО

В.В. Боброва

БФУ им. И.Канта, г.Калининград
vshapka@innopark

С 1 сентября 2014 г. в силу вступили изменения, внесенные ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой ГК РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ» [1]. Данные изменения наряду с другими коснулись и вопросов управления хозяйственными обществами, в частности – вопросов об единоличном исполнительном органе (ЕИО) ООО.

Одной из наиболее дискуссионных новелл является возможность функционирования в юридическом лице нескольких ЕИО (п.1 ст. 53 ГК РФ) [2]. Аналогичная норма закреплена в п.3 ст. 65.3 ГК РФ. При этом полномочия ЕИО могут осуществлять несколько лиц, действующих совместно, либо несколько ЕИО, действующих независимо друг от друга. Данное положение базируется на принципе «двух ключей», используемого в западных странах уже с середины 1990-х годов [3].

Предоставленная возможность назначать несколько ЕИО может положительно сказаться на ускорении гражданского оборота распределение полномочий позволяет снизить нагрузку на одного директора.

Также наличие нескольких ЕИО предотвращает временную неспособность юридического лица в случае отсутствия единственного директора на рабочем месте. Конечно, можно назначить временно исполняющего обязанности ЕИО, однако стоит иметь ввиду, что лицо, осуществляющее функции ЕИО, назначая ВРИО данного органа, несет риски при-

знания приказа о назначении последнего недействительным. Судебная практика: первая позиция судов- лицо, осуществляющее функции ЕИО, не вправе назначать ВРИО [4, 5, 6]; вторая позиция- противоположная [7, 8].

Кроме того, к одному из главнейших преимуществ закрепленного в законодательстве нововведения можно отнести взаимный контроль участников организации [9, 10, 11]. Помимо положительных сторон данной новеллы автором были выявлены трудности, которые могут возникнуть на практике. Стоит обратить внимание на данную в п.3 ст. 65.3 ГК РФ формулировку «действующие совместно». Она предполагает согласованность действий каждого из директоров друг с другом. На практике может возникнуть сложность при получении согласия всех директоров в случае отсутствия или несогласия кого-либо из них. В таком случае процедура согласования может только усложнить процесс. Если функции ЕИО будут осуществляться несколькими директорами совместно, сведения об этом необходимо внести в ЕГРЮЛ. Иначе предполагается, что они действуют раздельно и осуществляют полномочия самостоятельно по всем вопросам компетенции ЕИО компании [12].

Еще одним, не менее важным, положением является указание на возможность создавать несколько единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга. При создании нескольких ЕИО, согласно законодательству, полномочия каждого директора должны быть прописаны в учредительных документах (для ООО данным документом является Устав- ст. 12 ФЗ «Об ООО» [13]), а сведения об этом должны быть включены в единый государственный реестр юридических лиц (абз. 3 п. 1 ст. 53 ГК РФ). Подобная конструкция может быть полезна компаниям с многопрофильной деятельностью- в таком случае каждый директор будет ответственным за определенный круг вопросов.

Нынешнее законодательство (п.1 ст. 40 ФЗ «Об ООО») допускает различные варианты наименования должности ЕИО. При этом различия в наименовании должности не влияют на статус ЕИО, на его место в системе органов управления общества. Несоответствие наименования должности в подписанным от имени ООО документе не влияет на действительность данного документа [14].

В заключение хотелось бы отметить, что последствия введения и применения на практике принципа «двух ключей» видятся неоднозначным. При выборе воспользоваться ли новеллой, необходимо тщательно оценить положение общества, учесть стоящие перед компанией цели и задачи, личностные качества специалистов.

Литература

1. О внесении изменений в главу 4 части первой ГК РФ и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ: федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ // «Официальный интернет-портал правовой информации», 5.05.2014
2. ГК РФ (Ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ//«Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301
3. Принцип «двух ключей» и иные особенности внутрикорпоративного управления по новой редакции ГК РФ [Электронный ресурс] / BondandStock. LawFirm. – Режим доступа: <http://bondstock.ru/>, свободный. (Дата обращения: 15.10.2016)
4. Определение ВАС РФ от 28.07.2011 № ВАС-9232/11 по делу № А40-163238/09-125-802
5. Определение Ленинградского областного суда от 29.10.2014 № 33-5130/2014
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2011 № 09АП-31253/2010-ГК по делу № А40-163238/09-125-802
7. Постановление АС Уральского округа от 26.11.2014 № Ф09-7730/14 по делу № А76-5959/2013
8. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 25.06.2015 № Ф04-20941/2015 по делу № А45-15825/2014
9. Киракосян С. А., Власова А. В. О «многоликом» единоличном исполнительном органе корпорации. Теоретические и практические аспекты развития юридической науки / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции № 2. Ростов-на-Дону, 2015. 71
10. Руденко Е. Ю. «Некоторые правовые вопросы о единоличном исполнительном органе юридического лица в свете реформы гражданского законодательства» // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 101. С. 2444-2457.
11. Турбина И. А. Единоличный исполнительный орган хозяйственного общества в системе корпоративного управления//Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. – № 1 (30). – С. 145-150.
12. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ»
13. Об ООО: федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. от 06.04.2015)// «Собрание законодательства РФ», 16.02.1998, № 7, ст. 785
14. Постановление ФАС ПО от 12.05.2010 по делу № А65-517/2010

УЧЕТ ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНЫХ КОНСУЛЬТАЦИЙ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РЕГИОНА

А.Б. Дицикин

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
abdidikin@bk.ru

*Работа выполнена при финансовой поддержке Научного фонда
экономического факультета НГУ*

Применение экономической экспертизы действующих правовых актов и оценки регулирующего воздействия проектов правовых актов в сфере предпринимательской деятельности в Новосибирской области за последние три года выявило ряд особенностей для дальнейшего развития этих институтов общественного обсуждения. В регионе с самого начала сформировалась смешанная модель ОРВ и экспертизы с вовлечением экспертного сообщества в практику публичных консультаций [1]. Наряду с этим План экспертизы каждое полугодие проходит обсуждение и согласование на заседаниях Экспертного совета по ОРВ при министерстве экономического развития Новосибирской области.

На совершенствование практики ОРВ и экспертизы в регионе оказывают влияние меры по поддержке инвестиционного климата в регионе. В частности, с 2016 г. действует «дорожная карта» по улучшению показателей Национального рейтинга инвестиционного климата регионов, учитывая, что место региона в Национальном рейтинге остается невысоким (58 место по итогам 2014 г. и 47 место по итогам 2015 г.). Отсюда следует, что тенденции развития институтов ОРВ и экспертизы скорее определяются автономно от иных мер по улучшению делового климата.

В текущем году предпринимаются попытки формирования региональной модели «парламентского» ОРВ с вовлечением депутатского корпуса в публичные консультации и инициирование экспертиз. Как показывает региональная практика, депутаты часто выдвигают предложения от Законодательного Собрания Новосибирской области для включения их в План экспертизы. Одним из интересных примеров стала отмена в 2016 году действовавшего с 2002 г. Закона НСО «О мерах по поддержке товаропроизводителей в Новосибирской области» после проведения публичных консультаций по усовершенствованию данного Закона, а затем его замены на более новый нормативный правовой акт – Закон «Об отдельных

вопросах, связанных с осуществлением промышленной политики в Новосибирской области».

Высока роль Уполномоченного по защите прав предпринимателей в НСО, который выступает не только субъектом, анализирующим и работающим с жалобами предпринимателей, но и активно продвигающим пра-вотворческие инициативы на региональном и местном уровнях. Замести-тель и руководитель Аппарата Уполномоченного входит в состав Эксперт-ного совета по ОРВ и экспертизе мэрии Новосибирска.

В 2013-2016 гг. уровень информированности предпринимателей об ОРВ и экспертизе повышается с точки зрения информационного сопрово-ждения процедур ОРВ и экспертизы на Инвестиционном портале НСО и портале «Электронная демократия в НСО» [2]. Способами повышения ин-формированности являются:

- действующая в регионе с 2013 г. Экспертная группа Агентства стратегических инициатив, осуществляющая мониторинг практики ОРВ, выявления проблем делового климата в регионе;

- участие деловых ассоциаций и объединений остается пока на среднем уровне, несмотря на регулярное информирование (НГТПП, ТПП НСО, МАРП, Деловая Россия, Опора России, отраслевые ассоциации).

Следует отметить, что в регионе отсутствуют специализированные независимые аналитические центры в регионе, контактирующие с феде-ральными структурами, что создает ряд трудностей для активного прове-дения публичных консультаций в муниципальных образованиях региона. Фактически круг участников таких консультаций на местном уровне оста-ется совсем небольшим по количеству.

Для внедрения экономической экспертизы и ОРВ в муниципальных районах и городских округах Новосибирской области с 2016 г. важное значение приобретают не только вопросы определения предметной облас-ти консультаций, но и накопленная региональная практика [3]. Среди при-меров успешных региональных практик ОРВ и экспертизы можно отме-тить следующие примеры:

1. 2014 г. – консультации по проекту Инвестиционной стратегии НСО до 2030 г. (учет значительного числа предложений и замечаний от бизнеса и экспертов) с дальнейшей доработкой документа с учетом заме-чаний, и ежегодный мониторинг реализации Стратегии;

2. 2015 г. – консультации о специализированных организациях, осуществляющих перемещение задержанных транспортных средств на специальные стоянки (максимальный учет большинства предложений ре-гиональным Минтрансом);

3. 2015 г. – ОРВ проекта закона Новосибирской области «Об уста-новлении случаев, при которых не требуется получение разрешения на

строительство на территории Новосибирской области», итогом консультаций стала доработка текста законопроекта.

4. 2015 г. – экспертиза предварительного согласования схем размещения рекламных конструкций (учтены все поступившие предложения);

5. 2015 г. – экспертиза порядка сдачи в аренду государственного имущества в собственности НСО (учтены предложения по упрощению числа документов для согласования и заключения договоров аренды).

Однако на практике встречаются и ряд проблемных кейсов по проблемам, которые были выявлены в ходе публичных консультаций, и до настоящего времени не решены:

1. 2015 г. – консультации по Закону Новосибирской области от 15.12.2007 № 178-ОЗ «О политике Новосибирской области в сфере развития инновационной системы» (итог – разработчик пообещал разработать новый закон);

2. 2016 г. – экспертиза областного закона о муниципальном жилищном контроле (предложения касаются пересмотра закона в целом с точки зрения предмета регулирования);

3. 2016 г. – «Земельный вопрос»: экспертиза порядка определения арендных ставок за земельные участки (порядок был принят с нарушением процедур ОРВ, признан частично недействительным на основании судебных решений в пользу предпринимателей). Изменения не внесены, но находились на рассмотрении Экспертной группы АСИ в регионе.

Учет результатов региональной практики ОРВ и экспертизы исключительно важен для дальнейшего развития этого института общественных обсуждений на местном уровне [4]. К числу условий эффективности таких практик можно отнести следующие условия:

- вовлечение органов-разработчиков в процесс консультаций;
- работа согласительной комиссии при уполномоченном органе для достижения оптимального результата;
- высокая активность отраслевых экспертов;
- готовность депутатов оперативно вносить изменения в нормативные правовые акты.

Если указанные условия соблюдаются, эффект от применения ОРВ и экспертизы будет достаточно высоким независимо от уровня и сложившейся системы управления.

Литература

1. Дидикин А.Б. Социально-экономическая экспертиза нормативных правовых актов: понятие, сущность и механизм применения // Вестник НГУ. Серия: Право. – 2015. – Т. 11. – Вып. 2. – С. 5-12.
2. <Экспертиза 2016> URL: <http://www.dem.nso.ru> (раздел «Бизнес-оценка НПА») (дата обращения – 03.11.2016).

3. Федеральный закон №176-ФЗ от 2 июля 2013 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и статьи 7 и 46 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов» // Российская газета. – 2013. – 10 июля.

4. Закон Новосибирской области от 24 ноября 2014 года № 485-ОЗ «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области. – 2014. - № 61. – 28 ноября.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.А. Ермакова

ФГБОУ ВО Саратовская Государственная Юридическая Академия,
г. Саратов
astya972mail.ru

Ни для кого ни секрет, что на современном этапе развития общества электронная информация приобрела огромное значение для каждого из нас. На сегодняшний день любой человек с техническим устройством может зафиксировать какое-либо происходящее событие на аудио- или видеозаписи, примером тому может являться запись телефонного разговора. Кроме того, появилась целая индустрия безопасности, построенная на аудио и видео регистрации.

Несомненно, данные факты невозможно не принимать во внимание. В этой связи техническое развитие находит своё отражение в правовой сфере. На протяжении 30 лет велась дискуссия о внесении в законодательство новых носителей информации в качестве доказательств отдельного вида [4]. Во-первых, обсуждалось, насколько целесообразно использовать аудио- и видеозаписи в суде с моральной и практической точки зрения, возникали вопросы технического и этического характера. Во-вторых, проблемным был вопрос о видовой принадлежности таких доказательств в законе, который обусловлен особенностями фиксации информации [2].

Важной особенностью аудио- и видеозаписей как доказательств является их высокая степень убедительности. С их помощью сохраняется большая часть информации о произошедшем событии, особенно при высоком качестве записи. Если целью доказывания является достижение истины, то эти доказательства позволяют достаточно к ней приблизиться. Так, при просмотре видеозаписи можно практически стать очевидцем произошедших событий. Однако зачастую с такой позицией не всегда согласна противоположная сторона. В большинстве случаев запись событий является недостаточным средством для установления обстоятельств дела.

Следует отметить, что опираясь на то, что аудио- и видеозаписи подлежат оценке судом с точки зрения их относительности, допустимости и достоверности, заявления в суде сводятся к следующему [3]:

1) Запись не относится к рассматриваемому делу. Оценка относительности аудио- и видео- записей предполагает установление судом связи между содержанием записей и предметом доказывания.

2) Нужно знать, при каких условиях сделана запись. Запись, прежде всего, должна быть привязана к субъекту, месту и времени. Эти сведения относятся не к отдельно взятому критерию оценки этих доказательств, а имеют комплексное значение при их оценке. Так, указание на время осуществления записи обычно способствует установлению относительности записи, а установление субъекта, осуществившего запись, направлено на правильную оценку как допустимости, так и достоверности записи.

3) Запись сфальсифицирована. Современные технические возможности позволяют достаточно свободно монтировать аудио и видеозаписи, а также полностью их фальсифицировать.

В этой связи следует рассмотреть вопрос о том, насколько сложно экспертам отличить поддельную аудио или видеозапись от оригинальной? Прежде всего, это зависит от того, какая работа была проделана над записью. К примеру, убрать «лишнего» человека с видеозаписи намного проще, чем добавить его. Визуально, без специального анализа, заметить следы вмешательства достаточно сложно. Эксперт исследует границы возможного склеивания, которые обнаружить достаточно просто, если подделка была совершена не лучшим профессионалом в своей области. Аналогично для аудиозаписи: эксперт исследует амплитудно-частотную характеристику сигнала, выявляя следы обработки. Конечно, при наличии специальной техники и высокого уровня знаний и умений в данной области можно обмануть экспертизу, но цена вопроса для стороны, предъявляющей поддельную запись, будет слишком высока. Однако необходимо учитывать, что возможна и «естественная фальсификация» аудио- или видеозаписи, которую отметил А.Т. Боннер: случайное или искусственное искажение во время записи [1].

4) Противоположная сторона не знала, что ведется запись. Соблюдение материальных и процессуальных прав граждан при получении записей учитывается при оценке допустимости аудио- и видеозаписей. Законным является проведение записи при наличии согласия лица, в отношении которого осуществляется такая запись, тогда как скрытая запись запрещена. Однако не являются незаконными записи, например, камер общего видеонаблюдения, даже если такая запись осуществлялась без согласия гражданина и содержит информацию о его частной жизни, так как данная запись производится не с целью сбора подобной информации о конкретном гражданине.

Не менее знакомая ситуация, когда открытая аудиозапись телефонных разговоров практикуется на многоканальных линиях компаний, оказывающих услуги населению, при этом автоответчик заранее предупреждает о том, что «все разговоры записываются». А если гражданин считает, что запись не подлежит разглашению, то он вправе ходатайствовать об исследовании записи в закрытом судебном заседании (ч. 2 ст. 10 ГПК РФ). Естественно, не стоит забывать, что даже в публичной сфере существует зона взаимодействия человека с другими людьми, которая может относиться к сфере частной жизни, что неоднократно подчеркивал ЕСПЧ (например, Постановление ЕСПЧ от 24.06.2004 "Дело "Фон Ганновер против Германии", Постановление ЕСПЧ от 28.01.2003 "Дело Пек против Соединенного Королевства").

Таким образом, в судебной практике к рассмотрению принимается полученная, исключительно законным путем аудио-, фото-, видеоинформация, подлинность которой не вызывает сомнений. Также в отличие от других видов доказательств, для представления и непосредственного исследования аудио- и видеозаписи требуется специальная аппаратура для воспроизведения записи.

Из всего сказанного следует вывод о том, что аудио- и видеозаписи выступают как относительно молодой вид доказательств. Им характерны многие классические черты доказательств, но при этом они обладают отдельной спецификой, которая требует детального изучения в связи с ускорением технического прогресса. Несомненно, сейчас приемлемость аудио-, видеозаписей в суде как доказательств не может подвергаться сомнению только на основании их специфики. Многие вопросы уже нашли свое отражение в законодательстве и в практике, хотя нельзя сказать, что они достаточно регламентированы. Однако такие доказательства постепенно вписываются в теорию и практику процесса.

Литература

- 1) Боннер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Журнал "Законодательство" N 3/2008.

2) Лукьянова И.Н. Новые средства доказывания в арбитражном процессе // АПК и ГПК 2002г.: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения. М., 2004. С. 302-303.

3) Мишина А. Под запись // Расчет N 4/2015

4) Треушников М.К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2016 – 304 стр. – С. 274

МЕСТО МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ПРОДУКТА В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л. Р. Жданова

Институт прокуратуры ФГБОУ ВО «УрГЮУ», г. Екатеринбург
zhdanova.lyudmil@mail.ru

В конце XX века компьютерные технологии стремительно развивались и повлекли за собой появление новых результатов интеллектуальной деятельности, таких как мультимедийный продукт, ставших на сегодняшний день неотъемлемой частью нашей повседневной жизни.

Термин «мультимедийный продукт» признан российским законодателем и упоминается в статье 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ), но при этом само понятие сформулировано не было.

Один из ведущих вариантов определения «мультимедиа» принадлежит Котенко Елене Сергеевне. Под мультимедийным продуктом автор понимает выраженный в электронной (цифровой) форме объект авторских прав, который включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем [2, С. 602].

Стоит отметить, что не так давно АНО «РНИИС» разработал проект Национального стандарта РФ «Интеллектуальная собственность. Распределение интеллектуальных прав между заказчиком, исполнителем и автором на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые и/или используемые при выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических и производственных работ» в котором мультимедийный продукт был определен через перечисление уже существующих охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, таких как программы для ЭВМ, базы данных, используемые в мультимедийной сфере, а также мультимедийные средства и терминалы [3]. Складывается впечатление что разработчики проекта воспользовались отсутствием законодательного закрепления мультимедийного продукта и

заполнили данный пробел с помощью перечисления известных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и иных объектов, добавив к ним слово «мультимедийный». Такой подход следует признать неудачным, поскольку он создает правовую неопределенность в отношении того, что же собой представляет указанный объект [4]. Исходя из вышеизложенного, логически вытекает вывод о том, что до сих пор не ясно, что же относится к мультимедиа. Исследовательский центр частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации в своем заключении отнес к мультимедийным продуктам онлайн-игры, сайты в сети Интернет, с указанием на то, что окончательное представление о том, что включается в эти понятия, будет сформировано лишь судебной практикой. [5]

В отличие от аудиовизуального произведения (статья 1263 ГК РФ) и единой технологии (глава 77 ГК РФ) каких-либо норм, посвященных мультимедийному продукту, в ГК РФ не содержится. Кроме того, в российской судебной, судебно-арбитражной практике также не были сформулированы соответствующие положения, которые позволяли бы квалифицировать тот или иной результат интеллектуальной деятельности как мультимедийный продукт, тем самым определяя особый режим его правовой охраны. Таким образом, этот законодательный пробел восполнен не был [6].

На данный момент существует два основных подхода к определению правового регулирования мультимедиа. Приверженцы первого подхода утверждают, что к мультимедийному продукту как сложному объекту результата интеллектуальной деятельности следует применять нормы, относящиеся к каждой составной части данного объекта, в совокупности. Сторонники второго подхода рассматривают мультимедийный продукт как сложное наложение результатов интеллектуальной деятельности, и, поскольку мультимедийный продукт объективно прекращает свое существование при попытке каким-либо образом «изъять» один из составных объектов, необходимо разработать и закрепить нормы, регулирующие мультимедийный объект в целом. Второй подход представляется жизнеспособным в силу того, что при данном подходе не возникает споров об авторстве на каждый из составных элементов. Осталось лишь разработать и сформулировать непосредственно понятие самого мультимедийного продукта и, соответственно, нормы, регулирующие его положение.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Российская газета. – 2006г. - № 289

2. Котенко, Е. С. Понятие и признаки мультимедийного продукта / Е. С. Котенко // Журнал Lex Russica (Русский закон). – 2013. - № 6. – С. 601-615.

3. Проект Национального стандарта РФ «Интеллектуальная собственность. Распределение интеллектуальных прав между заказчиком, исполнителем и автором на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые и/или используемые при выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических и производственных работ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1200107652>

4. Гринь, Е. С. К вопросу об основных категориях стандартизации процедур распределения интеллектуальных прав [Электронный ресурс] / Е. С. Гринь // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2014. - № 5. – Режим доступа: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/to-the-question-about-the-main-categories-of-standardization-of-procedures-for-the-distribution-of-intellectual-property-rights>

5. Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. – 2007. - №3. – С. 124

6. Котенко, Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: автореферат дисс. канд. юрид. наук: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: защищена 2012г. / Е. С. Котенко; науч. рук. Л. Ю. Василевская; ФГБОУ ВПО «Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина». – Москва, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/multimediiyi-produkt-kak-obekt-avtorskikh-prav>.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАСТОРЖЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ВОЗНИКШЕГО ИЗ ДОГОВОРА

М.А. Игнатов

Институт прокуратуры ФГБОУ ВО «УрГЮУ», г. Екатеринбург

МГУ им. М.В. Ломоносова

ignatovm.a@yandex.ru

Планируя заключить договор, стороны рассчитывают достигнуть соглашения, однако на практике с целью разумного распределения рисков между контрагентами, не менее важно определить правовые последствия, которые наступят после расторжения или отказа от обязательства. Данный вопрос усложняется в свете того, что до момента расторжения обязатель-

ства стороны зачастую успевают произвести исполнение по сделке, а в некоторых правопорядках именно наличием исполнения определяется юридическая действительность сделки и возникновением права стороны на судебную защиту своих прав, например в Англии доктрина встречного предоставления- Consideration [2, С. 33; 1, С. 66-92] . Справедливое решение в данном случае возможно только при правильном теоретическом понимании проблемы, которое должно найти закрепление на уровне законодательства.

Применительно к правовому регулированию прекращения обязательства, можно выделить несколько основных проблем, которые всегда вызывали наибольшее количество споров.

Первый вопрос связан с законодательным определением момента, с которого обязательство считается расторгнутым. Ретроспективный эффект расторжения договора, которого придерживаются в доктрине многих континентальных правопорядков, фактически приравнивает расторжение к недействительности договора и ставит контрагентов в положение, которое существовало бы при его полном отсутствии [2, С.415]. Перспективность расторжения предполагает прекращения обязательства на будущее время. Такого подхода в частности придерживаются принципы европейского контрактного права [5]. Главная идея перспективности заключается в экономической нецелесообразности возврата исполненного по сделке до момента расторжения.

Во-вторых, необходимо определить сохраняют ли свою силу некоторые договорные условия после прекращения основного обязательства. Очевидно, что на практике применение полного аннулирования договора привело бы к сведению на нет всех обеспечительных конструкций, например правило о возврате задатка в двойном размере [2; 419]. А. Егоров отстаивает позицию о вступлении обязательства с момента расторжения договора в «ликвидационную стадию», направленную на окончательное прекращение правоотношений между сторонами. Следовательно, сохранение силы некоторых условий договора оправдано юридически и экономически ввиду их особого характера и направленности.

Ключевой с практической точки зрения представляется проблема определения способа защиты для возврата исполненного после расторжения договора. В Германии распространена так называемая “теория трансформации” обязательства, согласно которой отказ от договора (*Rücktritt*) порождает у сторон новое обязательство вернуть друг другу исполненное, обязательство обратного предоставления [4, С.7]. В данном случае последствием является применение специального способа защиты, который внешне напоминает реституцию [2, С.413]. Другой подход, предполагает полное прекращение обязательства в момент расторжения договора или

отказа от договора. В таком случае надлежащей формой правовой защиты будет иск о взыскании неосновательного обогащения.

Первоначальная редакция ст. 453 ГК РФ закрепила перспективный принцип расторжения договора, связав расторжение договора с прекращением всех обязательств, однако в статье не была упомянута обратная передача предоставленного в качестве исключения. Не содержала норма и надлежащего способа защиты, что привело к разногласиям на практике. Позиция правоприменителя также была противоречивой. ВАС РФ в Информационном письме N 49 [6] сначала высказал позицию о возможности применения кондикционного иска как способа защиты, однако в последствие отошел от данной позиции в Информационном письме №104 [7].

На протяжении 20 лет регулирование не менялось, пока законом N 42-ФЗ в п. 4 ст. 453 Кодекса не была включена ссылка, которая окончательно закрепила необходимость применения норм о неосновательном обогащении, если: 1) сторона неосновательно обогатилась в результате предоставления одной стороны; 2) встречные предоставления являлись неэквивалентными. Пленум ВАС [8] также обозначил обязательства, в которых кондикционный иск не применяется: 1) предусматривающего передачу имущества во владение или пользование (например, аренда); 2) устанавливающего обязанность одной стороны передать имущество в собственность другой стороне, которая приняла на себя обязанность возвратить имущество такого же рода и качества (хранение и др.).

Таким образом, в результате появления ссылки к нормам о неосновательном обогащении проблема возврата предоставления по договору была решена на законодательном уровне. Кроме того, была подтверждена перспективность эффекта расторжения, а кондикционный иск в качестве инструмента для взыскания исполнения стал активно использоваться судами на практике.

Литература

1. Айсон В. Договорное право, М., 1984, с.66-92.
2. Карапетов А. Г Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве. Дис.- М.: 2011 С. 415.
3. Кашанин А. В Кауза сделки в гражданском праве [Электронный ресурс]: Дис.-М.: РГБ, 2003, с. 33.
4. Егоров А. В Ликвидационная стадия обязательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ.- 2011.- №9 – С.7.
5. The Principles Of European Contract Law 2002 [Электронный ресурс: <http://www.jus.uio.no/lm/eu.contract.principles.parts.1.to.3.2002/>]
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 N 49

7. "Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении"[СПС Консультант Плюс]
8. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 N 104 <Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств> [СПС Консультант Плюс]
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 N 35 "О последствиях расторжения договора" [СПС Консультант Плюс]

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОМ ВМЕНЕНИИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

И.Д. Карева

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
svekareva@yandex.ru

Объективное (фактическое) вменение – категория, которая находит свое легальное закрепление в статье 5 УК РФ является весьма противоречивой и вызывающей многочисленные дискуссии не только в рамках отрасли уголовного права, но и в системе российского права в целом. Согласно данной статье «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается.»[1, С.6]

Однако в науке уголовного права, а также в иных (даже частных отраслях права), остро стоит вопрос о пределах и допустимости в современном уголовном праве объективного вменения. Такая формулировка проблемы является авторской ввиду того, что законодатель придерживается позиции недопустимости объективного вменения, а большая часть теоретиков утверждает, что с подобным проявлением отсталости правовой культуры и юридической техники необходимо бороться. Основываясь на положениях проведенного исследования, подобная позиция представляется неправильной. И прежде всего такой вывод делается на основании сравнения концепций ответственности за невиновное причинение вреда с иных отраслях права.

Так А.М.Хужин считает, что юридическая конструкция «объективного вменения характерна не только для уголовного, но и для других отраслей современного права в ситуациях, когда речь идет о применении юридической ответственности без установления вины [2, С.190]. Однако применение данного принципа в публичных отраслях, ввиду прямого запрета законодателя, запрещено, а в отраслях частного права является про-

явлением более широкого принципа ответственности «независимо от вины» (ст. 1083 ГК РФ) и является чем-то вроде дополнительной гарантии устойчивости гражданского оборота и служит цензом, повышающим требования к участникам гражданских правоотношений.

Однако механический перенос практики реализации данного принципа из частного права в контексте реабилитирования практического проявления невиновной ответственности в уголовном праве будет в корне неверным. Проявление фактического вменения в уголовном праве - следствие его многовекового развития с особенностями целей и задач на каждом из этапов, но не как не слепое копирование моделей иных отраслей права.

Для подтверждения данного тезиса считаю важным рассмотреть развитие теории вменения в уголовном праве России. Условно можно выделить три этапа: период вменения объективного, период вменения объективно-субъективного и современный период, субъективно-объективный.

Первый этап свидетельствует о том, что объективное вменение - следствие низкого уровня правовой культуры и весьма расплывчатых представлений о психологической составляющей вины.

Второй период более показателен – объективное вменение становится инструментом в руках власти для восстановления социальной справедливости и реализации уголовной политики и, наконец, третий этап показывает, что законодатель отказывается от необоснованных проявлений объективного вменения как в нормах УК РФ, так и на практике, и вместе с тем делает его проводником целесообразности и способом примирения формализованного уголовного законодательства и многообразной действительности. Подтверждает выводы существования в современном уголовном праве как классических проявлений объективного вменения: ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, ответственность за деяние, совершенное при отсутствии осознания общественной опасности (небрежность, юридическая ошибка), так и нетипичных, например, привилегированный состав убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

Так, например, М.В.Бавсун делает вывод об объективном вменении, как о реальности современного уголовного права, считая, что у законодателя нет реальной возможности решить все вопросы уголовноправового характера, основываясь исключительно на принципе субъективного вменения [3, С.132], в связи с чем правоприменители выходят за рамки принципа законности и следуют по пути целесообразности.

По мнению автора, такой подход в дальнейшем развитии теории вменения обоснован, однако требует умеренности, целесообразности, а также строгого учета отраслевых особенностей при реализации.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Ввод. в действие с 1 янв. 1997 г. (по состоянию на 6 июля 2016 г.). – М.: Эксмо, 2016.
2. Хужин А.М. Объективное вменение за невиновное деяние: проблемы переосмысления судебной практики/ А.М. Хужин //Вестник Нижегородской академии МВД. – 2011. - № 1. – С. – 187 – 191.
3. Бавсун. М. В., Векленко, С. В., Фаткулина, М. Б. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве / М. В. Бавсун, С. В. Векленко, М. Б. Фаткулина // Правоведение -2006. - № 4. - С. -125 – 134

СООТНОШЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБСУЖДЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Н.В. Козлова

Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, Новосибирск
koznv@mail.ru

*Работа выполнена при финансовой поддержке Научного фонда
экономического факультета НГУ*

Институты общественного обсуждения и экономической экспертизы с первого взгляда не имеют ничего общего, но при проведении анализа правовых норм можно прийти к выводу об общности механизмов общественного обсуждения и экономической экспертизы.

Реализация института общественного обсуждения в настоящее время осуществляется на уровне Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, но его эффективность и необходимость оценивается практиками неоднозначно. Появление данного института при этом обуславливается возможностью привлечения граждан к:

- участию в осуществлении государственной власти и местного самоуправления;
- разработке и совершенствованию нормативных правовых актов с помощью высказанных ими предложений и замечаний;
- конструктивному диалогу с представителями власти;

-принятию решений органами и должностными лицами государственной власти или местного самоуправления, обеспечивающих права и интересы граждан.

В соответствии со статьей 24 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Под общественным обсуждением в настоящем Федеральном законе понимается используемое в целях общественного контроля публичное обсуждение общественно значимых вопросов, а также проектов решений органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, с обязательным участием в таком обсуждении уполномоченных лиц указанных органов и организаций, представителей граждан и общественных объединений, интересы которых затрагиваются соответствующим решением».

Нормативно-правовой основой рассматриваемого института являются конституции, федеральные акты, уставы и подзаконные нормативные правовые акты регионального уровня. Зачастую можно увидеть тесную взаимосвязь со смежными институтами непосредственной демократии местного самоуправления (в частности, публичными слушаниями, собраниями граждан). Но в данном случае необходимо учитывать, что предметом общественного обсуждения являются не только проекты нормативных актов, но и вопросы различных сфер государственной и общественной жизни, что отличает от других форм участия граждан в осуществлении власти.

Например, Постановление Правительства Новосибирской области от 30 декабря 2013 года № 594-п закрепляет обязательное проведение общественных обсуждений в отношении закупок для обеспечения государственных нужд, когда сумма составляет от 500 млн. рублей до 1 млрд. рублей (включительно) [1]. На форуме Государственной информационной системы закупок НСО размещается информация о закупках, подлежащая общественному обсуждению. [2], на основании размещенных данных обсуждалось содержание автомобильных дорог в муниципальных районах Новосибирской области, участие принимали юридические и физические лица. Все комментарии проходят процедуру предварительной модерации, которая обеспечивается Управлением контрактной системы Новосибирской области, в целях исключения не относящихся к предмету обсуждений комментариев и ответов (например, инвективную лексику).

Необходимо обратить внимание, что закупки, подлежащие общественному обсуждению, не могут быть осуществлены без его проведения. Результат общественного обсуждения может быть различным: принятие документации о закупках либо внесение необходимых изменений в нее, а так же полная отмена закупки. Решение принимается на основанииproto-

кола обсуждений, формируемого заказчиком закупок после окончания обсуждений и содержащем информацию обо всех комментариях, поступивших в рамках данного обсуждения.

Анализ закупок в субъектах Российской Федерации показал, что общественные обсуждения проводятся на предмет их соответствия требованиям законодательства РФ и нормирования в сфере закупок, а также соответствия целям программ стратегического регионального развития, поручений и указаний высших должностных лиц государственной власти Российской Федерации, функций и полномочий государственных органов, и т.п.

Региональные органы отмечают и поощряют лучшие практики осуществления закупок, проводимые, в том числе с обязательным общественным обсуждением. Так, например, лучшие примеры закупок и их заказчики в Новосибирской области представлены на официальном Интернет-ресурсе.

Необходимо отметить, что процедура и этапы проведения общественных обсуждений закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд во многом аналогичны общественным обсуждениям нормативных правовых актов.

Использование института общественных обсуждений изначально появилось в субъектах Российской Федерации и только впоследствии на федеральном и муниципальном уровнях. Данный факт подтверждается тем, что в целях эффективного взаимодействия высшего органа исполнительной власти субъекта РФ с общественными объединениями, рассмотрения важнейших проектов социально-экономического развития субъекта РФ с учетом общественного мнения и экспертизы общественных инициатив в регионах создавались Общественные палаты.

На Общественную палату в Новосибирской области, которая была создана в 1996 году [3] изначально возлагалось «выявление точек зрения политических партий и движений по наиболее важным вопросам социально-экономической и политической жизни области и формирование предложений на рассмотрение администрации области, обсуждение проектов федеральных законов, постановлений Государственной Думы и Совета Федерации, проектов законов и нормативных правовых актов Новосибирской области, постановлений администрации области».

Впоследствии положения Постановления 1996 года нашли отражения в действующем законе Новосибирской области «Об Общественной палате» [4].

В соответствии с частью 1 статьи 1 Общественная палата пятого созыва (2015-2017 г.г.) «обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации, проживающих на территории Новосибирской области, с органами государственной власти Новосибирской области и органами местно-

го самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод и прав общественных объединений, осуществляющих деятельность на территории Новосибирской области, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью исполнительных органов государственной власти Новосибирской области» [4].

Таким образом, можно сделать определенные выводы:

Во-первых, региональные нормативно-правовые акты (как правило, законы субъектов РФ) устанавливают обязательность выявления общественного мнения на отдельные проекты правовых актов и вопросы государственного управления. Но в тоже время на региональном уровне правового регулирования имеются несоответствия правовых понятий отдельных категорий, в частности «общественные обсуждения», «публичные слушания», «собрания граждан», требованиям Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [5].

Во-вторых, сравнительный анализ федерального закона и региональных актов показал наличие дублирующих норм, например, все общественные обсуждения подлежат проведению в публичной и открытой форме, чтобы участники могли свободно выражать свое мнение и вносить свои предложения по обсуждаемым вопросам.

В-третьих, федеральным законодательством не установлены какие-либо ограничения, связанные с тем, затрагивает или нет предмет общественного обсуждения ту или иную социальную или профессиональную группу, а региональные акты регулируют вопросы привлечения к участию в общественных обсуждениях представителей различных профессиональных и социальных групп.

В-четвертых, по результатам общественного обсуждения подготавливается итоговый документ (протокол), который направляется на рассмотрение в органы местного самоуправления и обнародуется в порядке, установленном законом субъекта РФ и (или) Федеральным законом № 212-ФЗ, в том числе размещается в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В-пятых, порядок проведения общественного обсуждения в субъектах РФ устанавливается региональными органами власти в соответствии с федеральным законодательством, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, которые обязаны заблаговременно обнародовать необходимую информацию о вопросе, выносимом на общественное обсуждение, и обеспечить всем участникам общественного обсуждения свободный доступ к имеющимся в его распоряжении материалам по обсуждаемому вопросу.

Институт общественного обсуждения в субъектах Российской Федерации активно развивается, доказательством служит активное использо-

вание информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и средств массовой информации при проведении общественных обсуждений.

В-шестых, субъекты РФ подходят к решению вопросов участия общественности в делах субъекта гораздо основательнее, чем на федеральном уровне. При этом развитие основ народного обсуждения в субъектах РФ началось раньше федерального масштаба.

Однако на сегодняшний день актуальным является вопрос о развитии результативности общественного обсуждения и минимизации процесса подачи гражданами через порталы для общественного обсуждения банальных жалоб и претензий.

Применение института общественных обсуждений на уровне субъектов Российской Федерации продолжает активно развиваться уже с учётом приобретенного опыта. Примеры удачных практик общественного обсуждения и их результативности, существующие в отдельных субъектах Российской Федерации, являются следствием качественной разработки и применения регионального законодательства.

В целом, работа, которая проведена регионами, и в частности Новосибирской областью, в последние годы по созданию института общественного контроля, выражения общественного мнения может быть оценена как эффективная.

Появление экономической экспертизы связано с тем, что появилась необходимость взаимодействия органов власти и субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности, где первые могут услышать о проблемах реализации действующих правовых норм, а вторые заинтересованы высказать свою позицию.

Проведение экономической экспертизы муниципальных нормативных правовых актов в Новосибирской области осуществляется на основании статьи 3 Закона Новосибирской области «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности»[6] и имеет своей целью выявление положений, необоснованно затрудняющих осуществление предпринимательской и инвестиционной деятельности, то есть обнаружение избыточных обязанностей, ограничений либо запретов для ведения данной деятельности. При реализации экономической экспертизы необходимо проведение публичных консультаций, целью которых является обеспечение рационального расходования средств местного бюджета и использования объектов муниципальной собственности, правовые последствия в этом случае схожи с правовыми последствиями общественного обсуждения, так как поступающие предложения от участников являются основой для вне-

сения изменений в законодательство с целью устранения обнаруженных административных барьеров.

Литература

1. Постановление Правительства Новосибирской области от 30 декабря 2013 года № 594-п «О дополнительном случае и Порядке обязательного общественного обсуждения закупок для обеспечения государственных нужд Новосибирской области». URL: <http://www.nso.ru>.
2. Государственная информационная система в сфере закупок Новосибирской области.]. URL: <http://zakupki.nso.ru>.
3. См.: Постановление Главы Администрации Новосибирской области от 23 мая 1996 года № 299 «О создании Общественной палаты» URL: http://novosibirsk.news-city.info/docs/systemsp/dok_permjb.htm.
4. Закон Новосибирской области от 01 ноября 2006 года № 51-ОСД «Об Общественной палате Новосибирской области». URL: <http://dops.nso.ru/normbaza/Documents/51-OZ%20Ob%20obshhestv%20palate%20NSO.doc>.
5. Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 30 (Часть I). - Ст. 4213.
6. Закон Новосибирской области от 24 ноября 2014 года № 485-ОЗ «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, и экспертизы муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области. – 2014. - № 61. – 28 ноября.

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.Т. Конов

ФГБОУ ВО “Саратовская Государственная Юридическая Академия”,

Институт Юстиции

konovtt@mail.ru

Совершенствование финансово-правовой политики в Российской Федерации является немаловажной задачей. В период экономических проблем много усилий направляется на выведение государства из экономического кризиса. Существуют различные способы ведения финансово-

правовой политики, которые способствуют совершенствованию экономики России и преодолению различных финансовых проблем.

В настоящее время задача совершенствования финансово-правовой политики осуществляется не в полной мере. Это связано с тем, что существует проблема нерационального использования средств бюджета. Как пример, можно привести финансирование государственных программ, где выделяются большие средства из федерального бюджета, но, как показывает практика, достаточной эффективности от таких действий нет.

Под государственной программой следует понимать систему мероприятий и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности [1].

Раскрывая указанную проблему, следует отметить, что вопросы вызывает эффективность использования бюджетных средств, направляемых в качестве взносов в уставные капиталы акционерных обществ. Не является исключением и акционерное общество “Особые экономические зоны” (далее – ОАО “ОЭЗ”), уставной капитал которого состоит из средств федерального бюджета. Предполагается, что средства, находящиеся в расположении акционерного общества обеспечат условия для создания объектов инфраструктуры и иных объектов, предназначенные для функционирования особых экономических зон. Однако проверка Счетной палаты РФ выявила, что миллиарды денежных средств, выделенные из федерального бюджета на создание инфраструктуры и рабочих мест в субъектах РФ, размещались на депозитах в банках, а полученная прибыль с процентов использовалась для личных нужд. В связи с этим управляющие компании АО “ОЭЗ” получили процентный доход на банковских депозитах почти 30 млрд. рублей [2]. В этом случае, конечно, возникает вопрос об эффективности использования денежных средств из федерального бюджета относительно особых экономических зон.

Нужно сказать, что данный институт не является единственным примером нерациональных затрат государства, в связи с чем существуют проблемы сбалансированности федерального бюджета. Так, председатель Счетной палаты РФ выступила на заседании Комитета по бюджету и налогам Государственной Думы Российской Федерации по теме законопроекта № 2428-7 “О внесении изменений в Федеральный закон “О федеральном бюджете на 2016 год”. В своем выступлении Татьяна Голикова сообщила, что поправками к федеральному бюджету 2016 предлагается сократить финансирование государственных программ Российской Федерации на 411,6 млрд. руб.[3]

Таким образом, думается, необходимо создать особый механизм финансирования государственных программ в Российской Федерации, который предполагал бы анализ эффективности результатов данного института. На основе анализа можно более точно определить, какие предпринять меры по сбалансированию политики финансирования различных государственных программ.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 “Об утверждении порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации” // СЗ РФ. 2010. № 32. Ст. 2
2. Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/economics/2016/04/04/schetnaya-palata-pereshla-na-krik-proveriv-rabotu-oao-oez.html>.
3. Счетная палата Российской Федерации // http://audit.gov.ru/press_center/news/28334.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА В РАМКАХ ТРИНИТАРНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Н.М. Кочетков

Юридический институт, Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск
ni-koch@yandex.ru

Понятие «правовой режим» представляется в виде динамической иерархической модели, что соответствует позиции Г.С. Беляевой [1, С. 14].

Предлагается тринитарно-синергетическая модель правового режима, мега- макро- микро- уровни которой описывают правовой режим с позиции таких концептуальных подходов, как нормативный, ненормативный, реалистический, что отвечает принципу дополнительности синергетических систем. Принцип дополнительности, выдвинутый Нильсом Бором, отражает понимание того, что изучение материального мира постоянно сталкивается с дефицитом понятий, полнотой их трактовки, дополнительными характеристиками. Именно принцип дополнительности позволяет сочетать в одной модели достаточно разные концептуальные подходы к описанию правовых режимов.

На м е г а у р о в о н е правовой режим предлагается рассматривать в ненормативном его понимании – это направленность, преобладающие тенденции развития правового регулирования, обусловленные определённой совокупностью ожиданий общества, сложившимися установками развития

общественных отношений, включая морально-нравственные ориентиры, традиции, политические предпосылки, юридические средства.

На макроуровне правовой режим раскрывается в «нормативном» его срезе, ориентируясь на относительно устоявшееся в отечественном правоведении определение правового режима – как особый порядок правового регулирования общественных отношений, состоящий из совокупности юридических средств и отличающийся определённым их сочетанием.

На микроуровне правовой режим описывается на основе реалистического подхода к пониманию правовых режимов [2] – это отражение действительного состояния, положения и значения нормативно установленных комплексов правовых средств, их реального действия, использования или неиспользования в той или иной степени в правовой деятельности субъектов права при регулировании общественных отношений.

Микро- макро- мега- уровневое динамическое описание правового режима благодаря синергетическому эффекту создаёт новое качество системы. Оно состоит в том, что некоторые противоречия трактовок нивелируются, одновременно достаточно жёстко закрепляются те свойства, которые более всего отражают специфику основных подходов к трактовке правовых режимов.

В тринитарной модели правового режима его динамические характеристики определяются логикой микро-, макро-, мега- уровневого функционирования синергетических систем: в точке бифуркации (изменения) системы коллективные переменные, параметры порядка макроуровня, возвращают свои степени свободы в хаос микроуровня, растворяясь в нём. Затем в непосредственном процессе взаимодействия мега- и микро- уровней рождаются новые параметры порядка обновлённого макроуровня [3].

Так, изменение законодательства реализуется воздействием на правовой режим на мегауровне исходя из особенностей правоприменительной практики (микроуровень модели правового режима). Воздействие может состоять во влиянии на общественное мнение и законодателей через СМИ, политические партии, особенно в период выборов, а также после событий, имеющих резонансное воздействие в обществе.

При анализе правовых явлений с применением тринитарно-синергетической модели правового режима обнаруживается дуальность некоторых из них. То есть в ряде случаев одни и те же факторы могут способствовать на одном уровне тринитарной модели правового режима конструктивному решению проблемы («запаса прочности»), а на другом уровне характеризоваться деструктивными проявлениями. За упомянутым эффектом можно увидеть противоречия, которые отражают развитие системы в контексте содержания рассматриваемого фактора.

Если источник «эффекта дуальности» находится на макроуровне, а противоречие проявляется между микроуровнем и мегауровнем, то это актуализирует совершенствование макроуровня, то есть законодательства как результат разрешения противоречия мега- и микро- уровней.

Приведём пример.

Согласно п.1 ч. 2. ст. 37 УК РФ не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения. На мегауровне данное положение имеет явно выраженный положительный эффект, влияя на общественное мнение, благоприятствуя сохранению гражданами неприкосненности жилища, частной собственности, предотвращению угроз своей жизни и жизни своих близких и т.д.

Однако на микроуровне данная норма права является, пожалуй, основным камнем преткновения, который имеет выраженную субъективную составляющую. Ведь объективно оценить, насколько для конкретного индивида посягательство было неожиданным, имелась ли у него возможность и способность адекватно воспринимать степень и опасность посягательства, порой крайне затруднительно, что и усложняет правоприменительную практику.

В данном примере источник «эффекта дуальности» находится на макроуровне (п.1 ч. 2. ст. 37 УК РФ). Противоречие проявляется между микроуровнем и мегауровнем, актуализируя совершенствование макроуровня, то есть законодательства.

Литература

1. Беляева Г. С. Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Курск, 2013. С. 14.
2. Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С.15-20.
3. Буданов В. Г. Методология и принципы синергетики // Філософія освіти. 2006. № 1. С. 143-172.

РОЛЬ АКТОВ МИНФИНА В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ РФ

Е. Д. Кочкина
НИУ ВШЭ, г. Москва
kochkinaed@gmail.com

Система налогового законодательства РФ не включает подзаконные акты в состав законодательства о налогах и сборах, и отводит им ис-

ключительно подчиненную роль (ст. 4 НК РФ) [3]. Тем не менее практика последних десяти лет показала, что акты Минфина имеют большое значение для регулирования налоговых правоотношений.

Цель работы – определение места подзаконных актов, издаваемых Минфином по вопросам законодательства о налогах и сборах, и возможность их обжалования.

Полномочия Минфина РФ в области налогообложения существенно ограничены, поскольку налог может быть установлен только законом. Однако помимо уплаты налога, налоговые правоотношения предполагают большое количество прав и обязанностей, подробная регламентация которых происходит на подзаконном уровне [3].

Так, ставка налога на прибыль 0 % для дивидендов применяется в случаях, если выплачивающая дивиденды организация признается резидентом государства, не включенного в перечень офшорных зон. Этот перечень утверждает Минфин РФ [4]. Применение правил о контролируемых иностранных компаниях – нововведение последних нескольких лет – также поставлено в зависимость от включения той или иной страны в «черный список» ФНС России [5]. Таким образом, Минфин не устанавливает налог и не изменяет его ставку, но от акта данного органа исполнительной власти непосредственно зависит наступление или ненаступление правовых последствий для широкого круга лиц.

Помимо приказов Минфин также уполномочен издавать разъяснения по вопросам применения налогового законодательства. В письме Минфина России от 07.08.2007 N 03-02-07/2-13 указано, что «опубликованные письменные разъяснения, предоставленные Минфином России, должны восприниматься субъектами налоговых правоотношений наряду с иными публикациями специалистов в этой области» [7].

Несмотря на то, что письма Минфина России имеют значение актов неофициального профессионального толкования, и не являются источниками права, в пп. 5 п. 1 ст. 32 НК РФ введена прямая обязанность налоговых органов руководствоваться письменными разъяснениями по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, которые даны Минфином России.

Двойственная природа данных актов порождает не только теоретические, но и практические проблемы. Так, при существовании противоречивых разъяснений Минфина России по одной и той же ситуации [6, 8], граждане вынуждены обращаться в суд с исками о признании недействительными писем Минфина России. Отмечается, что при рассмотрении подобных заявлений ВАС РФ зачастую прекращал производство по делу о признании недействующим письма Минфина России и фактически отказывал в рассмотрении иска. При этом суды

исходили из того, что оспариваемые письма не являются нормативными правовыми актами и поэтому не имеют юридического значения и не порождают правовые последствия для неопределенного круга лиц [10, С. 75].

Следует назвать революционным относительно недавно вынесенное Конституционным Судом РФ Постановление N 6-П от 31 марта 2015 г [11]. В нем содержится указание на то, что издание ФНС России писем, де-факто содержащих правовые нормы и выходящие за рамки адекватного истолкования положения НК РФ, является «ненадлежащей нормотворческой деятельностью государства». КС РФ также указал, что отсутствие в законе процедуры оспаривания таких актов является несправедливым ограничением права на судебную защиту, поскольку налогоплательщикам отказывают в судебной защите на том лишь основании, что такие акты не соответствуют формальным требованиям, предъявляемым к НПА, по форме, субъекту и порядку принятия, регистрации и опубликования, что препятствует эффективному судебному оспариванию подобных актов и ухудшает положение лиц, де-факто подпадающих под их действие.

Таким образом, по сути, КС РФ признал возможность судебной проверки Верховным Судом РФ (в качестве суда первой инстанции) писем ФНС России, обладающих вышеизложенными «нормативными свойствами», в порядке оспаривания нормативных правовых актов (на основании п. 1 ч. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» [2]). При этом из Постановления N 6-П следует, что такая судебная проверка возможна по заявлению налогоплательщика, в том числе и вне связи с конкретным административным или судебным делом, в котором было применено (подлежало применению) соответствующее письмо ФНС России, а только лишь в силу факта «нахождения лица в правоотношениях», т. е. в порядке так называемого абстрактного нормоконтроля.

Безусловно, подзаконные акты Минфина играют большую роль в регулировании налоговых правоотношений. Однако до сих пор ни в научной литературе, ни в правоприменительной практике не сложилось единого подхода в отношении обязательности тех или иных норм для налоговых органов и для налогоплательщиков.

С точки зрения конечной цели Минфин России своими разъяснениями должен способствовать унификации подходов к толкованию налогового законодательства и тем самым снижать количество налоговых споров. На практике получается, что Минфин, во многих случаях игнорируя судебную практику, что сохраняет существование нескольких толкований налогового законодательства, исходящих от разных ветвей власти

На данный момент сложно сказать, насколько эффективно будут реализовываться предложенные новеллы законодательства. Принятый Федеральный закон от 15.02.2016 N 18-ФЗ не содержит норм, которые бы смогли гарантировать заявителю, что суд рассмотрит акт исполнительного органа на момент наличия в нем нормативных свойств без опоры на заверения Минфина об отсутствии нормативности у того или иного праворазъяснительного письма. Пока лишь можно прогнозировать существенное увеличение нагрузки на Верховный Суд РФ, что может негативно повлиять на осуществление им основных функций, закрепленных в ст. 126 Конституции РФ [1].

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 N 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) «О Верховном Суде Российской Федерации» // «Российская газета», N 27, 07.02.2014.
3. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // «Российская газета», N 148-149, 06.08.1998.
4. Приказ Минфина России от 13.11.2007 N 108н (ред. от 02.10.2014) «Об утверждении Перечня государств и территорий, предлагающих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (оффшорные зоны)» (Зарегистрировано в Министерстве России 03.12.2007 N 10598) // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», N 50, 10.12.2007.
5. Приказ ФНС России от 04.03.2016 N ММВ-7-17/117@ «Об утверждении Перечня государств (территорий), не обеспечивающих обмен информацией для целей налогообложения с Российской Федерацией» (Зарегистрировано в Министерстве России 22.03.2016 N 41486) // СПС «Консультант Плюс».
6. Письмо ФНС РФ от 22.05.2007 N ММ-6-19/410@ «О начислении пени на сумму авансовых платежей, уплаченных не в полном объеме или с нарушением установленных сроков уплаты» (вместе с Письмом Минфина РФ от 20.04.2007 N 03-02-07/2-74) // СПС «Консультант Плюс».

7. Письмо Минфина РФ от 07.08.2007 N 03-02-07/2-138 «Разъяснения положений налогового законодательства в части статьи 34.2 Налогового кодекса РФ» // СПС «Консультант Плюс».

8. Письмо ФНС РФ от 31.10.2007 N ШС-6-14/847@ «О начислении пеней на суммы авансовых платежей по налогам и страховым взносам на обязательное пенсионное страхование» (вместе с Письмом Минфина РФ от 18.10.2007 N 03-02-07/2-168) // СПС «Консультант Плюс».

9. Письмо ФНС России от 26.11.2013 N ГД-4-3/21097 «О направлении письма Минфина России (вместе с Письмом Минфина России от 07.11.2013 N 03-01-13/01/47571 «О формировании единой правоприменительной практики») // СПС «Консультант плюс».

10. Мисникович Л.Н. Добиться отмены письма Минфина или другого подобного документа сложно, но все-таки можно // Российский налоговый курьер. №22, 2013 г. С.71-79.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 N 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть» // «Российская газета», N 77, 13.04.2015.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А. А. Курбанова

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов
alimula@mail.ru

Женщины всегда играли и продолжают играть важную роль в жизни человечества. На них самой природой возложена обязанность по рождению детей, их воспитанию, поддержанию домашнего уюта. Снежко О.А. отмечает, что «только от женщин зависит решение демографической проблемы» [1, С. 52].

Ч. 2 ст.19 Конституции РФ устанавливает, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств», а в соответствии с ч.3 этой же статьи «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Закрепляют права женщин также и международные правовые акты:

Устав ООН 1945 г. устанавливает равенство мужчины и женщины, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. провозглашает равенство сторон в браке, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. запрещает дискриминацию по половому признаку. 19 декабря 1980 г. СССР ратифицировал также Конвенцию о запрещении всех форм расовой дискриминации в отношении женщин, которая 18 декабря 1979 г. была одобрена Генеральной Ассамблеей ООН. Таким образом, как внутреннее, так и международное законодательство устанавливает и гарантирует права женщин.

Несмотря на закрепление прав женщин в законодательстве и заложенную в обыденном сознании важную роль женщины как хранительницы очага, сегодня имеют место быть многочисленные нарушения прав женщин. Не исключением являются и трудовые отношения.

Пункт 3 Постановления Пленума ВС РФ от 28.01.2014 №1 « О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» устанавливает, что «в отношении женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних не допускаются различия при приёме на работу, установлении оплаты труда, продвижении по службе, установлении или изменении индивидуальных условий труда, подготовке (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительном профессиональном образовании, расторжении трудового договора и т.д., не основанные на деловых качествах работников, характеристиках условий их труда»[3]. Следовательно, дискриминация женщин в трудовой сфере запрещена.

Важность правового регулирования трудовых прав женщин подчёркивает тот факт, что в ТК РФ глава 41 посвящена особенностям регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями. Она устанавливает целый ряд прав и ограничений в трудовых правоотношениях в отношении женщин. Так, согласно данной главе к правам женщин относятся: право беременных женщин на снижение норм выработки, норм обслуживания, либо перевод их на другую работу, исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов, с сохранением среднего заработка по прежней работе (ст.254 ТК РФ); право на отпуск по беременности и родам (ст.255 ТК РФ); право на отпуск по уходу за ребёнком (ст.256 ТК РФ); право на перерывы для кормления ребёнка (ст.258 ТК РФ); право на дополнительные выходные дни женщинам, работающим в сельской местности (ст.262 ТК РФ).

Глава 41 ТК РФ устанавливает также ограничения в отношении женщин в трудовой сфере, которые, однако, согласно ч.2 ст.3 ТК РФ не являются дискриминацией, так как «обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите». Так, ограничивается применение труда женщин на работах с вредны-

ми и (иidi) опасными условиями труда, а также на подземных работах, за исключением нефизических работ или работ по санитарному и бытовому обслуживанию. Согласно ст.254 ТК РФ беременным женщинам в соответствии с медицинским заключением и по их заявлению снижаются нормы выработки, нормы обслуживания либо эти женщины переводятся на другую работу, исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов, с сохранением среднего заработка по прежней работе. При этом до предоставления беременной женщине другой работы, исключающей воздействие неблагоприятных производственных факторов, она подлежит освобождению от работы с сохранением среднего заработка за все пропущенные вследствие этого рабочие дни за счёт средств работодателя.

ТК РФ также устанавливает и запреты, применяемые к женщинам в трудовых правоотношениях. В частности, запрещается применение труда женщин на работах, связанных с подъёмом и перемещением вручную тяжестей, превышающих предельно допустимые для них нормы (ст.253 ТК РФ); направление в служебные командировки, привлечение к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни беременных женщин (ст.259 ТК РФ); запрещается также расторжение трудового договора с беременной женщиной по инициативе работодателя, за исключением случаев ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем (ст.261 ТК РФ) [4].

Таким образом, женщины имеют как общий правовой статус, так и специальный – как особого субъекта трудового права. Трудовое законодательство предусматривает и гарантирует защиту прав женщин в трудовой сфере. Проблема состоит в реализации данных правовых норм. В связи с этим обоснованным является утверждение о необходимости совершенствования механизма реализации трудовых прав женщин. Только в случае его эффективного функционирования защита прав женщин в трудовой сфере будет полноценно обеспечена.

Литература

1. Снежко О. А. Государственная защита трудовых прав женщин // Управление персоналом. 2008. №6. С.52.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.10.2016).
3. Постановление Пленума ВС РФ « О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» от 28.01.2014 №1, п.3 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.10.2016).
4. Трудовой Кодекс РФ от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.10.2016).

ВЫВОДЫ О ПРИТВОРНЫХ СДЕЛКАХ В ПОСТАНОВЛЕНИИ ПЛЕНУМА ВС РФ ОТ 23.06.2015 г. № 25 И ПРАКТИКЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ

Б.М. Лавриченко

Факультет права НИУ ВШЭ, г. Москва
b.m.lavrichenko@mail.ru

Одним из оснований недействительности сделки российское гражданское право называет её притворность.

Согласно п. 2 ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) притворной является сделка, совершенная с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях. Такая сделка по ГК РФ ничтожна, поскольку тут очевиден порок воли, действительная воля сторон направлена на возникновение иных правовых последствий, которые находятся за пределами заключаемой сделки.

Нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что притворные сделки имеют порок содержания [1, С. 277], поскольку под пороком содержания имеются в виду такие сделки, содержание (условия) которых противоречат закону или иным правовым актам.

Суть притворной сделки состоит в умышленном намерении скрыть те правовые последствия, наступление которых хотят стороны, заключая фиктивную сделку для третьих лиц.

Притворной сделкой считается и та сделка, которая совершена на иных условиях, но с тем же предметом. Хрестоматийным примером является совершение крупной сделки на меньшую сумму.

Если с ограничением мнимой и притворной сделки никаких проблем не возникает, то ограничить притворные сделки от обхода закона (п. 1 ст. 10 ГК РФ) становится гораздо сложнее. Притворные сделки необходимо отличать от обхода закона – формы злоупотребления правом, при которой лицо использует формально не запрещенную правовую конструкцию, правомерное действие, результат которого состоит в противоречии с законом. В судебной практике встречаются случаи, когда эти два института фактически отождествляются (Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23.12.2011 по делу № А32-3596/2010), в то же время, необходимо отметить, что различие между обходом закона и притворной сделкой состоит в том, что обход закона составляет содержание обходной сделки, воля лица направлена на достижение тех правовых последствий, которые закладываются в сделке, та сделка, которая совершена, будет исполняться [2, С. 147].

В арбитражной практике суды часто сталкиваются с институтом притворных сделок, поэтому представляется целесообразным вывести в

данном исследовании основные выводы судов по квалификации сделок в качестве притворных.

1) Прежде всего, необходимо упомянуть Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" (далее – Постановление № 25). Выводы, указанные в п. 87 Постановления № 25, ранее уже были сделаны арбитражными судами и ВС РФ (Постановление Президиума ВАС РФ от 02.08.2015 № 2601/05 по делу № А01-1783-2004-11; Постановление Президиума ВАС РФ от 21.01.2014 № 9913/13; Постановление Президиума ВАС РФ от 26.11.2013 № 7317/13; Постановление Президиума ВАС РФ от 02.08.2005 № 2601/05 по делу № А01-1783-2004-11; Определение ВС РФ от 16.07.2013 № 18-КГ13-55; Определение ВС РФ от 16.08.2013 № 18-КГ13-55; Определение ВС РФ от 22.11.2011 № 23-В11-6; Постановление ФАС Московского округа от 14.10.2013 по делу № А40-163082/12-118-1413):

- В связи с притворностью недействительной может быть признана лишь та сделка, которая направлена на достижение других правовых последствий и прикрывает иную волю всех участников сделки.

- Намерения одного участника совершить притворную сделку для применения указанной нормы недостаточно.

- Притворной сделкой считается также та, которая совершена на иных условиях.

П. 88 Постановления № 25 содержит положение, согласно которому при совершении нескольких сделок для прикрытия основной сделки обе прикрывающие сделки будут являться ничтожными.

2) Признаком притворности сделки является несовпадение волеизъявления сторон с их внутренней волей при совершении сделки (Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 08.03.2016 по делу № А43-25791/2015).

3) Совершая мнимую или притворную сделку, стороны хотят лишь создать видимость возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, которые вытекают из этой сделки, и в этом смысле преследуют незаконную цель (Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.03.2016 по делу № А76-26808/2014).

4) Притворная сделка фактически включает в себя две сделки: притворную сделку, совершаемую для вида (прикрывающая сделка) и сделку, в действительности совершающуюся сторонами (прикрываемая сделка) (Постановление АС Центрального округа от 25.02.2016 по делу № А14-12950/2014).

5) Из существа притворной сделки вытекает, что стороны исполнять ее не собирались уже при самом совершении сделки (Постановление

Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.11.2015 по делу № А14-12950/2014).

6) Притворная сделка совершается теми же лицами, которые участвовали в прикрываемой сделке (Постановление Президиума ВАС РФ от 02.08.2015 № 2601/05 по делу № А01-1783-2004-11).

Вышеприведенные выводы арбитражных судов и ВС РФ необходимо учитывать при квалификации судами сделки как притворной, в то же время были отобраны наиболее релевантные и общие позиции, поэтому в каждом конкретном деле необходимо будет устанавливать дополнительные фактические обстоятельства, позволяющие использовать данный институт недействительности сделки.

Литература

1. Степанов С.А. Гражданское право, Том I. // ООО «Проспект», 2015.
2. Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. // М.: Издательский дом В. Ема, 2008.

ПРОБЛЕМА ОТНЕСЕНИЯ НЕГЛАСНОЙ АУДИОЗАПИСИ К ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

М. Ю. Мурашова

Всероссийский государственный университет юстиции, г. Москва
yu.murashov2010@yandex.ru

Научно-технический прогресс прочно закрепился в нашей жизни. Обычные диктофоны, диктофоны в телефоне активно используются при ведении переговоров, при посещении каких-либо государственных учреждений. Но при этом, люди не задумываются о такой необходимости как уведомить собеседника о производстве записи разговора. При эскалации конфликта, когда уже уголовное дело возбуждено или решается вопрос о его возбуждении, заинтересованное лицо предоставляет аудиозапись в органы предварительного расследования для доказательства своей невиновности. Но насколько законны будут действия следователя или дознавателя при приобщении устройства с записью к материалам уголовного дела? Следователь, дознаватель получает информацию о наличии такой аудиозаписи (посредством допроса участников уголовного судопроизводства). Затем выносится постановление о производстве выемки, согласно ст.183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее- УПК РФ). При производстве данного следственного действия составляется протокол. Согласно ч.2 ст.81 УПК РФ, составляется постановление о при-

знании вещественным доказательством, и аудиозапись приобщается к уголовному делу[2].

В данном случае идет руководство статьями 42, 46, 47 УПК РФ право потерпевшему, подозреваемому и обвиняемому предоставлять доказательства[2]. Но стоит обратить особое внимание на ст.86 УПК РФ. В ч.2 данной статьи указано, что «подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств»[2]. Но ч.1 ст.86 УПК РФ указывает иное-«собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий»[2]. Необходимо разграничивать данные нормы. Ряд ученых выражает мнение, что принцип состязательности и равноправия сторон (указанный в ст.123 Конституции РФ и в гл.2 УПК РФ), в отличие от иных принципов, действует только в судебных стадиях. Конституция РФ обязывает наделить стороны равными полномочиями «отстаиванию их позиций, в том числе и по предоставлению и исследованию доказательств, чего в УПК нет (ст.86 УПК РФ)»[4]. Можно говорить о «несостязательном досудебном производстве», непонятно какие доказательства в суде будет предоставлять сторона защиты, если собирание доказательств осуществляют сторона обвинения. Видится умаление права подозреваемого, обвиняемого на защиту. Но следователь, дознаватель обязаны всесторонне, полно и объективно расследовать обстоятельства дела, поэтому невозможно подразделить доказательства на доказательства обвинения и доказательства защиты[4]. Защитник, вопреки ч.3 ст.86 УПК РФ, не является субъектом доказывания, не наделен властными полномочиями по сбору, проверке, оценке доказательств. Поэтому защитник может только обратиться с ходатайством к уполномоченному лицу, который впоследствии и «решает судьбу» предоставленных материалов. Страны континентального права отвергают «параллельное расследование защиты», которое развивается в англо-саксонской правовой семье[4].

Конституция РФ отстаивает право граждан на неприкосновенность частной жизни, указывая в ч.2 ст.23, что «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения»[1]. Следовательно, стоит сделать вывод, что негласная аудиозапись является вмешательством в частную жизнь лица. Конкретизацию данные нормы Конституции РФ получили в ряде нормативно-правовых актов. В силу ст.13 УПК РФ необходимо судебное решение при «ограничении права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» [2]. П.11

ч.2 ст.29 УПК РФ дополняет данный принцип. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в п.6 ст.6 предусматривает запрет на «проведение оперативно-розыскных мероприятий и использование специальных и иных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, не уполномоченными на то физическими и юридическими лицами»[3]. Стоит действовать от обратного-аудиозапись, проводимая неуполномоченным лицом, должна быть гласной (уведомление со-беседника).

Подводя итог, отметим, что вопрос проведения негласной аудиозаписи является двояким в своем понимании. С одной стороны, это нарушение частной жизни лица, но с другой стороны, если есть возможность с помощью аудиозаписи спасти судьбу человека, вероятно, стоит поступиться некоторыми принципами. УПК РФ отмечает, что «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» является назначением уголовного судопроизводства. Вопрос производства аудиозаписи требует регламентации в законодательных актах РФ в части приобщения данного материала к уголовному делу и в дальнейшем использования как доказательства в процессе.

Литература

1. «Конституция РФ» от 12.12.1993 [Электронный ресурс]-Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons/>
2. «Уголовно-процессуальный кодекс РФ» от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]-Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>
3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ [Электронный ресурс]-Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/
4. А.А. Арутюнян, Л.В. Брусицын, О.Л. Васильев и др. Курс уголовного процесса // под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. // [Электронный ресурс]-Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=18137#0>

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСАМИ

Т. Ю. Оленина

ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
(Карельский филиал), г. Петрозаводск
tyolenina@mail.ru

Лес, согласно статье 5 Лесного кодекса Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (далее ЛК РФ 2006 г.) рассматривается как экологическая система или природный ресурс. Первым принципом лесного законодательства России (статья 1 ЛК РФ 2006 г.) является устойчивое управление лесами [2].

В устойчивом управлении лесами важная роль отводится юридической ответственности за правонарушения. Приказом Рослесхоза от 5.02.1998 года № 21 не выделяется отдельно юридическая ответственность, но ее можно подразумевать в индикаторе 6.1. «Правовые механизмы, включая законы и подзаконные акты, нормативы, предписания и другие документы, содействующие сохранению и устойчивому управлению лесами». Эту точку зрения разделяет и председатель судебного состава Арбитражного суда Республики Карелия Свидская А.С. [3].

В настоящее время на основании статьи 99 ЛК РФ 2006 г. лица, виновные в нарушении лесного законодательства, несут административную, уголовную ответственность в порядке, установленном законодательством РФ. Привлечение к ответственности за нарушение лесного законодательства не освобождает виновных лиц от обязанности устраниить выявленное нарушение и возместить причиненный этим лицам вред.

Из этого следует, что один вид ответственности не исключает другой. Чаще всего привлекают в сочетании гражданско-правовая и административная ответственности или гражданско-правовая и уголовная. Нельзя привлечь одновременно к административной и уголовной ответственности, так как они похожи и между ними довольно тонкая грань. Грань заключается в общественной опасности совершенных правонарушений. У административной ответственности она менее опасна [1].

В рамках устойчивого управления лесами целесообразно говорить о юридической ответственности. В России особенно совершается большое количество незаконных рубок. Одной из причин является монополистическая форма собственности – федеральная на леса на землях лесного фонда. Конечно ЛК РФ 2006 г. допускает различные формы собственности на землях иных категорий, но законодательно более детально они не урегулированы и не предусмотрена процедура регистрации права собственности на леса в России.

Представляется, что назрела необходимость разработки и создания института частной собственности на леса в России по аналогии с зарубежными странами эффективно осуществляющими устойчивое управление лесами, такими как Финляндия, Норвегия и другими. Собственник намного больше заинтересован в сохранении своего имущества нежели арендатор, что способствовало бы сокращению совершения лесонаруше-

ний. Тем более, что действующий ЛК РФ 2006 г. допускает наличие нескольких арендаторов на одном лесном участке с различными целями использования лесов без их на то согласия. В итоге наличие несколько владельцев и пользователей приводит к фактическому переложению обязанностей по сохранению лесов с одного на другого. Кроме того, ЛК РФ 2006 г. не предусматривает обязательное заключение договора аренды с прежним арендатором по истечению договора аренды. В этой связи у арендатора вообще отсутствует личная заинтересованность в сохранении лесов и соблюдении критериев 1-5 устойчивого управления лесами (Приказ Рослесхоза от 05.02.1998 N 21). Данные обстоятельства напрямую способствуют совершению лесонарушений.

В ЛК РФ 2006 г. необходимо добавить дисциплинарную ответственность за лесные правонарушения, предусмотренную трудовым законодательством, законодательством о государственной и муниципальной службе. Поскольку часть лесонарушений совершается работниками, государственными, муниципальными служащими без ведома представителей работодателей, поэтому применение дисциплинарной ответственности в данном случае на локальном уровне служило бы превентивной мерой и пресекало совершение правонарушений, устранило бы последствия совершенных лесонарушений.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что юридическая ответственность в сфере устойчивого управления лесами, выступает правовым механизмом, который обеспечивает национальную безопасность. Основанием для привлечения к данной ответственности является совершение правонарушения в сфере лесопользования и наступающая при доказанности вины лица в нарушении норм лесного законодательства Российской Федерации или её субъекта.

Литература

1. Жеребкин Г.Н. Ответственность за незаконную рубку лесных насаждений. Анализ нелегальных рубок на российском Дальнем Востоке и методика их расследования» — Владивосток: WWF России, «Апельсин», 2011. С. 62.
2. Оленина Т.Ю. Правовые аспекты устойчивого управления лесами // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 25-28.
3. Свидская А.С. Обеспечение устойчивого управления лесами в Республике Карелия // Эколого-правовое обеспечение устойчивого развития регионов России : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 19 марта 2015 г. / Сост. и отв. ред. С.А. Боголюбов, Н.Р. Камынина, М.В. Пономарев. – М. : Изд-во МИИГАиК, 2015. С. 251.

К ВОПРОСУ О ДИНАМИЧЕСКОМ СВОЙСТВЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. И. Ряховская

Сибирский институт управления - филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск
tyahovskaya.ti@gmail.com

На сегодняшний день, ситуацию с прямым действием Конституции РФ, закрепленным в ее ч.1 ст.15, невозможно признать удовлетворительной, это связано с отсутствием правовой определенности в понимании данного легального термина. Причем подобного рода практика уже не нова для государств, которые вслед за Россией установили в своих текстах формулировки о непосредственном действии конституционных норм (Украина, Таджикистан, Казахстан).

Весьма интересным представляется, в первую очередь, определить место прямого действия Конституции среди других ее юридических свойств, дабы в дальнейшем предложить определение этого понятия.

Некоторые ученые: И. С. Вишневская [6, С.229-230], М. П. Авдеенкова, Ю. А. Дмитриев [3, С.203-204], А. С. Геляхов [2, С.36], И. А. Конюхова [4, С.315], И.А. Кравец [5, С.344], И. М. Филянина [7, С.64]. рассматривают описываемое именно в качестве юридического свойства Конституции.

Е. С. Аничкин, в одной из своих интереснейших работ, пишет, что наряду с общепризнанными свойствами конституции как явления (высшая юридическая сила, учредительный и базовый характер, особый усложненный порядок принятия, модификации и отмены), Конституция РФ наделила себя такими дополнительными свойствами как прямое действие (ч. 1 ст. 15) и специализированная охрана Конституционным Судом РФ (ст. 125) [1, С.74]. По нашему мнению, данная идея не является обоснованной. В связи с тем, что вне зависимости от того, закреплено это в конституции или нет — ее нормы имеют прямое действие (см. ранее представленный пример решения Верховного Суда США), более того, конституция не как явление имеет своим свойством высшую юридическую силу, а именно как основной закон государства. Базовый и учредительный характер — являются ее чертами, характеризующими способ принятия и назначения, а не юридическими свойствами, выделяющими конституцию среди иных нормативно-правовых актов. Прямое действие конституции не является ее дополнительным свойством, оно, имеет иную природу, поскольку только нормы Конституции наделены им в полной мере, в отличие от федеральных конституционных и федеральных законов, которые, по нашему мнению, обладают им производно от самой Конституции, так как принимают-

ся и вступают в силу на основе ее норм, и имеют содержание, не противоречащее Основному Закону России, а, если ошибка все же происходит, то спор разрешается на базе норм Конституции Российской Федерации.

Таким образом, полагаем, что верховенство и высшая юридическая сила — постоянные качественные характеристики Конституции как основного закона, следовательно, они, как юридические свойства, могут называться статическими, так как раскрывают сущность конституции как таковой — отличие ее от всех иных законов, ее место в иерархии нормативно-правовых актов. Прямое же действие представляется возможным отнести к динамическому свойству норм Основного закона, то есть связанному с процессом и востребованным в процессе реализации норм конституции.

Рассматриваемое прямое действие Конституции РФ, с одной стороны, является основополагающим — обеспечивающим своим наличием возможность приобретения конституционно-правовыми предписаниями реальности, с другой — оно обусловлено ее юридическими свойствами верховенством и высшей юридической силой, что позволяет говорить о нем как о производном от последних.

Литература

1. Аничкин Е. С. Основные черты развития конституционного законодательства Российской Федерации на рубеже XX — XXI вв.: учебное пособие. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. — 136с.
2. Геляхов А. С. О роли, юридическом качестве и перспективах Конституции Российской Федерации // Конституция и конституционная законность. Материалы IV Северо-кавказской региональной научно-практической конференции. — Владикавказ: Владикавказский инст-т управления, 2007. — С. 34-42.
3. Конституционное право в Российской Федерации: Курс лекций: В 9 тт. / М. П. Авдеенкова, Ю. А. Дмитриев. — М.: Издательство «Весь мир», 2005. — Т. 1. Основы теории конституционного права. — 384с.
4. Конюхова И. А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть: Курс лекций. — М.: ОАО «Издательский Дом “Городец”», 2006. — 592с.
5. Кравец И. А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — 675с.
6. Основы государства и права: Учебное пособие / Рук-ль авторского коллектива академик В. А. Ржевский. — Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995. — 512с.
7. Филянина И. М. Прямое действие положений Конституции — основа легитимности основного закона // Актуальные проблемы пуб-

личного, частного права и правоохранительной деятельности в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 23-24 апр. 2008 г.; под ред. И. М. Филининой. — Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. — С. 64-65.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ: СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ В КОНТЕКСТЕ УНИФИКАЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В.Г. Седунова

Юридический институт, Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск
lerasedunova1@mail.ru

В настоящее время вопрос о злоупотреблении правом достаточно подробно исследован отраслевыми юридическими науками. Однако отсутствует единый подход к определению сущности и понятия злоупотребления правом с позиций общей теории. Вместе с тем, рассмотрение злоупотребления правом как правовой категории даёт возможность сформулировать ориентированные на правовую сферу деятельности критерии, способствующие разграничению дефиниции «злоупотребление правом» от иных близких по смыслу понятий, способствуя унификации судебной практики.

Конституции РФ устанавливает общий принцип недопустимости злоупотреблений правом. Так, согласно ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В разных отраслях права под «злоупотреблением правом» зачастую понимаются разные правовые явления. Думается, это неудивительно, так как даже среди учёных-исследователей нет единой точки зрения на то, что есть «злоупотребление правом» и какова его сущность. Вышеуказанное является аргументом в пользу развития идеи о необходимости рассмотрения злоупотребления правом в качестве правовой категории, как предельное по уровню обобщения фундаментальное абстрактное понятие теории права [1, С. 58].

Как отмечает О.Н. Бармина, «легальной дефиниции термина «злоупотребление правом» ни один закон не содержит» [2, С. 24]. А.Ф. Черданцев находил такое решение: «если в законе не определено ... значение юридических терминов, то им следует придавать то значение, в котором они употребляются в юридической науке и практике» [3, С. 40].

Чтобы дать определение понятию злоупотребление правом необходимо выделить наиболее существенные его признаки.

Сложность определения данного правового явления обуславливается его «обрастание» как существенными, так и несущественными признаками.

Согласно подходу, при котором злоупотребление правом понимается в качестве «обычного правонарушения», злоупотребление правом имеет признаки правонарушения: общественная вредность, противоправность, виновность, наказуемость.

Другие учёные рассматривают злоупотребление субъективным правом как «особый вид правонарушения», который помимо указанных должен обладать ещё и дополнительными признаками: злонамеренность действия, обязательное указание на цель осуществления субъективного права, нарушение управомоченным лицом пределов осуществления права [4, С. 67-69].

В рамках тех концепций, которые рассматривают злоупотребление правом как правомерное деяния, существенными признаются следующие отличительные черты: неразумное, недобросовестное, безнравственное осуществление права, антисоциальная направленность действий управомоченного субъекта [4, С. 67-69].

А.А. Малиновский выделяет два универсальных (сущностных, отличительных) признака злоупотребления права: причинение вреда посредством осуществления права; осуществление права в противоречии с его назначением [4].

В отраслевых юридических науках акцентируется внимание на других признаках, характеризующих сущность злоупотребления правом как правового явления. Так, злоупотребление правом в сфере трудовых отношений, по мнению Е.М. Офман, должно определяться через следующие признаки:

- а) причинение вреда (или создание реальной угрозы его причинения) другим управомоченным субъектам;
- б) получение необоснованных преимуществ одного субъекта права перед другими управомоченными лицами;
- в) неправомерное ограничение злоупотребляющим прав других управомоченных субъектов;
- г) нарушение злоупотребляющим целей, установленных нормативными правовыми актами [5, С. 7].

В сфере предпринимательской деятельности предлагается рассматривать злоупотребление правом как действие, нарушающее не права и свободы, а интересы других лиц, не опосредованные субъективными правами [6, С. 37].

По нашему мнению, обязательные признаки злоупотребления правом, без которых ни одно злоупотребление правом не может быть названо таковым, выражаются в следующем:

1. Злоупотребление правом происходит в процессе осуществления субъектом своих прав. Злоупотребление правом может иметь место лишь при условии наличия у лица соответствующего права. Данный тезис неоднократно подтверждался судебной практикой, в том числе в обобщенном Высшим Арбитражным судом Российской Федерации информационном письме [7] и встречает в последнее время много единомышленников в научной среде [8, С. 23].

2. Наличие причинения вреда правам третьих лиц. Наиболее существенным признаком исследуемого феномена является «причинение зла» в результате осуществления права. Точной и максимально полной, отражающей сущность анализируемого понятия представляется дефиниция, предложенная В.П. Грибановым, который под вредом предлагает понимать всякое умаление личного или имущественного блага[9, С. 329]. Причинённый злоупотреблением вред можно классифицировать по потерпевшим, для которых наступили неблагоприятные последствия в результате осуществления субъективного права, таким как личность, общество и государство.

Иные признаки, например, осуществление права в противоречии с его назначением, интерес в осуществлении субъективного права и другие присущи только отдельным видам злоупотребления правом и носят второстепенный характер.

Исходя из двух основных универсальных признаков, названных выше, мы предлагаем следующее общее определение: злоупотребление правом – это действие, выраженное в осуществлении лицом своего субъективного права, посредством которого причиняется вред другому лицу, группе лиц, обществу или государству.

Литература

1. Васильев А.М. Правовые категории. – М., 1976.
2. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ. – Дисс. ... канд. юрид. наук.– Киров, 2014.
3. Черданцев А.Ф. Толкование советского права: (Теория и практика). – М.: Юрид. лит., 1979.
4. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование): монография. – М.: Юрлитинформ, 2007.
5. Офман Е.М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений. – Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006.
6. Избрехт П.А. Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности. – Дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.

7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.11.2008 №127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2009. – № 2.

8. Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности. – Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009.

9. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2000.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ПАРАДИГМЫ

E. B. Семьянов

Московский государственный институт международных отношений
(университет)Министерства иностранных дел России», г. Москва
evsemyanov24@gmail.com

В современных философско-религиозных учениях идея ответственности представлена как обязанность свободного субъекта, ограниченного этой же обязанностью.

«Понятие обязанности первично по отношению к понятию права, подчиненному и относительному. Право действительно не само по себе, а лишь через обязанность, которой оно соответствует; реальное осуществление права исходит не от его обладателя, а от других людей, признающих себя чем-либо обязанными по отношению к нему. Обязанность, как только она признана, является действенной. Не будучи признанной никем, она не теряет ничего от полноты своего существа. Право, не признанное никем, мало что собой представляет» [1, с. 29].

Таким образом, обязанность становится результатом проявления уважения и долга. И то и другое есть этические самоограничения в социальной сфере. Это и есть та «сознанная необходимость», то есть свобода.

Подлинная свобода есть свобода обязанного субъекта, то есть ответственное существование, сущность которого заключается в надисторической тотальности обязанности.

В европейском сознании отображен принцип ответственности всех за всех. Это и есть свобода.

Основная идея либерализма — свобода, но не «воля». Свобода всегда предполагает ответственность, а воля — ничего не требует и не допускает [3].

В пару к «воле» действительно ничего, кроме «наказания», поставить невозможно: государство вынуждено бороться с крайними проявлениями

воли, то есть фактически - с произволом, и борьба эта есть история преступления и наказания.

Таким образом, в рамках новой парадигмы власти сформировалась идея юридической ответственности, которая предполагает ответственность каждого за себя перед обществом.

Сущность же юридической ответственности заключается в том, что она есть обязанность, обязанность универсального толка (каждого перед всеми). В силу этой универсальности ответственность есть принцип права наравне со справедливостью, свободой и т.д. Ответственность всегда коррелирует со свободой: там, где нет свободы, нет и ответственности, и – наоборот. Все гражданское право, как совокупность определенного вида правоотношений, проистекает из двух источников (оснований) – конвенциональные (договор) / не конвенциональные (абсолютное право и delict). Сущность гражданского права, как сохранение состояния системы гражданских правоотношений является отражением сущности юридической ответственности, как обязанности каждого перед каждым соблюдать права и охраняемые законом интересы каждого, то есть соблюдением определенного правопорядка. Именно этим обстоятельством и объясняется восстановительный характер санкций гражданско-правовых норм, а так же отсутствием как таковой гражданско-правовой ответственности, понимаемой в современной юридической литературе как «нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и их реализация» [2, с. 11].

Санкции гражданско-правовых норм пугают субъектов гражданско-правовых отношений к сохранению *statusquo*, либо надлежащему исполнению принятых на себя каждым обязанным субъектом гражданско-правовых отношений *ex contractu* или *ex legis*. Потому и сущность гражданско-правовых санкций обеспечительная; они обеспечивают надлежащее исполнение участниками гражданско-правовых отношений своих обязательств в отсутствие карательного («наказательного») контекста. Именно этим обстоятельством и объясняется возможность применения восстановительных санкций материального характера в иных отраслях права (например, в трудовой, административном и уголовном праве) одновременно с применением санкций-наказаний отраслевого характера. Так, возникающие в процессе трудовой деятельности субъекта права правоотношения гражданско-правового характера носят внедоговорный характер и не регулируются нормами трудового права, а, следовательно, не относятся к ви-

дам дисциплинарной ответственности. Само по себе наличие или состояние субъекта права в трудовых отношениях с работодателем в определенных законом случаях является лишь юридическим фактом, лежащим в основании деликтных правоотношений и, тем самым, условием применения гражданско-правовых санкций, пусть и в существенно ограниченном ex legis объеме. Институт гражданского иска в уголовном процессе и возможность дополнительно (субсидиарно) возместить причиненный ущерб в результате действия/бездействия субъекта права, квалифицированного как административное правонарушение, создают иллюзию повторного наказания за одно и то же деяние. В случае причинения материальных убытков вследствие совершения правонарушения, квалифицируемого как административное правонарушение/уголовное преступление мы имеем дело исключительно с деликтными правоотношениями. При одновременном применении санкций уголовно-/административно-правовых и гражданско-правовых проявляется противоречие: первые apriori предполагают виновное деяние и невозможность применения наказания без вины, а вторые – возможность применения безотносительно вины лица, совершившего деликт. Ответственность имеет место вне вины, а наказание только для виновного. Этим можно объяснить и особый характер рассмотрения судами гражданских исков в уголовном процессе – без анализа сущности возникших в результате совершения преступления гражданско-правовых отношений и удовлетворение в полном объеме без каких-либо оговорок при условии признания предъявленного иска подсудимым.

Литература

1. Вейль С. Укоренение. Письмо клирику. Киев: Дух и литература, 2000. 194 с.
2. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: дисс... д. ю. н.. Самара, 2004. 487 с.
3. Шайтанов И.О. Идеи ответственности в русской культуре нет... // Шайтанов И.О. Как было и как вспомнилось (Соврем. автобиогр. и мемуар. проза). М.: Знание, 1981. 64 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

В. В. Степанова

Институт философии и права СО РАН

Коррупция в современном обществе представляет собой сложное социальное явление, сочетающее в себе множество взаимосвязанных эле-

ментов общественной жизни. Огромные масштабы коррупции, наличие у нее международных разветвленных связей делают невозможным решение проблемы усилиями только правоохранительных органов или даже всего государственного аппарата. Только согласованные усилия государственных и общественных институтов могут стать залогом победы над этим явлением. И здесь на первый план выходит общественный контроль.

Институт общественного контроля тесно связан с противодействием коррупции.

Согласно исследованию ВЦИОМ «Коррупция в России: мониторинг» до 2015 г. россияне в целом не видели эффекта от действий властей по борьбе с коррупцией, тогда как в нынешнем году общество отметило, что государство принялось за коррупцию всерьёз [1]. Не последнюю роль здесь сыграл активно формирующийся институт общественного контроля. Однако, по мнению россиян, уровень коррумпированности целого ряда государственных и общественных институтов страны остается довольно высоким: в первую очередь ГИБДД, полиции и здравоохранения. Это позволяет сделать вывод о том, как много еще предстоит сделать в этой сфере и насколько важно вовлекать в борьбу с коррупцией все гражданское общество.

Существует множество организаций и отдельных активистов, которые отслеживают работу органов власти, проводят мониторинги открытости официальных сайтов правоохранительных органов, а также следят за госзакупками. Наиболее известным примером такой организации является Общероссийский народный фронт. Проект ОНФ «За честные закупки» объединил уже более 4 тыс. человек, его результатом стала отмена государственных закупок на сумму более 100 млрд. руб., возбуждение 11 500 уголовных дел коррупционной направленности за 1 полугодие 2015 года, привлечение к дисциплинарной ответственности 400 государственных служащих (по итогам общественной проверки деклараций), выявление 27 серых коррупционных схем [2]. Такая работа также является формой общественного контроля и нацелена на снижение уровня коррупции в стране.

Согласно статистике, по состоянию на 2015 год в России функционирует 18 470 некоммерческих организаций, занимающихся антикоррупционной деятельностью, включая деятельность по содействию в формировании в обществе активного неприятия коррупции [3].

И чтобы эта цифра продолжала расти, необходимо дальнейшее формирование системы стимулов для активного участия гражданского общества в борьбе с коррупцией, выработка форм и механизмов поддержки государством организаций негосударственного сектора, принимающих активное участие в противодействии коррупции.

В апреле 2015 года Общественной палатой России была проведена конференция, направленная на развитие частно - государственного антикоррупционного партнерства [4]. Также в 2015 году в Общественной палате стартовала серия круглых столов «Школа антикоррупционного права», в рамках которых студенты и гражданские активисты получили возможность обсудить с федеральными экспертами вопросы теории и практики работы НКО в части противодействия коррупции [5].

А 15 мая были проведены «нулевые чтения» законопроекта «О защите лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях, от преследования и ущемления их прав и законных интересов». Несмотря на то, что законопроект нуждается в доработке, поскольку в законопроекте не дано четкого определения коррупции (это затруднит его реализацию на практике), а также необходимость доработки статьи о материальном поощрении лиц, сообщивших о факте коррупции, закон получил одобрение Общественной палаты и возможно, после окончательной правки? будет внесен в Государственную Думу.

Для того чтобы борьба с коррупцией была эффективной, необходимо наличие рабочих механизмов и процедур, предусматривающих участие структур гражданского общества, независимых экспертов в реализации антикоррупционных мер, установление ответственности за игнорирование должностными лицами сигналов институтов гражданского общества, СМИ, касающихся коррупционных проявлений, в первую очередь, вызвавших большой общественный резонанс.

Однако воспитание общества – одна из важнейших превентивных мер борьбы с коррупцией, это ключ к нулевой терпимости к этому явлению. Именно такой подход помог победить постоянно растущую коррупцию Сингапуру, который по праву занимает первые места в рейтингах стран с наиболее низким уровнем коррупции. Общество всегда должно иметь возможностьказать влияние на действующую власть. Если члены этого общества видят, что сами органы власти не борются с коррупцией, если члены общества не имеют представления о своих правах и реального механизма влияния на действия органов власти, то такое положение может привести к кризису в государстве. Первейшей задачей общественного контроля является формирование и развитие гражданского правосознания и это делает его важнейшим инструментом для взаимодействия общества и государства в борьбе с коррупцией.

Литература

1. По данным опроса ВЦИОМ «Коррупция в России: мониторинг».- URL:http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-10-26-korrupcia.pdf

2. По данным ежегодного доклада Общественной Палаты РФ о состоянии гражданского общества в РФ. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/doklad_OPRF_2015_19012016.pdf
3. По данным ежегодного доклада Общественной Палаты РФ о состоянии гражданского общества в РФ. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/doklad_OPRF_2015_19012016.pdf
4. Общественная палата РФ считает общественный контроль средством борьбы с коррупцией // Сайт Общественной палаты Российской Федерации, 15 апреля 2015 г. – URL: <https://oprf.ru/ru/press/news/2015/newsitem/28939>.
5. Школа антикоррупционного права // Сайт Общественной палаты Российской Федерации. – URL: <https://oprf.ru/press/anno/newsitem/31176>.

ПРОЦЕДУРА ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ «УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ»

М.В. Сухоревская

Сибирский университет потребительской кооперации
suhorevskaya@yandex.ru

Принятие любого нормативно-правового акта имеет своей целью регулирование определенной группы отношений в той или иной сфере. Однако принятие и имплементация акта зачастую сопровождается определенными издержками, которые в некоторых случаях превышают ожидаемые выгоды от принятого решения. В правовой науке выделяют два вида таких издержек: первичные и вторичные. «К первичным издержкам относятся затраты государственного органа на подготовку, утверждение, осуществление нормативного решения, а также контроль его исполнения. К вторичным издержкам относятся затраты агентов экономических и социальных отношений, возникающих из-за соблюдения требований, правил и норм, которые устанавливает данный акт. Оба эти вида затрат в совокупности составляют административные издержки государственного регулирования.<...> Причем если затраты регулятивных органов достаточно легко поддаются калькуляции, то издержки агентов экономических и социальных отношений, связанных с соблюдением принимаемых правил, оценить и прогнозировать сложно» [3, с. 4]. Стремление к балансу между сторонниками усиления государственного регулирования, с одной стороны, и сторонниками deregulation, с другой, в западной практике нормотворчества выражается в успешном принятии и применении концепции «умного регулирования» («smartregulation»). В одной из своих статей Д.Б. Цыганков в соавторстве с П.Г. Карповой доступно объяснил, что является

целями совершенствования государственного регулирования согласно данной концепции [2, с.5]:

- во-первых, это «упрощение» законодательства, создание норм более понятных для тех, кто их должен соблюдать;
- во-вторых, обеспечение учета мнений и позиций заинтересованных сторон в процессе регулятивной деятельности государства;
- в-третьих, комплексный подход в совершенствовании законодательства, включая различные стадии принятия законопроектов и оценки уже существующих законов, охват совокупности взятых актов, работа на различных уровнях власти.

Краеугольным камнем концепции «умного регулирования» является процедура оценки регулирующего воздействия проектов нормативных актов. Эта процедура основана на анализе проблем и целей государственного регулирования, определении возможных вариантов достижения целей, а также оценке связанных с ними позитивных и негативных эффектов с целью выбора наиболее эффективного варианта в соответствии со специальными установленными процедурами.[4, дата обращения - 15.10.2016 г.]

В юридической литературе обычно выделяют два типа государственного регулирования:

- в первом типе больший акцент делается на повышении экономической эффективности рынка, однако регулируемое государством перераспределение ресурсов, улучшая положение одних агентов рынка, одновременно ухудшает положение других;
- во втором типе государственное регулирование призвано достичь идеала социальной справедливости в обществе. Инструментарием такого регулирования, как правило, являются государственная социальная помощь и ставки налогообложения, что в свою очередь напрямую отражается на экономической эффективности агентов рынка.

Наряду с институтом ОРВ в российском праве существуют и другие виды экспертиз. А.Б. Дицкин отмечает, что «в юридической науке и правотворческой деятельности используются множество видов экспертиз – правовая, антикоррупционная, лингвистическая экспертизы. Эти виды экспертиз направлены на устранение коррупционных факторов, которые возникают в силу несовершенства юридического текста, и на улучшение формулировок правовых норм в структуре нормативного правового акта, т. е. на правовую форму без учета специфики регулируемых общественных отношений. [5, с. 19-20] Поэтому с точки зрения норм российского законодательства оценку регулирующего воздействия действующих правовых актов следует называть социально-экономической экспертизой, цель которой состоит в выявлении негативных социальных и экономических последствий действия правового акта».[1, с. 5-6]

OPB направлена на поиск компромисс между экономической эффективностью и социальной справедливостью, на снижение издержек как государства, так и предпринимательства, на прозрачность принимаемых органами власти решений в области бизнеса, на активное участие и возможное влияние на итоговый результат заинтересованных сторон (стейкхолдеров), а не только государственных органов, на снижение административных барьеров, на поддержание диалога между властью и бизнесом.

Поскольку процедуры OPB подробно регламентированы законом – заключениям об OPB придается нормативный характер, что свидетельствует о серьезности намерений государства прислушиваться к мнению агентов рынка.

Ключевые цели проведения процедуры OPB приведены в открытом интернет ресурсе Минэкономразвития РФ [4, дата обращения - 15.10.2016 г.]:

- Рассчитать выгоды и издержки субъектов предпринимательской и иной деятельности, других заинтересованных лиц, связанные с оплатой прямо установленных регулированием платежей, так и с прочими организационными расходами по выполнению вновь вводимых требований, включающими затраты трудового времени сотрудников, необходимые материалы, а также затраты на консультации и обучение;
- Оценить воздействие регулирования на деловой климат и инвестиционную привлекательность страны или региона, конкуренцию и структуру рынков;
- Обеспечить выбор наиболее эффективного варианта решения проблем;
- Снизить риски, связанные с введением нового регулирования и повысить доверие граждан и бизнеса к принимаемым государством решениям.

Если же по результатам процедуры OPB принимается отрицательное заключение, это вовсе не означает автоматическую отмену рассматриваемого законопроекта, но стимулирует разработчиков к поискам иных путей решения.

Примерная схема проведения процедуры OPB похожа во всех странах с развитыми экономическими и правовыми системами:

- выделяются несколько возможных вариантов реализации одного итого же действия (положения нормативного документа);
 - определяются группы экономических агентов, на издержки и выгоды которых может оказывать влияние реализация соответствующего мероприятия;

- определяются потенциальные выгоды и издержки для различных групп интересов при различных вариантах осуществления действия;
- выявляется наиболее предпочтительный вариант реализации действия с точки зрения общественных интересов;
- разрабатываются варианты компенсации потерь групп, чьи интересы могут быть ущемлены при реализации соответствующей нормы;
- оцениваются риски того, что на практике будет реализован не оптимальный вариант. [3, с.5]

Безусловно, предложенный алгоритм носит обобщенный характер и на практике процедура ОРВ подробным образом регламентируется в законодательстве каждого государства принявшего «на вооружение» концепцию «умного регулирования» с учетом особенностей национального права и экономики, а также иных сфер, входящих в предметную область ОРВ. В российском законодательстве ОРВ подвергаются акты, влекущие экономический эффект, однако постепенное расширение сферы оценки регулирующего воздействия было определено в качестве одного из магистральных направлений развития института. На данный момент предметная область ОРВ расширена за счет: области таможенного и налогового администрирования, поправок Правительства РФ к внесенным Правительством РФ законопроектам, законопроектов, подготовленных к рассмотрению Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации во втором чтении, проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии. [4, дата обращения - 15.10.2016 г.]

Помимо этого следует отметить последовательность внедрения института ОРВ в Российской Федерации. Если первоначально ОРВ подвергались лишь проекты федеральных нормативных актов, то с 2014 года процедуру начали внедрять регионы, а с 2015 – ОРВ стали применять на местном уровне.

Таким образом, изучив особенности ОРВ как основы концепции «умного регулирования», опираясь на исследования ученых-юристов и открытые материалы официальных интернет ресурсов Минэкономразвития можно попытаться сформулировать наиболее полное определение ОРВ. Итак, *оценка регулирующего воздействия* – это открытая процедура публичных консультаций с привлечением органов государственной власти, представителей бизнес-сообщества, экспертов и иных заинтересованных сторон, направленная на повышение качества принимаемых государством решений и управления в целом, минимизацию издержек реализации нормативных правовых актов до момента их принятия, обоснование необходимости принятия соответствующих правовых норм, прозрачность нормотворчества, установление реального диалога власти и бизнеса, итогом которой является подготовка и размещение на официальном портале (иных интернет-ресурсах) сводки предложений и заключения об ОРВ, по-

зволяющих существенно усовершенствовать проект нормативного правового акта к моменту его принятия.

Литература

1. Дидикин А. Б.Социально-экономическая экспертиза нормативных правовых актов: понятие, сущность и механизм применения // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Право. 2015. Т. 11, вып. 2. С. 5–11.
2. Карпова П.Г., Цыганков Д.Б. Советы по оптимизации регулирования как неотъемлемый компонент «smart regulation» // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3
3. Куприяшин Г.Л., Сарычева Н.Н. Концепция «умного регулирования»: зарубежный опыт и возможность его применения в государственном управлении России // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2013. №2. С. 3-20
4. Общие сведения об оценке регулирующего воздействия | Оценка регулирующего воздействия | Министерство экономического развития Российской Федерации // URL // <http://orv.gov.ru/Education/Lesson/18>
5. Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы международного семинара. М.: изд. Гос. думы, 2003. 152 с.

УЧАСТИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОВЕДЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Е.-Д.С. Третьякова
СИУ РАНХиГС, г. Новосибирск
3180@ngs.ru

Федеральный закон от 17 июля 2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» наделяет правом на проведение независимой антикоррупционной экспертизы *институты гражданского общества и граждан* (ст. 5) [1].

В законодательстве, нормативное закрепление дефиниций «гражданское общество», «институты гражданского общества», отсутствует [2]. Так, Указом Президента РФ от 13 марта 2012 № 297 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012 - 2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» [3] предусматривается возможность появления в России Федерального закона об общественном контроле. В 2014 году соответствующий Федеральный закон был принят [4], в котором назва-

ны субъекты общественного контроля, которые могут быть отнесены к институтам гражданского общества и являются элементами гражданского общества в России. Среди задач, решаемых в ходе общественного контроля, указано формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению.

Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 № 96 [5], и приказом Министерства юстиции РФ от 27 июля 2012 № 146 «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [6] определено, что независимую антикоррупционную экспертизу проводят юридические и физические лица.

Следует отметить, что в этих документах категория независимых экспертов определяется по-разному: в Федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» используется понятие «институты гражданского общества и граждане», а в вышенназванных постановлениях Правительства Российской Федерации и в Порядке Минюста России рассматривается понятие «юридические и физические лица». В связи с этим возникает противоречие в определении категории лиц, имеющих право стать независимым экспертом.

Например, одним из элементов гражданского общества являются общественные объединения, которые в соответствии со статьей 3 Федерального закона от 19 мая 1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [7] могут регистрироваться и приобретать права юридического лица либо функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица. Так, общественное объединение, являясь институтом гражданского общества и функционирующее без образования юридического лица, фактически лишается права стать независимым экспертом, несмотря на то, что статьей 5 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» такая возможность ему предоставлена.

Таким образом, использование в федеральных нормативных актах разных понятий рассматривается как юридико-лингвистическая неопределенность, по факту приводящая к возможности необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций, что,

согласно Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96, расценивается как два коррупциогенных фактора.

Итак, правовое направление общественного антикоррупционного контроля заключается в участии институтов гражданского общества в процессе реализации независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) [7, С. 82]. Вместе с тем, необходима активная деятельность институтов гражданского общества по общественному антикоррупционному контролю, привлечение все большего внимания широкой общественности к проблемам профилактики и противодействия коррупции.

Литература

1. Рос. газ. 2009. № 133. 22 июля.
2. См. подробнее об этом: Каменская Е.В. Институт независимой антикоррупционной экспертизы: проблемы теории и практики // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. - Ставрополь: НОУ ВПО "Северо-Кавказский гуманит. ин-т", 2012, № 4. - С. 409-415.
3. СЗ РФ. 2012. 2012 г. № 12 ст. 1391. 19 марта.
4. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. № 163. 23 июля.
5. Рос. газ. 2010. № 46. 5 марта.
6. Рос. газ. 2012. № 197. 29 августа.
7. Рос. газ. 1995. № 100. 25 мая.
8. Кузнецова П.Ю. Участие институтов гражданского общества в общественном антикоррупционном контроле (российский опыт) // Вестн. ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2015. №4. С. 80-88.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

В. А. Трясоумов
АГП РФ, г. Санкт-Петербург
vovan.tria@yandex.ru

Вопросу квалификации причинения смерти по неосторожности сопутствует низкая законодательная проработка, а также практика привле-

чения к уголовной ответственности, которая тяготеет к привлечению за более тяжкие умышленные составы лиц, совершивших подобные деяния. Поэтому проблема квалификации преступлений, совершаемых по неосторожности, и их ограничение от смежных составов преступлений, весьма актуальна, и требует тщательного изучения.

Основная проблема заключается в квалификации причинения смерти по неосторожности в зависимости от вида вины: легкомыслия или неосторожности. Как представляется, необходимо не только разграничивать причинения смерти по неосторожности на деяния совершенные по легкомыслию, и совершенные по небрежности, но и дифференцировать санкцию за данный состав преступления по неосторожности в зависимости от вида вины.

Различие общественной опасности причинения смерти в результате легкомыслия и по небрежности реально существует, и это обязывает каждый раз устанавливать вид неосторожности, когда виновный привлекается к ответственности. Это необходимо для того, чтобы отграничить, с одной стороны, неосторожное причинение смерти от убийства, а с другой - от случайного причинения смерти. Чтобы точно определить вид вины, нужно выяснить предвидел ли виновный возможность наступления смерти или нет, максимально достоверно установить обстоятельства совершения деяния, отношения лица его совершающего. К сожалению, в практике часто можно встретить примеры того, что действия лица квалифицируются неверно. Проблему мог бы разрешить Пленум Верховного Суда РФ, издав постановление с дополнительным разъяснением того, что можно считать легкомыслием и небрежностью. Это бы изменило судебную практику, а уже под нее подстроилась и система предварительного расследования. Также с нашей точки зрения, кажется, что необходимо разграничить в статье 109 УК РФ, санкцию за причинение смерти по неосторожности по легкомыслию и небрежности, так как существующая норма не дает разграничения, а это влечет возможность вынесения несправедливого наказания. Дифференциация санкций также помогла бы максимально индивидуализировать подход к вынесению обвинительного приговора.

Далее рассмотрим проблему ограничения причинения смерти по неосторожности от смежных составов преступлений и невиновного причинения вреда.

Причинение смерти по небрежности граничит со случаем (казусом), то есть невиновным причинением вреда (ст. 28 УК РФ), когда лицо не только не предвидит возможность наступления смерти, но по обстоятельствам дела не должно и не могло ее предвидеть [1, с. 132].

В научной среде выделяют три модели поведения, когда в действиях лица усматривается невиновное причинение вреда.

Первая модель поведения отличается от всех форм и видов вины отсутствием осознания общественной опасности и невозможностью её осознания. В правоприменительной практике встречаются случаи объективного вменения за действия, когда лицо, вообще не осознает общественной опасности своих действий и не может ее осознавать. Это указывает на то, что необходимо дополнительно разъяснить, что считать небрежностью и легкомыслием, чтобы избежать подобных ситуаций, так как правоприменитель фактически не понимает сути небрежности.

Санжаров Ф.И. считает, что вторая модель ограничивается от небрежности отсутствием обязанности или невозможностью предвидеть наступление общественно опасных последствий [2, с.148]. Здесь необходимо установить обязанность лица предвидеть последствия. Если лицо не было обязано предвидеть последствия, но могло их предвидеть, то данное лицо не подлежит уголовной ответственности.

А третья модель отличается от легкомыслия невозможностью предотвратить общественно опасные последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств - требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. Малая практика, а также оценочность используемых понятий, порождает множество правоприменительных ошибок.

Далее рассмотрим вопрос разграничения преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, с таким смежным составом преступления, как убийство.

Совершение убийства с прямым умыслом несложно отграничить от причинения смерти по неосторожности. Совершенное с прямым умыслом убийство отличается от причинения смерти по неосторожности и по интеллектуальному моменту, и по волевому. По мнению Бородина С.В. невозможно представить ситуацию, когда виновное лицо предвидит, что в результате его действия человек неизбежно погибнет, но, не желая причинения ему смерти, все же совершает общественно опасное деяние, приведшее к гибели потерпевшего [3, с.467].

Однако, причинение смерти по легкомыслию имеет немало общего с убийством, вина в совершении которого выражена в виде косвенного умысла: и в том, и в другом случае лицо не желает причинения смерти, и предвидит возможность наступления последствий в виде смерти. Однако есть различия и в интеллектуальном, и в волевом моменте. Отличие в интеллектуальном моменте заключается в определении степени предвидения возможности наступления последствий, в случае с косвенным умыслом ученые говорят о реальной возможности, а в случае с легкомыслием эта возможность лишь абстрактна. Субъективная сторона неосторожного причинения смерти предполагает отрицательное отношение субъекта к вред-

ным последствиям в противовес положительному или нейтральному отношению в случае убийства с косвенным умыслом.

Поэтому мы полагаем, что необходимо издание соответствующего постановления Пленумом Верховного Суда РФ, в котором в четкой форме было бы определено, чем конкретно должна характеризоваться вина субъекта в каждом из двух рассматриваемых случаев.

В этой работе нам удалось охватить лишь малую часть проблем, связанных с квалификацией причинения смерти по неосторожности. На основе анализа судебной практики, научной литературы и современного уголовного закона, приходим к выводу, что современное российское право в данной сфере еще далеко от совершенства. Многие проблемы квалификации причинения смерти по неосторожности не решены.

Литература

1. Кашапов, Р.М. Усмотрение следователя при квалификации причинения смерти по неосторожности / Р.М. Кашапов // Власть и управление на востоке России – 2015 – №3. – С. 130-133.
2. Санжаров, Ф.И. Некоторые вопросы невиновного причинения вреда / Ф.И. Санжаров // Проблемы современной науки и образования – 2015 – №7 – С. 147-149
3. Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. – СПб. : Юрид. центр Пресс – 2003. – 467 с.

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТАМОЖЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ШОС

М. Г. Шилина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва
mary.shilina@gmail.com

В настоящее время происходит расширение объема норм и сферы правового регулирования межгосударственных экономических отношений. Данный процесс приводит и к развитию международного таможенного права, как отрасли международного права, призванной регулировать таможенные отношения между государствами по охране их экономического суверенитета [1, С.6]. Большой вклад в разработку основ комплексного международно-правового таможенного режима вносят акты, принимаемые в рамках международных организаций, которые помогают координировать взаимодействие государств в соответствующих сферах общественной жизни [6] (в особенности, соглашения, принятые в рамках ГATT и реко-

мендации других международных организаций (таких как Всемирная таможенная организация)).

В новых geopolитических реалиях одним из наиболее перспективных механизмов межгосударственного взаимодействия в Евразии является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 г.. Отличительная особенность ШОС по сравнению с другими крупными региональными международными организациями [15, С.21] видится в том, что ШОС обладает уникальным сочетанием функций, является «организацией с широкой предметной компетенцией» [4, С.45]. За короткий период существования ШОС трансформировалась в полифункциональную международную организацию [16].

Одним из первых документов ШОС по вопросам экономического взаимодействия является подписанный в 2001 г. *Меморандум между Правительствами государств-членов ШОС об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций* [7]. Данний международный многосторонний межгосударственный акт в ст. 1 определяет, что основными целями развития экономического сотрудничества государств-членов ШОС являются: «создание условий для постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий; гармонизация национальных законодательств, регулирующих внешнеэкономическую деятельность».

В развитие Меморандума в 2003 г. главы правительств государств-членов ШОС подписали *Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС на 20 лет* [13], в которой в качестве долгосрочной цели (до 2020 г.) предполагается создать «благоприятные условия для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий».

Таким образом, данные многосторонние акты ШОС устанавливают цель по развитию региональной экономической интеграции, при этом указанные цели выходят за рамки понятия зоны свободной торговли [2, 5], поскольку включают не только свободное передвижение товаров, но и «капиталов, услуг и технологий», предполагая создание общего рынка.

Дальнейшее международно-правовое закрепление организационно-правовых форм регулирования многосторонних экономических отношений в рамках ШОС отражено в виде договорных норм *Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС от 2007 г.* [3], в котором содержится иной подход. Так, акцент переносится с первоначальных декларативных целей, на практическую работу по созданию реально достижимых механизмов международно-правового регулирования экономической деятельности, прежде всего путем реализации отдельных многосторонних проектов, и закрепляется обязательство

стимулировать осуществление региональных проектов (ст.15) и положение о том, что стороны «создают благоприятные условия для развития торговли, стимулирования инвестиций и обмена технологиями» (ст.13, п.1).

ШОС обладает соответствующей институциональной структурой, обеспечивающей ее непрерывную деятельность (ст. 4 Хартии ШОС). Решения по принципиальным вопросам экономической деятельности принимаются высшим органом ШОС – Советом глав государств, а руководящим органом ШОС по экономическим вопросам является Совет глав правительств (СГП), который решает основные вопросы, относящиеся к конкретным, в особенности экономическим сферам взаимодействия. Деятельность СГП регулируется Положением о Совете глав правительств [11].

Исполнительными органами ШОС специальной компетенции являются Совещания руководителей министерств и/или ведомств (СРМВ). Их деятельность регулируется ст.8 Хартии ШОС и специально принятым Положением [12]. Основной задачей является рассмотрение на регулярной основе вопросов отраслевого сотрудничества в соответствующих областях. Предусмотрена также возможность создания на постоянной или временной основе специальных групп экспертов для проработки отдельных вопросов сотрудничества, которые формируются из представителей министерств и/или ведомств государств-членов.

В связи с углублением экономического взаимодействия в рамках ШОС, значение органов отраслевого сотрудничества, которыми являются СРМВ, в системе органов ШОС начало возрастать. Так, одновременно с формированием нормативно-правовой базы в сфере экономического взаимодействия, в ШОС была создана и развивается система органов межгосударственного согласования по экономическим вопросам: механизм Совещания министров государств-членов ШОС, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность (СВЭД), деятельность которого регулируется Протоколом к межправительственному Меморандуму.

В 2004 г. был утвержден *План мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества* [10], который конкретизирует положения Программы и содержит перечень мер по организации совместной деятельности, включая сотрудничество в таможенной сфере (предполагающее шесть мероприятий). В 2005 г. был принят *Механизм реализации Плана мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества* [9]. Основными рабочими органами по реализации Плана мероприятий определены Специальные рабочие группы по основным направлениям сотрудничества при СВЭД, а также Комиссия старших должностных лиц при Совещании министров (КСДЛ).

В 2004 г. была создана Специальная рабочая группа по таможенному сотрудничеству (СРГ), на заседаниях которой рассматриваются клю-

чевые вопросы в указанной области. В рамках заседаний также проводятся встречи экспертов (например, отвечающих за подготовку и повышения квалификации должностных лиц таможенных органов государств-членов ШОС). Таким образом, к сегодняшнему дню в ШОС сформировалась определенная структура органов, позволяющая государствам членам взаимодействовать в экономической, в том числе в таможенной, сфере.

Взаимодействие в экономических областях в ШОС, обусловленное текущими сложными геоэкономическими и политическими условиями, активизируется. Однако не по всем заявленным направлениям приняты соответствующие международно-правовые акты, существует лишь несколько многосторонних соглашений, касающихся отдельных направлений экономического взаимодействия (в частности, такое соглашение существует в таможенной сфере).

Работа над первыми многосторонними межгосударственными экономическими документами ШОС началась в 2004 г.. В 2004-2007 гг. в рамках СРГ по таможенному сотрудничеству в соответствии с Планом мероприятий (п.18) был разработан проект *Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах* [14]. Подписано Соглашение было 2 ноября 2007 г. в Ташкенте.

В рамках реализации данного документа между таможенными службами государств-членов ШОС были подписаны два Протокола. Так, подписан *Протокол об обмене информацией в области контроля за перемещением энергоресурсов* от 30 октября 2008 г. (в целях практической реализация которого были проведены двусторонние консультации с таможенными службами государств-членов по согласованию технических условий информационного взаимодействия в области контроля за перемещением энергоресурсов) и *Протокол о сотрудничестве в области подготовки и повышения квалификации должностных лиц таможенных органов* от 14 октября 2009 г..

Соглашение содержит значимые для экономических взаимоотношений на пространстве ШОС нормы: общие определения по таможенным вопросам (термины) в ст.1; положения об упрощении таможенных формальностей (ст.3) о мерах по взаимному упрощению порядка и условий транзитного перемещения товаров и транспортных средств; о порядке и процедурах обмена информацией или проведения проверок. Таможенным службам предоставлено право издавать в рамках своей компетенции необходимые для исполнения Соглашения нормативные правовые акты (ст.13). Соглашение заключено на неопределенный срок.

Отметим, что в Соглашении содержатся оговорки (ссылки на отказ от выполнения запроса по основаниям нанесения возможного ущерба «сувениритету, национальной безопасности, экономическим интересам»

или «противоречия законодательству или международным обязательствам запрашиваемой Стороны» (ст.10, п.2)), которые могут значительно снизить сотрудничество таможенных служб. Тем не менее, документ существенен для развития таможенного взаимодействия в ШОС.

В 2011-2012 гг. велась работа над разделом «Сотрудничество в таможенной сфере» проекта *Перечня мероприятий по дальнейшему развитию проектной деятельности в рамках ШОС на период 2012-2016 гг.*, и работа над проектом *Протокола об обмене информацией, необходимой для определения и контроля таможенной стоимости товаров* (в связи с тем, что вопрос целесообразности его разработки не был включен в Перечень мероприятий, эксперты таможенных служб решили приостановить работу над проектом до нахождения консенсуса). Также в 2012 г. был подписан *Меморандум по защите прав интеллектуальной собственности* [8] (таможенные службы государств-членов ШОС договорились о направлении в Секретариат СРГ информации о контактных лицах подразделений, ответственных за вопросы защиты прав интеллектуальной собственности). Данные документы способствуют дальнейшему совершенствованию договорно-правовой базы и повышению уровня таможенного сотрудничества.

В 2016 г. в Москве проведено 29-ое заседание СРГ. Повестка дня заседания состояла из актуальных вопросов, связанных с реализацией *Программы взаимодействия таможенных служб государств-членов ШОС на 2016-2021 гг.*, а также Плана мероприятий по его реализации. В ходе заседания были обсуждены проекты *Протокола об обмене информацией, необходимой для определения и контроля таможенной стоимости товаров*, а также *Меморандума о взаимной интеграции национальных транзитных систем*, Плана работы СРГ на 2017 г.. Представители таможенных служб согласовали проект *Перечня по дальнейшему развитию проектной деятельности в рамках ШОС на период 2017 – 2021 гг.*.

Таким образом, в ШОС сложилась достаточно эффективная международно-правовая основа и единственная институциональная структура для осуществления таможенного сотрудничества. Данная область межгосударственного экономического взаимодействия в ШОС получает заметное развитие.

Литература

1. Борисов К.Г. Международное таможенное право. 2-е изд., доп. - М.: Изд-во РУДН, 2001. – 616 с.
2. Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс. М. 2004.
3. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС от 16 августа 2007 г. // Режим доступа: <http://infoshos.ru/ru/?id=22>

4. Зимонин В.Л. ШОС: масштабы влияния // Безопасность. Спецвыпуск ШОС, №2, 2007.
5. Калачян К. Региональная экономическая интеграция как часть мирового процесса интеграции. М. 2003.
6. Лазарев М.И. Теоретические вопросы современного международного права. М., 1983.
7. Меморандум между Правительствами государств-членов ШОС об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций от 14.09.2001 г.
8. Меморандум о сотрудничестве по защите прав интеллектуальной собственности между таможенными службами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 5 декабря 2012 г.
9. Механизм реализации Плана мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС. 26.10.2005 г.
10. План мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 23.09.2004 г.
11. Положение о Совете глав правительств (премьер-министров) государств- членов Шанхайской организации сотрудничества от 29 мая 2003 г. Избранные документы Шанхайской организации сотрудничества. Секретариат ШОС. Пекин. 2006.
12. Положение о Совещаниях руководителей министерств и/или ведомств государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 29 мая 2003 г. Избранные документы Шанхайской организации сотрудничества. Секретариат ШОС. Пекин. 2006.
13. Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС от 23.08.2003 г. Избранные документы Шанхайской организации сотрудничества. Секретариат ШОС. Пекин. 2006.
14. Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных дела. 2 ноября 2007 г.
15. Чжао Хуашен. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. Московский центр Карнеги. Рабочие материалы №5 2005.
16. Шилина М.Г. Шанхайская организация сотрудничества как формат политического и экономического взаимодействия государств: реалии и перспективы // Бизнес. Общество. Власть. 2014. № 21. С. 41–61. // Режим доступа: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2014--21/141402169.html>

ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДВИЖИМЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОГЛАСНО ДЕЛЬФИЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ СОВЕТА ЕВРОПЫ ОТ 23 ИЮНЯ 1985 ГОДА

Ю. Л. Юринец

Национальный авиационный университет, г. Киев
belkinajulia@list.ru

Обобщение опасностей для движимых культурных ценностей приводится в преамбуле Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14.11.1970 г.): кражи, тайные раскопки, незаконный вывоз. В п. 3 Рекомендации об охране движимых культурных ценностей (Париж, 28.11.1978 г.) дополнительно указываются: повреждения, деформации. Также уделяется внимание и проблеме незаконного вывоза (п. 8). В документе Krakowskого симпозиума по вопросам культурного наследия государств-участников СБСЕ (Krakow, 06.06.1991 г.) предусмотрено, что государства-участники будут делать все возможное для улучшения условий хранения уязвимых материалов культуры, таких как бумага, кинопленка и запатентованные звуковые материалы, обеспечения сохранности таких материалов культуры (п. 23). Государства-участники будут сотрудничать в предотвращении противозаконного обрата произведений культуры, например, рассматривая вопрос о присоединении к соответствующим международным документам (п. 30). Наиболее подробно правонарушения относительно культурных ценностей расписаны в Европейской конвенции о правонарушениях относительно культурных ценностей (Дельфы, 23.06.1985 г., далее – Конвенция). Виды правонарушений относительно культурных ценностей приведены в приложении III к Конвенции.

Указанные правонарушения разделены на 2 группы: 1-я группа – незаконное присвоение культурных ценностей; 2-я группа – незаконные операции с культурными ценностями, даже если этим операциям придан легальный вид.

Правонарушения каждой из групп разделены на подгруппы. Среди правонарушений 1-й группы указаны:

- а) кражи культурных ценностей;
- б) присвоение культурных ценностей путем применения насилия или угрозы;
- с) получение культурных ценностей путем правонарушения, упомянутого в данном пункте, независимо от места совершения такого правонарушения.

Среди правонарушений 2-й группы выделены:

а) деяния, состоящие в незаконном приобретении культурных ценностей другим лицом, независимо от того, квалифицируются ли такие деяния национальным законодательством как незаконное присвоение, мошенничество, злоупотребление доверием и иным образом;

б) пользование культурными ценностями, полученными в результате правонарушения против собственности иного, чем кражи;

с) приобретение вследствие грубой небрежности культурных ценностей, полученных в результате кражи или имущественного правонарушения иного, чем кражи;

д) уничтожение или повреждение культурных ценностей другим лицом;

е) достижение договоренности, за которой следуют явные действия, между двумя или более лицами с целью совершения правонарушения, указанного в 1-й группе правонарушений;

ф) отчуждение культурных ценностей, которые являются неотчуждаемыми согласно законодательству, даже если это отчуждение осуществляется законным собственником;

г) нарушение порядка проведения операций с археологическими ценностями (сокрытие, отчуждение или приобретение таких ценностей, найденных случайно или вследствие целенаправленных раскопок, проводимых в нарушение действующих правовых положений, в том числе скрытие ценностей, найденных в результате законных раскопок, а также найденных с использованием металлических детекторов при археологических работах, когда такое использование либо запрещено, либо оговорено условиями);

х) нарушение порядка вывоза культурных ценностей;

и) нарушение правовых положений относительно внесение изменений в облик охраняемых памятников и/или культурных ценностей;

ж) получение культурных ценностей, если первичное правонарушение входит в описанный перечень и независимо от места, где было совершено последнее.

Так, Федеральный Закон от 25.06.2002 р. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» включает Главу VIII, которая регулирует особенности владения, пользования распоряжения объектом культурного наследия. Так вот, если следовать требованиям Дельфийской конвенции, то нарушения указанных требований должно влечь не только гражданско-правовую (например, признание договора недействительным), но и административную или уголовную ответственность.

В частности, подгруппа ф) 2-й группы правонарушений включает: отчуждение и/или приобретение культурных ценностей, которые являются неотчуждаемыми согласно законодательству страны, или если отчуждение

таких ценностей требует получения предварительного разрешения компетентных органов, или если о таком отчуждении либо приобретении должно быть сообщено компетентным органам.

Подгруппа h) 2-й группы правонарушений включает: вывоз или попытка вывоза культурной собственности, вывоз которой запрещен законодательством страны; вывоз или попытка вывоза без разрешения компетентных органов культурных ценностей, вывоз которых осуществляется только при наличии такого разрешения в соответствии с законодательством страны; нарушение правовых положений страны.

Подгруппа i) 2-й группы правонарушений включает нарушение правовых положений: а) которое допускает внесение изменений в облик охраняемых памятников архитектуры, охраняемых передвижных объектов, представляющих культурную ценность, охраняемых монументальных ансамблей или охраняемых участков местности только с предварительного разрешения, выданного компетентными органами, или б) согласно которым собственник или владелец охраняемого памятника архитектуры, охраняемого передвижного объекта, представляющего культурную ценность, охраняемого монументального ансамбля или охраняемого участка местности должен сохранять его в надлежащем состоянии или сообщить о дефектах, которые подвергают опасности его сохранность.

К сожалению, по состоянию на 14.10.2016 г. Конвенцию подписали лишь 6 государств – членов Совета Европы: Греция, Италия, Кипр, Лихтенштейн, Португалия, Турция, что исключает её эффективное применение.

Оглавление

Пленарные доклады	3
<i>Гордиенко А.А.</i> Трансиституциональное сообщество как социокультурный узел инновационного развития региона в условиях реформирования науки и образования	3
<i>Аблажей А.М.</i> Реформа академической науки с точки зрения людей науки: анализ одного интервью	8
<i>Петров В.В.</i> Университетский формат научных исследований: в сетях концепций и критериев	11
<i>Кребель И.А.</i> Философия как проблема в системе современного российского образования	14
<i>Эмих В.В.</i> Конституционализм и права человека: основные тенденции развития	19
Философские исследования.....	21
<i>Безлепкин Е.А.</i> Компоненты единой теории	21
<i>Бодрова Ю.В.</i> Проблема насилия: философский аспект	25
<i>Бойко В.А.</i> Больная Россия: диагноз Н.А. Бердяева	27
<i>Винчковский Е.В.</i> Нейтральность в этнической политике государства	33
<i>Голиков Р.А.</i> Геополитическая ситуация современной России с позиции теории роста и распада государства Р. Коллинза	35
<i>Головко Н. В.</i> «Тропический (rainforest) реализм» Д. Росса и «бритва Оккама»	37
<i>Гукова А.В.</i> «Цинизм» как мировоззренческая основа современной этики	41
<i>Доможакова А.В.</i> Зарождение идеи гендерного равенства	44
<i>Евдокимова К.Н.</i> Попытка марксистского осмысления Ж.-П. Сартром феномена отчуждения	46
<i>Егорова О.С.</i> Философия пространства и времени А.В. Сухово-Кобылина	48
<i>Игаева К.В., Николаи Ф.В.</i> Концепт мужества в раннем экзистенциализме Эрнста Юнгера	50
<i>Коковин И.С.</i> Экономическое мышление И.Т. Посошкова как первичная форма экономической рефлексии в России XVIII столетия	53
<i>Косарев А. В.</i> «Точки поворота» в гуманитарных науках XX в.	56

<i>Маслов Д.К.</i> К вопросу определения атараксии в философии Секста Эмпирика	58
<i>Никитин А.П.</i> Постмодернистские концепции в философии денег	60
<i>Нилогов А.С.</i> Философия антиязыка как новый раздел философии	63
<i>Овчинников С.Е.</i> Эволюционная эпистемология и тезис Дюгема-Куйана	66
<i>Петренко М.В.</i> Причины и предпосылки возникновения конфуцианского учения	68
<i>Поротиков Е.И.</i> Субстантивизм и реляционизм: аргумент Эрмана-НORTона	71
<i>Санжанаков А.А.</i> От сократической заботы к стоическому искусству жизни	73
<i>Сидоров Д.С.</i> Условия социологического трансцендирования: идеология или утопия?	76
<i>Стецюк В.Б.</i> Концепция отношений общества и армии С. Хантингтона как методологическая основа изучения истории России XIX – начала XX вв.	80
<i>Сторожук А.Ю.</i> Трансформация эпистемологических стандартов эксперимента: сегодня и триста лет назад	83
<i>Тулаев В.О.</i> Провал проекта просвещения и диффузный цинизm	86
<i>Цыренжапов А.Б.</i> Философия Карла Хаусхофера	88
<i>Чихачев Д.М.</i> Гегелевская трактовка драмы и тезис о «конце искусства»	91
<i>Шевцов Н.С.</i> Проблема определения понятия «общество»	93
<i>Юринец Ю.Л., Пивовар И.В.</i> Философия концепта «культурные ценности» и практическое значение философских исследований в данной сфере	95
Социальные исследования	98
<i>Арсентьева В.А., Киселева Н.В.</i> Характер национальной толерантности студентов Новосибирска	98
<i>Белкин Л.М.</i> Социобиология и публичное управление: принципы интегративного подхода	100
<i>Бернююевич А.А.</i> Экологические проблемы северо-восточных провинций Китая в начале XXI века	102

<i>Васюкова А.О., Степанова Ю.Ю., Филон Д.Д.</i> Мнение студентов НГУЭУ о Великой Отечественной войне	105
<i>Гавриленко М.В.</i> Религиозная составляющая в служебно-боевой деятельности военнослужащих войск национальной гвардии	107
<i>Голубцова Н.А., Парfenova А. А.</i> Социально-политическая активность студентов города Новосибирска (по материалам исследования)	109
<i>Горбунов Н.М.</i> Исследование региональной идентичности школьников	112
<i>Дамарад И.С.</i> Межэтническая толерантность в воинских коллективах	115
<i>Дергунова Е.А.</i> Система здравоохранения как предмет ретроспективного социологического анализа	117
<i>Евдокимов А.И.</i> Основные тенденции восприятия мигрантов из стран Центральной Азии жителями Саяно-Алтая: сравнительный анализ исследований 2015-2016 гг.	120
<i>Ерашова Е.А., Вихрева А.А.</i> Восприятие идеи патриотизма новосибирскими студентами (по материалам социологического опроса)	122
<i>Желнина Е. В.</i> Теоретико-методологический анализ понятия инновации в структуре феномена инновационной активности.....	124
<i>Е.И. Заседателева</i> Сущность и особенности жизненных стратегий сельской молодежи	127
<i>Е.О. Илюхина</i> Нейрофилософское рассмотрение психопатической стороны личности	129
<i>Каширина М.В.</i> Институционализация электронных денежных средств как проявление символического характера денежного обмена	132
<i>Комаров О.Е., Месмер М.В.</i> Барьеры развития краудсорсинговых проектов	135
<i>Котомкина А.Е.</i> Теоретико-методологические основы изучения феномена подарка социальными науками	137
<i>Кудряшов И.С.</i> Этика и прагматика поступка в видеоиграх (на примере анализа RPG-игр)	140
<i>Кусторовская А.С.</i> Особенности изменений состава и деятельности адвокатуры Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1943)	142

<i>Леонова А.А.</i> Влияние человеческого капитала на динамику производства России	145
<i>Логинова М.В.</i> Проблема типов виктимности человека в современном социуме	146
<i>Лыщицкая Е.А.</i> Национальный аспект развития системы образования в 1920-1930-е гг. в Хакасии	148
<i>Мадюкова С.А.</i> Этнические анклавы как социокультурный феномен	151
<i>Насонов А.С.</i> Социальные сети как инструмент диагностики межэтнических отношений в городской среде (на примере социальной сети «Вконтакте»)	154
<i>Персидская О.А.</i> Этноэкономика как детерминанта региональной национальной политики	156
<i>Попкова К.В.</i> Отношение к молодежным субкультурам в российском обществе	159
<i>Поцелуева А.И.</i> Университет как индикатор развития общества	161
<i>Репина Е.И.</i> Некоторые аспекты взаимодействия «социального» и «рационального» в современном обществе	163
<i>Романов Р.Е.</i> Социальный портрет молодых бригадиров советских предприятий в годы войны 1941-1945: феномен «короткого» лифта мобильности	165
<i>Руденкин Д.В.</i> К вопросу об эволюции политического поведения постсоветской российской молодежи	168
<i>Сакоева Р.Д.</i> Образ национального героя в алтайском национальном сознании	172
<i>Силинская А.С.</i> Семиотика языков искусства: проблемы исследования	174
<i>Тарасенко Э.В.</i> Хронотоп в романе Умберто Эко «Имя розы»	177
<i>Тарбастаева И.С.</i> К вопросу об эффективности региональной этнонациональной политики	179
<i>Украинцева И.Д.</i> Проблемы инклюзивного образования в Республике Бурятия	182
<i>Филатова В.М.</i> Толерантность в условиях информационного общества	184

<i>Чеботарева А.В.</i> Социальный портрет провинциальных советских руководителей в первой половине 1920-х гг. (на материалах Донбасса)	186
<i>Шумилова Э.Е.</i> Категория «повседневность» в исторических исследованиях	189
<i>Юдицкая Е.С.</i> Историческая память российской молодежи о Великой Отечественной войне	192
Правовые исследования.....	196
<i>Белкин Л.М.</i> Нормативные документы ИКАО относительно ограничений на полеты воздушных судов гражданской авиации	196
<i>Белкин М.Л.</i> Европейский суд по правам человека относительно права на правовую помощь	198
<i>Бобров Ф. А.</i> Развитие ГЧП в России в форме концессии	200
<i>Боброва В.В.</i> Проблемы «многоликости» единоличного исполнительного органа ООО	203
<i>Дидикин А.Б.</i> Учет практики публичных консультаций в Новосибирской области для применения экономической экспертизы в муниципальных образованиях региона	206
<i>Ермакова А.А.</i> Использование аудио- и видеозаписи как доказательства в гражданском судопроизводстве	209
<i>Жданова Л.Р.</i> Место мультимедийного продукта в действующем законодательстве Российской Федерации	212
<i>Игнатов М.А.</i> Проблемы правового регулирования расторжения обязательства, возникшего из договора	214
<i>Кареева И.Д.</i> К вопросу об объективном вменении в российском праве	217
<i>Козлова Н.В.</i> Соотношение механизмов общественного обсуждения и экономической экспертизы в субъекте Российской Федерации и муниципальном образовании	219
<i>Конов Т.Т.</i> Финансово-правовое регулирование государственных программ Российской Федерации	224
<i>Кочетков Н.М.</i> Исследование правового режима в рамках тринитарно-синергетического метода	226
<i>Кочкина Е. Д.</i> Роль актов Минфина в налоговом праве РФ	228

<i>Курбанова А.А.</i> Правовое положение женщин в трудовых отношениях	232
<i>Лавриченко Б.М.</i> Выводы о притворных сделках в постановлении пленума ВС РФ ОТ 23.06.2015 г. № 25 и практике арбитражных судов	235
<i>Мурашова М.Ю.</i> Проблема отнесения негласной аудиозаписи к доказательствам в уголовном процессе	237
<i>Оленина Т.Ю.</i> Особенности юридической ответственности в области устойчивого управления лесами	239
<i>Ряховская Т.И.</i> К вопросу о динамическом свойстве Конституции Российской Федерации	242
<i>Седунова В.Г.</i> Злоупотребление правом: сущностные признаки в контексте унификации судебной практики	244
<i>Семьянов Е.В.</i> Юридическая ответственность в свете современной философско-правовой парадигмы	247
<i>Степанова В.В.</i> Общественный контроль как инструмент борьбы с коррупцией	249
<i>Сухоревская М.В.</i> Процедура оценки регулирующего воздействия как основа концепции «умного регулирования»	252
<i>Третьякова Е.-Д.С.</i> Участие институтов гражданского общества в проведении антикоррупционной экспертизы	256
<i>Трясоумов В.А.</i> Проблемы квалификации причинения смерти по неосторожности	258
<i>Шилина М.Г.</i> К вопросу о международно-правовом регулировании таможенного взаимодействия в рамках ШОС	261
<i>Юринец Ю.Л.</i> Правонарушения в сфере охраны движимых культурных ценностей согласно Дельфийской конвенции Совета Европы от 23 июня 1985 года	267

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы XIV Межрегиональной научной конференции
молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук

Под ред. А. Б. Дирикина, В. В. Петрова

Подписано в печать 14.11.2016 г.
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 17,25.
Усл. печ. л. 16. Тираж 100 экз.

Заказ №239

Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.